

63.2(1-52.3)
Р 34

Д. Я. Р Е З У Н

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
СИБИРСКОГО
ГОРОДА
XVIII век

63.3(253.3)+63.
Р34

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Д. Я. РЕЗУН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОГО ГОРОДА XVIII век

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
О. Н. Вилков

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

Рецензенты

кандидат исторических наук Л. Н. Дремлова, В. Н. Куралов

Утверждено к печати

Институтом истории, филологии и философии
СО АН СССР

Резун Д. Я.

Р34 Очерки истории изучения сибирского города. XVIII в. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1991. — 209 с. ISBN 5—02—029646—5.

В монографии дана оценка взглядам на историю возникновения и развития сибирских городов в XVIII—XVIII вв., существовавшим в русской исторической литературе. Исследование построено на анализе опубликованных работ Г. Ф. Миллера, его неопубликованных архивных материалов, а также топографических описаний Тобольска, Иркутска и Пермского наместничества 1784—1795 гг. и первых русских историко-географических словарей. Впервые введен в научный оборот ряд новых архивных рукописных источников, дан историко-научный и историко-географический анализ исторической литературы о сибирском городе.

Книга рассчитана на историков, краеведов.

0503030000—003
042025—91

ББК 63.3(2)46

ISBN 5—02—029646—5

© Издательство «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа является логическим продолжением нашего первого исследования¹, которое заканчивалось анализом различных городских летописцев начала XVIII в. В настоящей работе история сибирской исторической урбанистики начинается уже с Г. Ф. Миллера.

Восемнадцатый век по праву занимает особое, выдающееся место в истории не только русской науки, но и русской культуры. Именно в это время зарождается, по-видимому, осознанное социальное чувство города, городского образа жизни как весьма специфического общественного настроения, противоположного восприятию деревни как тихой, безмятежной пасторали. Недаром приятель А. Н. Радищева, господин Ч., встретившись с писателем на почтовой станции в Чудове, принял твердое решение: «Теперь прошусь я с городом навеки. Не введу никогда в нее жилище тигров. Единое их веселье грызть друг друга; отрада их томить слабого до издыхания и рабствовать власти...»²

Наш интерес к восемнадцатому веку объясняется тем, что в это время появляются первые общие и частные концепции по истории Сибири и ее городов. Исследования XIX в. в большинстве своем базируются не только на тех же архивных богатствах, которые были собраны и внесены в научный оборот в XVIII в., но и нередко на тех же теоретических основаниях, которые были впервые разработаны писателями прошлого. У писателей XVIII в., как правило, заметил М. Ю. Лотман, еще не было опущения того трагического разлада между государственными и общественными нуждами, который стал проявляться в творчестве писателей и ученых после 1825 г. Поэтому «казенный интерес» — сбор сведений на различные анкеты государственных ведомств — органично сочетался с

развитием науки. Под воздействием этого складывался тот пока еще не очень многочисленный слой местной интеллигенции и чиновничества, который начал заниматься краеведческой работой в Сибири. Сибирская урбанистика этой эпохи представляла собой, по сути дела, «единный литературный текст». Индивидуальность концепций, источников и авторского мнения еще только пробивалась, существовала очень сложная взаимосвязь между опубликованными и рукописными сочинениями. Наряду с первыми рационалистическими представлениями на страницах книг и манускриптов продолжали гулять «бродячие сюжеты» — общие штампы и легендарные предания о времени поселения русских городов в Сибири.

Советская историческая урбанистика берет свое начало в первые годы Советской власти, еще до становления марксизма как единственного метода научного исследования. В своем развитии она проходит несколько периодов. Этот процесс, как показала Д. А. Ширин³, был длительным и не всегда сопровождался позитивными сдвигами в конкретной разработке исторических сюжетов. Одновременно с этим далеко не равномерно росла источниковая база сибирской урбанистики, повышался уровень ее историографического осмысления.

Первый период хронологически можно ограничить рамками 1920—1941 гг. Открывается он изданием в 1920 г. курса лекций по истории Сибири, который читался В. И. Огородниковым в Иркутском университете в 1918—1919 гг., на фоне бурных дней гражданской войны⁴. Завершается этот период изданием «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера в 1937—1941 гг. Есть и другие общие причины, заставляющие ограничить время предвоенной порою. Это прежде всего издание «Краткого курса ВКП(б)», ставшего своего рода катехизисом «новой веры» для целого поколения историков.

Трудности изучения первого периода сибирской исторической урбанистики заключаются, помимо всего прочего, в определенной узости источниковой базы. Д. А. Ширин, занимавшаяся изучением русского феодалного города в советской исторической науке 1917 — начала 1930-х гг., отмечает

бурный рост краеведческого движения, когда не только шел поиск новых теоретических положений, но и создавались конкретные исследования о русских городах⁵. Однако, как вспоминает Д. С. Лихачев, «у нас на рубеже 30-х гг. краеведение было объявлено буржуазной националистической наукой» и многие «краеведы были арестованы»⁶, а их работы изъяты из научного и общественного пользования. Естественно, что Сибирь постигла та же участь, что и другие регионы страны. Поэтому то, что мы знаем сейчас об урбанистике той поры, — лишь слабый слепок картины, которая тогда существовала. Работы по истории городов и населенных пунктов создавались в самых разн^{ых}, нередко глухих уголках Сибири, многие из этого уже утеряно и забыто⁷.

В первый период было создано немало интересных работ, которые остаются в багаже нашей науки до сих пор. Прежде всего это исследования, посвященные истории и географии крупных регионов Сибири — Прибайкалью, Приенисейскому краю, Зауралью, Туруханскому и Красноярскому краям⁸. Наряду с этим создаются исторические исследования об отдельных городах — Иркутске, Енисейске, Верхнеудинске, Нерчинске, Братском остроге, Зашиверске, Красноярске, Нарыне, Мангазее и т. д.⁹ Профессиональный уровень этих работ различен: для большинства сочинений характерна относительная узость источниковой базы, покоящейся в основном на работах Г. Ф. Миллера, П. А. Словцова и некоторых других дореволюционных исследователей. Вихрь гражданской войны, пронесшийся над страной, в определенном плане нарушил сложившиеся научные связи, привел к потере части архивных документов по истории XVII—XVIII вв. и значительно ограничил доступ краеведов к таким дореволюционным изданиям, как «Акты исторические...», «Дополнения к Актам историческим...» и др. Этот пробел исследователи в ряде случаев были вынуждены компенсировать обращением к местной устной или письменной исторической традиции в отношении прошлого своего края и города. И надо сказать, что подобная деятельность краеведов первого периода развития сибирской ур-

бакинистики до сих пор не потеряла своего научного и культуроведческого интереса. Исключением являются работы той поры С. В. Бахрушина, которые вводили в науку целый пласт новых, неизвестных документов Сибирского приказа. В краеведении остро ощущалась нехватка новых источников, и в этом плане издание работы Г. Ф. Миллера¹⁰ с расширенной публикацией архивных документов из его Портфелей назолго создало прочную базу для последующего развития сибирской урбанистики. Из других крупных документальных изданий следует назвать сборник документов по истории Якутии XVII в.¹¹ Расширение источниковой базы сибирской урбанистики происходило также за счет материалов и наблюдений отдельных исследователей, проводивших самостоятельные историко-археологические обследования¹². Нельзя не отметить и очерки о городах Сибири, помещенные в знаменитой «Сибирской советской энциклопедии» (М., 1929—1934). В краткой и сжатой форме они закрепили то понимание истории городов Сибири, которое сложилось в то время.

Теоретический уровень распространенных концепций о возникновении и развитии русских городов Сибири конца XVI—XVII в. был различен. Прежде всего тезис о колонизации как способе и форме присоединения Сибири к России никогда так громко не звучал, как в те годы. Господствовала идея о военном характере колонизации. Наиболее яркое воплощение она получила в работе С. В. Бахрушина «Казак на Амуре». Известные в то время источники предоставляли обильный материал на эту тему. Поэтому и город рассматривался прежде всего в контексте военного продвижения в Сибирь — осады, пожары, походы казаков были одной из главных тем сибирской урбанистики. И в этом плане сибирский город действительно представлялся экономической «случайностью», носил «искусственный» характер. Не избегал влияния этих идей и С. В. Бахрушин. В теоретическом плане, как представляется, произошла определенная подмена понятий: здравая мысль об «искусственности» города для туземной жизни Сибири конца XVI в. была перенесена на социально-

экономические отношения и уровень развития самих русских переселенцев за Урал.

Однако частью исследователей, ярким представителем которых был опять же Бахрушин, колонизация Сибири и «стремительное продвижение русского населения на восток связывалось с оживлением товарно-денежного обращения в стране»¹³. Хотя Бахрушин не обходил молчанием тот факт, что первые русские города были созданы как военно-правительственные форпосты русской власти, тем не менее самое пристальное внимание в духе теории «торгового капитализма» он уделял торговле, «которая занимала особо важное место в экономике городов Сибири». Другой заслугой историка следует считать то, что он «поставил вопрос о роли служилого населения в развитии хозяйства городов и уездов»¹⁴, и работы его «дают ценнейший материал для изучения сибирского служилого населения»¹⁵. Особенно блестяще, на мой взгляд, его исследования по истории Мангазее. Именно в этих работах он показал, как происходило сращивание интересов служилых людей — основной части сибирских горожан — с торгово-промышленными кругами. Бахрушин был одним из первых, кто поставил вопрос о мирском городском самоуправлении в Сибири, тем самым значительно подорвав идею о сугубо военном, правительственном характере первых русских городов. Он также одним из первых поставил и удачно для того времени решил проблему изучения классовой борьбы в сибирских городах¹⁶. Ярко обрисовав картину восовских злоупотреблений, отметил классовый характер политики царской администрации в Сибири, он с такой же убедительностью — а в чем-то даже и большей — показал успешность и результативность некоторых конкретных выступлений городского населения против власти. Однако в конце рассматриваемого периода концепция С. В. Бахрушина была отодвинута в тень и стало господствовать другое направление. Наиболее близко по своей концепции к работе Бахрушина исследование А. П. Окладникова 1937 г.¹⁷, в котором автор описал историю основания ряда острогов Прибайкалья и Забайкалья.

Представители другого направления рассматривали сибирский город прежде всего как военно-политический центр по эксплуатации сибирского коренного и русского населения. Абсолютизируя ряд моментов, они всячески расписывали тезис об «искусственном» происхождении городов в Сибири, черпая аргументы в дореволюционных исследованиях П. М. Головачева, Н. М. Ядринцева и др. Аллофеозом таких взглядов, даже по названию, является упомянутый выше сборник — «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» Во вступительной статье И. М. Троцкий наряду с рядом позитивных моментов отмечает, что «вольная колонизация оказалась совершенно опутанной феодальной и ростовщической кабалой», что «классовая борьба среди якутских колонизаторов, несмотря на частые всплески, не принимала острого характера и интересна не столько по результатам, сколько по тенденции»¹⁸. Расписывая возмездные злоупотребления, корыстные интересы приказных и служилых людей и не показывая другую сторону процесса, часть историков тем самым почти полностью переносила порядки крепостнической России на сибирскую действительность XVII в. Так, например, один из первых исследователей народных восстаний конца XVII в. Ф. А. Кудрявцев считал, что «основные причины», вызвавшие восстания народных масс, «определялись всем социально-экономическим строем крепостнического государства, основанном на самовластии царя, помещиков, агентов этого государства в Сибири... и на бесправии, угнетении народных масс»¹⁹. Все это, естественно, сопровождалось ссылками на цитаты из «Краткого курса истории ВКП(б)». Подчеркиванием бесправия сибирского населения, его заданностью государством, отказом рассматривать город как центр складывавшихся товарно-денежных отношений уничтожалась, на мой взгляд, сама идея альтернативности развития Сибири в XVII в., которая хотя и глухо, но все-таки звучала у С. В. Бахрушина.

Подводя итоги развития сибирской исторической урбанистики этого периода, можно сказать, что достаточно ярко был

показан сибирский город как военно-административный и политический центр эксплуатации русского и нерусского населения, отделанными фрагментами воссозданы история городского строительства и внешний облик городов, подмечена связь горожан с развитием товарного обращения. Однако совершенно неисследованными оставались проблемы города как аграрного центра своей округы, развития товарно-денежных отношений и вовлечения в этот процесс различных категорий городского населения.

Именно эти причины и вызвали появление трудов В. И. Шункова, который, не занимаясь специально историей сибирского города, тем не менее своей разработкой вопросов аграрной истории наметил начало второго периода сибирской урбанистики. Условно это 1946 г., когда вышла в свет его монография (затем появились и другие его работы²⁰). Окончание же периода, на мой взгляд, падает где-то на конец 1960-х гг. и связано с появлением в общерусской и сибирской историографии ряда общих и частных исследований, посвященных уже непосредственно проблеме генезиса позднефеодального города²¹.

В мою задачу не входит общая оценка творческого наследия В. И. Шункова, это уже сделано в ряде работ²². Подчеркну лишь главное для сибирской урбанистики — Шунков был в советской историографии первым (хотя сам и не задавался этой целью), кто с фактами в руках выделил проблему города как аграрного центра. Особенно наглядно это прозвучало в его очерке о географии земледелия и хлебных ценах. Без постановки и анализа данной проблемы невозможно всерьез говорить о генезисе сибирского города. Сегодня это аксиома сибирской исторической урбанистики, но тогда, безусловно, было новым подходом в истории. Дialeктика взаимоотношения города и деревни, по мысли Шункова, состоит в том, что хотя вначале «возникновение городов и их география разделения определялись явлениями, не связанными или мало связанными с сельскохозяйственным освоением района», но со временем «необходимость в собственном хлебе вызвала постоянное

стремление известить наших подопечных городов и острогов как можно быстрее, а особенно остро эта необходимость ощущалась в городах и острогах, возникших вдоль основного пути движения на восток, в которых скапливались относительно большие количества восточной и арктической продукции.²³ При этом историк обратил внимание на то, что «разбросанность земель южнее крупных земледельческих центров, какими были племменные города и старые слободы, обуславливала уже в то время (конец XVII и начало XVIII вв.) для Томска — для 1430-х гг. — Д. Р.» появление аренды земель.²⁴ Не только город и его развитие с его слободами земледельческого освоения территории, но и наоборот. Особенно это характерно для районов Восточной Сибири, где «возникновение и развитие земледелия в том или ином из этих малых районов было связано и в известной мере стимулировалось возникновением и развитием здесь административных центров — острогов, придавало им значение как бы самостоятельности».²⁵

Но наряду с этими позитивными моментами нельзя не отметить общую отрицательную оценку В. И. Шумкина сибирского города, занижающую уровень его социально-экономического развития. А так как ученый пользовался среди специалистов громадным авторитетом — и по праву, то на этом этапе развития сибиреведения позитивные моменты научных разработок Шумкина по нашей теме проливали себе дорожку с трудом. Основная масса сибиреведов унывала в работах историка только одну сторону — признание первостепенной роли земледелия и деревни в освоении Сибири, город же представлялся лишь как придаток к ним, своего рода «большая деревня».²⁶ Мысли Шумкина о влиянии торгово-денежных отношений по сбыту хлеба на развитие городов оставались, особенно на первых порах, вне поля зрения исследователей. Но суть дела, все это было очевидно уже на следующем этапе.

Во второй период развития сибирской урбанистики (1940—1960-е гг.) значительно расширяется источниковая база исследований. Полнее полно используются дореволюцион-

ные издания документальных материалов — «Акты исторические...», «Дополнения к Актам историческим...», «Русские исторические библиотеки» и др. Находятся также новые документальные источники, в числе которых «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии» (М., 1951), «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII — XVIII вв.» (С.-М., 1964), «Сборник документов по истории Бурятии, XVII века» (Улан-Удэ, 1966) и ряд других. Эти издания дали очень много для установления точных дат основания городов и острогов Сибири, для характеристики их возникших функций, позволили зримо представить материальную культуру, быт городов. Начиная широко применяться и новый архивный материал. Собою следует отметить использование тамбовских книг, содержащих обильный материал по истории деревни и ремесла в сибирских городах.

Именно в эти время рождаются различные направления в урбанистике. Наряду с собственно историческими исследованиями появляются первые экономико-географические разработки истории городов Сибири. И здесь следует назвать работу Р. М. Кабо «Города Западной Сибири, Факторы историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX вв.)» (М., 1949).²⁷ Метод Р. М. Кабо оказался очень плодотворным и успешно развивался впоследствии в работах Л. Е. Михе, В. В. Воробьева.²⁸

Другое направление, развивавшееся в это же время, — историко-архитектурное, представленное вначале работами А. В. Бунина, А. М. Тарского, В. А. Шварикова, Т. А. Амелиной.²⁹ Впоследствии это направление успешно развивалось в исследованиях В. В. Кирдалова, В. И. Качадинова и др.³⁰ Названные авторы были в научный оборот большую массу историко-архитектурных материалов, прояснили развитие городов как архитектурно-планировочных центров, выявили основные градостроительные принципы, описали технику строительства крепостных городских укреплений, рассмотрели некоторые сохранившиеся здания и сооружения как памятники

деревянного и каменного зодчества. Именно в работах этого периода прозвучали первые аргументы и возражения сторонников двух принципов организации городского пространства — «регулярности» и «живописности» сибирских городов XVII в.³¹ При этом если А. В. Бунин, а еще в большей степени А. М. Тверской считали, что для городской застройки было характерно диалектическое сочетание, в зависимости от географических и исторических условий, «регулярности» и «живописности», то В. А. Швариков преобладающим принципом градостроительства XVI—XVII вв. называл «живописность» сибирских городов³². Однако последующие исследователи, например Г. В. Азферова³³, слишком развели между собой эти две точки зрения, и, думается, ближе к истине О. Н. Вилков, показавший, что обе концепции существовали одновременно и переплетались друг с другом³⁴.

В 1940—1950-е гг. рождается также памятниковедческое направление в изучении города как комплексного памятника истории и культуры прошлого. Первые попытки подобных исследований делались еще в 20—30-е гг. Начавшиеся в 60-е гг. работы по созданию серии «Советский Союз», затем по Своду памятников истории и культуры народов СССР, а также возобновившиеся исследования истории городов и сел, заводов и фабрик дали новый импульс этому направлению.

Развитие памятниковедческого направления — достаточно сложное дело. Здесь требуется органическое сочетание данных и методов различных дисциплин — истории, экономгеографии, архитектуры, искусствоведения, социологии, культуроведения и т. д. Уровень развития науки послевоенного времени еще не мог обеспечить такого соединения, поэтому работы напоминают либо сугубо исторические исследования, либо архитектурные очерки. Из таких работ следует выделить книги Ф. А. Кудрявцева «Исторические памятники Иркутской области» (Иркутск, 1949), А. И. Погова «Томск» (М., 1959), И. Ласоцкого «Прошлое Томска» (Томск, 1952), П. Барадавкина «Исторические рассказы о Барнауле» (Барнаул, 1963), М. К. Одинцовой «Из истории русского деревенно-

го зодчества в Восточной Сибири (XVII век)» (Иркутск, 1958), В. Ф. Ретунского «Памятники Тобольска и его окрестностей» (Тюмень, 1960), Л. М. Мартынова «Повесть о Тобольском воеводстве» (Омск, 1954), а также ряд статей³⁵. Выдающаяся роль в формировании этого направления принадлежит В. И. Кончадинову³⁶.

Говоря об исторической урбанистике 1950-х гг., нельзя не сказать об общих работах по истории ряда регионов Сибири, где городская тема, не будучи главной, все же получала достаточно отчетливое отражение. Одной из таких работ является двухтомное исследование В. Н. Шерстобова «Илимская пашня» (Иркутск, 1949—1957). На его страницах приведено немало новых интересных данных о времени и обстоятельствах возникновения городов и острогов в этом регионе, о материальной культуре и строительстве их, населении, экономике и классовой борьбе. Однако основное внимание автора в силу господствовавшей тогда концепции было обращено на деревню, на крестьянство; город же в основном рассматривался как военно-административный центр. Все развитие товарно-денежных отношений, по мысли автора, проходило через деревню. Культурное значение книг Шерстобова огромно: уже в 1980-е гг. во время экспедиций приходилось убеждаться в том, что книги его хранились и читались во многих крестьянских семьях Илимского края³⁷.

Нарастание интереса к сибирскому городу как центру ремесленного производства и торговли было общим моментом развития отечественной историографии. Значительным явлением в науке стало появление работ М. Н. Тихомирова и А. М. Сахарова³⁸. Тем не менее сибиреведение еще не имело общей концепции истории возникновения и развития сибирских городов, их функциональности, роли и значения в ходе колонизации Сибири. Старая теория П. М. Головачева была отброшена, а новая только что возникла. Эту задачу попытался решить В. И. Сергеев, создав свою схему возникновения и первых шагов развития городов Сибири как последовательных, сменяющих друг друга ступеней социально-экономиче-

своей истории³⁹. Он считал, что «в начальном развитии сибирских городов-островов можно наблюдать три ступени... Первоначально город-остров — военная крепость, затем — торговый центр и, наконец, город как центр развития торговли, определенных промыслов, ремесел, центр сельскохозяйственной округи». Конечно, не все города-острова прошли эти три ступени развития; экономико-географические и исторические обстоятельства наложили существенный отпечаток на их развитие⁴⁰. В. И. Сергеев обратил внимание на то, что «если обычно в феодальном городе несомненной предпосылкой развития торговли должно служить развитие ремесел... то в сибирских городах в силу особых условий их возникновения происходит сосредоточение торговли, возникавшей первоначально лишь на базе специфически негородского промысла пушнина», а «затем уже следует развитие некоторых видов промыслов в городах преимущественно среди различных "государственных" служилых людей — основной части городского населения» и поэтому, мол, «возникающие на базе развития промыслов и отчасти ремесел экономические отношения открыты в городах военно-административными, служебными отношениями». Автор считал, что «первоначально военная организация городских поселений... неизбежно тормозит развитие городской жизни» и «только с распространением сельскохозяйственного сельского хозяйства в последующие десятилетия расширяется база для торгового обмена — у городов начинает возникать сельскохозяйственная округа»⁴¹. Данная теория была заметным вкладом в сибирскую урбанистику.

Нет возможности перечислить все работы второго периода, но о некоторых нужно сказать особо. В первую очередь об оригинальных исследованиях З. Я. Бовришиновой по истории города Томска XVII в.⁴² Ею были изучены многие вопросы истории города с привлечением широкой источниковой базы. В первой работе, посвященной этой теме, Бовришинова пришла к выводу, что основание города было связано не с одной какой-то причиной, а с суммой обстоятельств. С первых же лет существования Томска в нем развивается земледелие, ко-

торое становится одним из основных занятий горожан; определенную роль в хозяйственной жизни играют различные кустарные промыслы и ремесла, но развитие их не следует преувеличивать; торгово-денежные отношения только начинают развиваться, и хозяйство русских поселенцев в своей основе продолжает оставаться «натурально-замкнутым»; невелики также размеры хлебной торговли, причем сбыт в основном идет среди городского населения⁴³. Эти же выводы были повторены автором и в последующих работах по истории Томска в XVII в. и в целом положительно оценены в нашей историографии⁴⁴. Присоединяясь к этой оценке, следует выделить одну важную особенность теоретических построений З. Я. Бовришиновой: вопреки своим теоретическим установкам, она на фактах наглядно показала, что аграрная функция сибирского «пашенного» города не вторична, а первична и следует не после торговой, а перед ней. Однако причины, которые побуждали русских людей, например служилых, заниматься земледелием, автор объясняет действием «вынужденных» факторов: «необеспеченность продовольствием, низкие оклады и неаккуратная выплата хлебного жалования вынуждали служилых людей заниматься хлебопашеством»⁴⁵. При этом размеры служилого земледелия занижались, и главными производителями хлеба автор бездоказательно, по мнению Н. И. Никитина, называет томских крестьян⁴⁶.

Дело в том, что и эта работа — одна из лучших в исторической науке 50-х гг. — несла на себе явный отпечаток теоретических и политических воззрений тех лет, когда в основу конкретного исследования бралось указание о том, что «историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям "завоевателей" и "покорителей" государств, а должна прежде всего заниматься историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»⁴⁷. Такое понимание истории применительно к рассматриваемой теме практически выводило служилых людей как государственных слуг из

числа горожан, очень мало внимания уделялось им как активным торгово-промышленным слоям населения. Основными производителями материальных благ признавались прежде всего посадские и крестьяне. И естественно, что для разработки истории сибирского города, где почти до конца XVIII в. численность посадских и крестьян была меньше, чем служилых, это затрудняло научное изучение проблемы. Но в целом, говоря о работах З. Я. Бояршиновой, следует согласиться с Н. Н. Покровским, который считает ее труды примером того, «как много и в самые трудные для извлечения объективной исторической истины времена зависело от личности ученого, его научной порядочности»⁴⁸.

Другой вариант развития сибирского города был рассмотрен Ф. Г. Сафроновым, монографическое исследование которого о Якутске до сих пор не потеряло своего значения⁴⁹. Автор сумел показать, что хозяйственное значение города не всегда определялось его посадом, развитием самой городской экономики, для «непашенных» городов такое основополагающее значение могли иметь сам административный статус поселения и его транзитные, торгово-распорядительные функции. Так на конкретном материале были подтверждены мысли Р. М. Кабо о географическом районировании и функциональности сибирских городов.

Важные выводы по истории городских поселений Прибайкалья и Забайкалья содержались в работах О. И. Кашик и М. К. Одиновой⁵⁰. Рассмотрев значительный новый архивный материал, исследователи пришли к выводам, что в конце XVIII в. резко возрастали таможенные оборы Нерчинска и Иркутска, «более четко обозначались главные центры местной торговли, стали постоянными межгородские связи в пределах Сибири», а состав торгующих «расширился за счет местных служилых и посадских людей»⁵¹.

Названные выше работы с точки зрения фактологии, а также в определенном теоретическом плане продвинули вперед сибирскую историческую урбанистику. Для большинства же работ 1950—1960-х гг. были характерны два момента.

Первый из них заключался в преувеличении крепостнической зависимости сибиряков, в пристальном внимании к истории земледельческого освоения Сибири, к истории крестьянства. При этом проблема города как аграрного центра нередко выпадала из поля зрения исследователей. Другой момент, на мой взгляд, заключается в том, что данные таможенных книг использовались в малом объеме, без системы и сравнений, поэтому полной картины еще не могло сложиться. Авторы второго тома «Истории Сибири» (Л., 1968), например, вообще обошлись без параграфа о городах Сибири XVII в.

Отношение большинства исследователей к литературе XVIII в. носило прагматический характер, причем использовались в основном опубликованные работы, большой массив рукописной литературы оставался практически не известным авторам. В теоретико-методологическом плане Г. Ф. Миллер и особенно И. Е. Финклер в основном порицались как апологеты «военной колонизации», официального взгляда на историю Сибири.

Определенным «прорывом» в сибирской исторической урбанистике была публикация в 1950-х гг. творческого наследия С. В. Бахрушина, особенно его монографии о Красноярском уезде XVIII в.⁵² Эта работа, написанная еще в 30—40-е гг., но опубликованная только в 1959 г., по своему духу являлась как бы предвестником нового периода в урбанистике.

Завершая обзор второго периода, нельзя не сказать и об освещении по сути дела новых сюжетов — городских восстаний. Они находят отражение в упоминавшихся работах З. Я. Бояршиновой, Ф. Г. Сафронова, С. В. Бахрушина, как самостоятельный исторический сюжет поднимаются в исследовании В. А. Александрова, В. С. Флерова и некоторых других⁵³.

С середины 1960-х гг., на мой взгляд, начинается третий период развития сибирской урбанистики. Историки признают, что помимо изучения проблем заселения и демографии существуют «еще специальные городские явления, которые и делают необходимым самостоятельное рассмотрение городского

населения»⁵⁴. Нам приходилось уже высказываться об этом периоде⁵⁵, поэтому остановимся только на некоторых существенных моментах.

Прежде всего отметим значительное расширение источниковой базы. Более полно и глубоко стали привлекаться сибирские таможенные книги, что достаточно ярко проявилось в работах О. Н. Вилкова, В. Н. Курилова, А. А. Люндарской, Н. И. Никитина, Г. А. Лосонтьевой, Т. Н. Касиановой и др.⁵⁶ Появляются публикации новых документальных источников по истории городов Сибири⁵⁷, налаживается издание сериала сборников, посвященных проблемам сибирских городов конца XVI — начала XX в.⁵⁸ Многие дали для расширения источниковой базы и археология. Уникальные материалы получены при археологических раскопках в сибирских городах Мангзее, Илимске и Зашиверске⁵⁹. В целом археологические работы в этих городских поселениях показали, что даже в суровых условиях русские города были многофункциональны⁶⁰ и выделение для них и подобных им поселений каких-то особых «пушнодобывающих» и «пушномобильных» функций нельзя считать правильным, ибо само по себе развитие пушных промыслов напрямую не связано с функционированием городских сфер экономики и культуры. «Даже в истории промыслового освоения Северной Канады многочисленные торговые факторы в большинстве своем не сыграли градообразующей роли»⁶¹.

Значительно расширяется круг использованных письменных источников. Издаются сборники новых документальных материалов: «Русско-монгольские отношения. 1636—1654». (М., 1974), «Русско-китайские отношения в XVII веке» (М., 1969—1972. — Т. 1, 2).

Продолжая лучшие традиции дореволюционного городоведения, Г. Ф. Быков и Л. П. Шорохов издают с обстоятельными и интересными комментариями двухтомный сборник документальных материалов по истории Красноярска XVII — первой половины XIX в. «Город у Красного Яра. — Красноярск, 1981. — Т. 1; 1986. — Т. 2». Шире начинают привле-

каться и издаваться различные письменные источники, которые хотя и были раньше известны, но использовались крайне слабо. — это историко-географические и топографические описания городов и уездов Сибири XVII в. И здесь нельзя не отметить упоминавшиеся выше исследования М. М. Гринько (1965), Г. Ф. Быкова (1981), Н. А. Миненко (1975) и др.

Меняется в целом и отношение к историографии XVIII в. Все чаще исследователи отходят от отношения к Г. Ф. Миллеру и другим историкам XVIII в. как «заполетам самодержавия», «колониальной эксплуатации» народов Сибири. Серьезным научно-организационным фактором, позволившим усилить разработку проблем сибирского городоведения, явилось издание сериала тематических сборников по истории городов Сибири конца XVI — начала XX в. под редакцией О. Н. Вилкова. Всего выпущено восемь сборников. Редакционный коллектив сумел привлечь к этому изданию многих авторов, занимавшихся проблемами городоведения.

Изменился и теоретический уровень изучения истории городов Сибири XVII в. В рамках концепции «раннего капитализма», которая была сформулирована А. А. Преображенским в монографии «Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.» (1972), складывается понимание того, что и сибирский город следует рассматривать как центр промышленности, ремесла и торговли. В монографии О. Н. Вилкова «Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке» (М., 1967), основанной на сплошном анализе таможенных книг, убедительно показан высоко поднявшийся уровень развития ремесла, промышленности и торговли в сибирских городах, на примере Тобольска сделан обоснованный вывод о том, что сибирский город, возникнув как военная крепость, за короткий исторический срок по уровню хозяйственного развития смог догнать некоторые старорусские города.

Однако, несмотря на это, продолжают функционировать представления о городах Сибири как «больших деревнях», где основным занятием горожан было сельское хозяйство, а городская экономика в целом носила натуральный характер.

Эту антитезу города — деревни пытался решить В. М. Сергеев в начале 1960-х гг., выдвинув идею об этапах развития сибирского города. Новый фактический материал по этой проблеме и теоретические выводы были приведены в ряде работ конца 60-х — начала 70-х гг. В статьях О. Н. Валкова поставлен вопрос об экономических связях сибирского города со своей округой, показана роль Тобольска как аграрного рынка, сделав вывод о том, что сельскохозяйственные занятия горожан и окрестных крестьян являются следствием не слабого развития товарно-денежных отношений, а, наоборот, интенсивного развития капиталистических отношений⁶². В. Н. Куриловым, в свою очередь, на примере Томска было показано, что разрывать между собой аграрный и промышленный секторы городской экономики нельзя, что именно первый закладывает основы для роста промышленности и торговли и что с самого начала в «пашенных» городах аграрный сектор нацелен скорее не на натуральный обмен, а на куплю и продажу, на рынок⁶³. Естественно, что встал вопрос о носителях этой торгово-промышленной функции — о городском населении. О. Н. Валков, В. Н. Курилов, А. Л. Любцдарская считали, что такими «буржуазным» городским населением в условиях малочисленности сибирского посада в ряде городов Сибири были служилые люди. К подобным выводам, хотя с рядом уточнений и дополнений, пришли также Н. И. Никитин, Г. А. Лесотьева, Г. А. Христенко⁶⁴.

Однако данная точка зрения встретила возражения у ряда исследователей, занимавшихся в основном историей XVIII—XIX вв. Н. А. Миненко было высказано сомнение в далеко зашедшем уровне развития ремесла, торговли и промышленности городов Сибири XVII в.: «Таким образом, на примере первых городов на территории Барабы и Новосибирского Приобья видно, насколько еще схожими в социально-экономическом отношении оказались город и деревня в феодальной Сибири»⁶⁵. Более развернуто в историографическом плане эта критика была изложена в монографии 1984 г. Разобрав основные положения концепции О. Н. Валкова и его сторон-

ников, Н. А. Миненко напомнила, что «тесная связь города с хлебопашеством свидетельствует о его неразрывности, о том, что данный город еще не стал таковым в собственном значении этого слова». И далее автор напоминает, что «классики марксизма указывали, что город есть результат отделения промышленности и торговли от земледелия». Поэтому «концепцию О. Н. Валкова и его последователей характеризует внутренняя противоречивость»⁶⁶.

Признавая за каждым исследователем право на свою точку зрения, замечу, что критика Н. А. Миненко носит оценочный характер в том плане, что указывает на слабое место концепции ее оппонентов — отсутствие широких историко-сравнительных параллелей, без которых тезис о развитии буржуазных отношений в колонизуемой Сибири XVII в. трудно воспринимался. Однако утверждения О. Н. Валкова об аграрном типе города в Сибири как об одной из моделей структуры сибирского города не лишены основания⁶⁷. Об этом говорили Л. В. Милов, П. Г. Рындзюнский, З. Ю. Копынский⁶⁸ и многие другие, о точке зрения которых, к слову сказать, Н. А. Миненко и не упоминает. Даже Я. Е. Водарский, склонный скорее отодвигать город от деревни, чем сблизить их, вынужден признать, что те поселения, где жили там «служилые люди занимались торгами и промыслами», «должны быть признаны торгово-промышленными поселениями». При этом следует четко учитывать долю служилых, занимавшихся такой деятельностью в городах⁶⁹. Сибирская урбанистика это последнее учитывает.

Н. А. Миненко считает, что критически подойти к точке зрения О. Н. Валкова заставляют также некоторые выводы, полученные авторами, придерживающимися иной точки зрения, и в качестве примера ссылается на работы Л. И. Копылова, изучавшего проблемы городской экономики XVIII в.⁷⁰ Данное представление характерно для состояния науки 1970—1980-х гг., когда в головах многих из нас господствовал принцип «остаточного» развития в науке: раз в XVII в. есть какие-то зачатки капитализма и тем более результаты,

то они должны быть ярко видны уже в XVIII—XIX вв. Идея поступательного развития истории здесь трактовалась как некое механическое движение, при этом забывалось о том, что история имеет свои отступления и зигзаги и далеко не обязательно явление, зародившееся в XVII в., должно процветать в последующее время. Качественная грань в снижении экономического потенциала Сибири XVIII в. обходилась стороной. Кроме того, рассуждая о значимости тех или иных факторов в процессе горообразования, о критериях понятия «города», нельзя забывать о жизненных реалиях прошлого, о чем хорошо напомнил Б. И. Мironov⁷¹.

Итак, третий период развития сибирской исторической урбанистики подошел к своему логическому концу. На повестке дня — задача перехода к следующему этапу. На основе новых социально-экономических и политологических разработок с использованием компьютеров и современных машинно-вычислительных методов, новых теоретических положений современной урбанистики (ибо нельзя уже более игнорировать современную школу социологического градостроительства⁷²) сибирская историческая урбанистика должна выйти на широкие историко-сравнительные параллели и обобщения не только в рамках России, но и в плане моделей колонируемых земель Нового и Старого Света.

В нашу задачу не входит дать полный очерк развития советской урбанистики, но, возвращаясь к третьему периоду, нельзя не сказать о некоторых тематических направлениях, которые стали особо заметны именно на этом отрезке времени. Интересные результаты достигнуты в разработке проблемы сибирского города как памятника архитектуры и культуры России XVII—XVIII вв.⁷³ Сегодня, думается, этот аспект чрезвычайно важен, и не только в сугубо историческом плане, но и в философском, и в социологическом. Проблемы городской культуры, городского образа жизни, «городского мышления» сейчас выдвигаются на первый план как модели интенсивного уровня социально-экономических изменений. И здесь обращение к истории очень актуально. В общерусской

урбанистике великолепным примером обращения к этой теме являются исследования М. Г. Рабиновича⁷⁴. В сибирской урбанистике можно назвать только одно подобное исследование⁷⁵. Кроме того, задачи создания свода памятников истории и культуры Сибири требуют не только данных о конкретном социально-экономическом развитии сибирских городов, но и сведений о сибирском городе как памятниковедческом и культуроведческом образе.

На этом же этапе развития в сибирской урбанистике рождается как самостоятельное тематическое направление историографическое, которое существует в разных формах исследования. Тут и историографические экскурсы в конкретную разработку отдельных вопросов⁷⁶, и рассмотрение городских сюжетов в творчестве историков⁷⁷, и историографический анализ письменных источников о городах того или иного региона⁷⁸, и традиционные предисловия и введения к городоведческим сборникам, и очерки в сводных историографических работах. Нет возможности перечислить все работы подобного жанра, но об одной из них следует сказать особо — это историографический очерк О. Н. Вилкова⁷⁹, первое подобного рода обобщение в советской историографии. По количеству перечисленных имен исследователей, занимавшихся проблемой сибирского города XVII в., мало какое исследование может сравниться с этим. Автор рассматривает развитие сибирской урбанистики на фоне общерусской. Его задача — показать, что объединяет разных историков в поступательном развитии сибиреведения, как разные подходы формируют качественно новую ступень развития урбанистики. Однако в силу такого тематического подхода в изложении Вилкова получается, что точка зрения, например, В. И. Шункова о характере позднего феодализма в Сибири ничем не отличается от мнения А. А. Преображенского, хотя сам Вилков приводит материал, свидетельствующий об обратном.

Принципиально важны для российской исторической урбанистики статьи В. В. Кириллова⁸⁰ и Б. И. Мironova⁸¹. В первой автор рассматривает наследие отечественного градо-

строительного искусства, выделяет основные направления, диалектику их развития, старается представить процесс формирования концепции. Особенно привлекателен для автора данных строк призыв В. В. Кириллова о том, что «настало время, когда необходимо посмотреть на древнерусский город в широком культурном контексте того времени»⁸². Однако с некоторыми частными авторскими положениями трудно согласиться. Так, Кириллов утверждает, что в дореволюционный период «отечественные исследования того времени сделали лишь первые шаги в осмыслении феномена древнерусского города...», «отрицательно сказывалась на методологии исследования древнерусского города обособленность исторической, археологической, философской и искусствоведческой науки». И далее: «Дореволюционный опыт при всех его заслугах был лишь приоткрытием к той огромной изыскательской и исследовательской работе, которая развернулась в советское время»⁸³. Мне думается, что это несколько заниженная оценка дореволюционной историографии: советская историография также имела не только свои достижения, определенная «обособленность исторической, археологической, философской и искусствоведческой науки» — характерная черта не только дореволюционной историографии, но и советской, не возникшая по ряду вопросов и сегодня.

В плане широкого подхода к проблеме позднефеодального города весьма удачной выглядит работа Б. И. Миронова. Это во многом современная, если хотите «перестроечная», работа. Ибо ее автор отказывается рассматривать возникновение и развитие города как проявление какой-то одной доминанты — торговли, промышленности или административной деятельности: «... вряд ли правильно переоценивать значение одних и недооценивать значение других функций городов»⁸⁴. И хотя в статье поднимаются в основном вопросы истории русского города XVIII — начала XIX в., основные положения автора, сформулированные им теоретические проблемы и подходы могут быть использованы и для изучения истории и историографии русского города XVII в. В сугубо историографи-

ческом плане ценность данной работы Б. И. Миронова заключается, как мне видится, в том, что автор учитывает многофакторность развития русского города, призывая прислушаться к дореволюционной историографии, имеющей свои подходы к изучению темы. В связи с этим весьма здраво звучит призыв к тому, что, «может быть, целесообразно признавать, что мы имеем дело с городом всякий раз, когда его жители полагали, что они обитают в городе. Ведь только таким образом мы можем понять, что представляло собой городское поселение в ту или иную эпоху, почему современники считали его городом, каковы были его основные функции, городское хозяйство, каковы были городской образ жизни»⁸⁵.

Во введении не ставилась задача дать полный обзор и анализ развития советской сибирской урбанистики, но автор считает, что данный очерк необходим для более глубокого понимания содержания книги.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1. ТИПЫ ИСТОЧНИКОВ
И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С данного параграфа начинается доброе историческое исследование, для историографии же это вопрос вопросов. Далеко не всегда классификация, примененная в конкретной исторической науке, совпадает с многообразным манером, бытующим в историографии, где на равных правах могут быть представлены разные источники, да и сама трактовка некоторых традиционных типов, например документального материала, в конкретном историческом исследовании и историографии нередко зависит от целей, стоящих перед исследователем. Не стала задачей дать полный обзор мнений и суждений¹, остановимся только на некоторых моментах, имеющих прямое отношение к теме.

Прежде всего мне хочется, что разработавшая Л. Н. Пушкарева система классификации исторических источников² во многом верно отражает реальное взаимодействие разных типов и манер источников. Данная классификация не является застывшей, а предполагает различные «переходные формы, которые будут содержать черты, общие для соответствующих видов»³. И когда мы сталкиваемся с теми «переходными формами» в конкретике историографического исследования, познается немало трудностей. Так, например, книга Н. С. Щукина «Посадка в Якутск» (Сиб., 1833—1844) составлена в форме личным записей и согласно этой классификации долж-

на быть отнесена к личным или же художественным повествовательным источникам. Однако же вызывает сомнения научный характер данной работы Щукина. То же можно сказать и о ряде очерков и корреспондентий XIX в. Другой минеральный вопрос — что такое Иркутские летописи? Согласно схеме, их следовало бы отнести к историческим источникам «предвзвешенной» эпохи, куда входят повести, хроникалы и летописи. Но по времени, характеру составления, написания, источниковой базе иркутские летописи далеко не тождественны летописям XVI—XVII вв. Конечно, с точки зрения переломного фронта исторической науки XVIII—XIX вв. это не «ведущие» науки, но вместе с тем пропормерно ли понятие науки и научности определять только с позиций самих оговоренных образцов исторической прозы? Все эти вопросы еще более осложняются, когда мы переходим к анализу источниковой базы исторических произведений. Так что собой представляет историко-биографические и статистические описания усадьбы самого Миллера или же составленные по его просьбе для него «История Сибири»? Документальные или повествовательные это источники?

Не меньше вопросов возникает, когда мы подходим к проблеме определения первичности или истории исторической науки. Еще в 1963 г. М. В. Печкина разработала категорию «историографического подхода» к изучению истории науки⁴. Согласно ее данным, «основным и важнейшим фактом истории науки является труды ученых, в которых выливается его исследовательский процесс». К числу таких первоисточников М. В. Печкина по низшей стадии отнесла две группы материалов: 1) труды историков, в том числе монографии, статьи, сообщения, заметки, с одной стороны, и неопубликованные работы, доклады, выступления — с другой; 2) неопубликованные материалы — черновики, наброски, картотеки, личные архивы ученых, связанные с его биографией⁵. Это подход она прекрасно претворила в своей монографии о В. О. Ключевском (М., 1974).

Но понятно, что такие исторические установившиеся большие подходят для анализа творчества крупных историков прошлого. Когда же спускаешься этажом ниже и начинаешь заниматься творчеством таких исследователей, от которых остались лишь несомбленкованные работы и записки, сделанные почасу для себя или для узкого круга лиц, то возникает вопрос, какова роль этих сочинений в общем ряду историографии. Сложности возникают также при анализе ряда опубликованных и несомбленкованных историко-географических и топографических описаний, которые, как правило, являлись сводными произведениями нескольких авторов, являлись служебным материалом и слабо выраженный характер творческих обобщений. Кроме того, при анализе местных историографических источников не теряют своей актуальности и предостережения М. А. Амлинки об особенностях «проблемного» к «экспертному» подходу в историографии⁴.

Не вдаваясь в далекое прошлое, стоило бы подметить, как в принципе решались вопросы источниковедения историографии в некоторых работах. В основу одной из первых работ по историографии урбанистики, принадлежавшей Д. А. Шарину⁵, был положен анализ в основном опубликованных или зафиксированных источников. Д. А. Шарин ставил задачу проследить «как накопление и развитие конкретных исторических сведений о городе, так в своем развитии по истории средневекового города в связи с применением методов исследования»⁶. Думается, что вторая часть задачи была выполнена; что же касается первой, то эта задача не могла быть решена, ибо проследить данный процесс без обращения к несомбленкованным материалам невозможно.

Значительно расширена источниковая база урбанистики в исследованиях С. С. Иллариона. Относиться к одной его работе, известной своего рода «прозрачный» характер, — «Русский город глазами историков XVIII в.»⁷ Так как автор в данной статье не дал своего объяснения источникам, будем называть их в том порядке, в котором они использованы в на-

званных исследованиях. Первую группу составляют показания горожан в Уложенную комиссию 1767 г., а также показания и выступления депутатов в этой комиссии. Ко второй группе относятся законодательные акты о городах. Третья группа включает в себя служебные материалы — доклады правительственных чиновников (И. Воронцов) и судучие записки (В. И. Татищев, М. В. Ломоносов). В четвертую группу входят различные анкеты и ответы на них городских властей. Пятую группу составляют летописи. И последние, шестая, группа представлена опубликованными и несомбленкованными научными работами, описаниями путешествий, лексиконами, словарями и энциклопедиями. При такой источниковой базе С. С. Иллариону удалось не только создать основные постулаты тех или иных исследований, но и предложить формирование представлений о городе как учения, так и широкой публике. Однако роль и взаимоотношения источников в общем историографическом процессе остались до конца не выясненными.

В сибирском деле истории науки долгое время рассматривалась только по опубликованным работам прошлого, хотя и появлялись отдельные интересные очерки о забытых страницах краеведения⁸. Одним из первых, кто отошел от этого метода, был В. Ф. Иванов, посвятивший ряд работ истории изучения Якутии в XVII—XVIII вв.⁹ В монографии 1974 г., говоря об историографии второй половины XVIII в., он назвал следующие типы источников: материалы первой научной комиссии, «описания» и «исследования» официального лица, труды сотрудников экспедиций и иностранных путешественников, записки русских чиновников и купцов. Нолью отказать в определенной последовательности данной классификации; одним из достоинств ее является обращение к несомбленкованным рукописным сочинениям XVIII в., что позволило исследователю показать тот фон, на котором происходило совершенствование исторических знаний. Но широкое обращение к этим источникам сразу же натолкнуло перед сибирской историографией, привыкшей вить дело в основном с опублико-

«иными работами, ряд вопросов, которые трудно уловить в простом, даже привычном представлении. Чем, например, отличаются сочинения И. Козленки о Жиганском уезде от сочинения И. И. Исленкова или Г. А. Сырцова, исследованные Ф. И. Лангэнса от описания И. Г. Георги? Все они представляют чуждыми разными рингов с той разницей, что одни — столичные, другие — местные, сибирские. Точно так же нигде четко не отговорены принципы, критерии отбора исторических, географических и топографических описаний друг от друга в конкретный проблематика XVIII в. И самым главным — пока не выведена из источников и теоретически заимствована друг от друга, хотя описанные выкладки не по этому поводу никуда.

С подобными источниками при освещении историко-этнографического изучения Якутии в XVIII — начале XX в. столкнулся и В. Н. Иванков¹². Как пишет автор, для разработки темы были «использованы опубликованные труды научно-исторической, этнографической, статистико-экономического характера», круг которых «оказался обширным — это многочисленные манускрипты, сборники, статьи, рецензии и т. д. ...» Были использованы также отдельные неопубликованные исследовательские работы, которые «находились в архивохранилищах, рукописных отделах библиотек... следовательно, не являлись в действующем активе исторической науки». Поэтому, пишет В. Н. Иванков, «эти материалы нашли в работе единственное место, однако они использовались в характеристике общественно-научной и научной деятельности авторов, а также в тех случаях, когда было необходимо обратиться к их творческой лаборатории»¹³. Здесь, как и в работе Д. А. Шириной, были представлены те или иные концепции историографии, однако концепции представлялись в концепциях не получили своего освещения, ибо установка автора прежде всего на опубликованные произведения не позволила достигнуть этого. И в своей работе В. Н. Иванков находится противоречия между фактически материалом и канцелярским принципом. Так, сам автор признает, что сочинения

Ф. И. Лангэнса «Собрание известий...» 1789 г. было использовано при составлении «Топографического описания Иркутского наместничества»¹⁴, частично в поддержку его опубликовано в XVIII—XIX вв. Как же тогда мы можем отнести работу Лангэнса к тем исследованиям, которые «не оказались в действующем активе исторической науки»?

Рукописные материалы XVIII в. были использованы и Г. Ф. Выходцев в работе по истории Приенисейского края. Автор выделял ряд групп источников, среди которых «к особому переделанному виду между ними канцелярского разряда документарных источников и историко-географическим излом научного разряда повествовательных источников» относил «отдельные канцелярские канцелярии на известия Г. М. Миллера, В. И. Татищева и М. В. Ломоносова»¹⁵. Переделанными видами между повествовательными и документарными разрядом делового и канцелярского разряда письменных источников являются диспешные записки путешественников XVIII в.¹⁶ Топографические описания уездов относятся автором к «чистым и сжатым видам картографического и научного разряда документарных и повествовательных источников», которые «образуют рукописные общие, территориальные, провинциальные карты, чертежи и планы городов, заводов и рудников, атаманов, топографические описания и генеральные карты сибирских наместничеств»¹⁷.

По ряду моментов эта точка зрения вызывает возражения А. Х. Эверта, который, говоря о путевых описаниях и описаниях уездов Сибири Г. М. Миллера, совершенно справедливо отмечает, что «они к личным, не к канцелярским документам они относятся не имеют; вряд ли возможным для этого можно считать то, что Миллер при написании этих записок использовал результаты личных наблюдений и источников, относящихся к канцелярскому разряду документарных источников». По мнению автора, научный характер упомянутых источников «определяется в первую очередь строго научными целями, которые ставил перед собой Миллер при составлении

данных описаний»¹⁸. Это замечание представляется справедливым.

Моя точка зрения на характер классификационной системы источников сибирского городского зодчества XVIII—XIX вв. была изложена ранее¹⁹. Не повторяясь, замечу, что для сибирской урбанистики XVIII в., когда наука еще только складывалась, необходимо рассматривать в едином комплексе весь корпус опубликованных и рукописных сочинений, имея за основу разделение на «активные» и «пассивные» не форму их бытования, а конкретное влияние фактов и идей друг на друга в процессе взаимодействия. А для этого необходимо представить во всей полноте конкретный ход исторического познания и бытования сочинений XVIII в., т.е. в той или иной степени освещалась история возникновения и развития первых сибирских городов. По выражению М. В. Нечкиной, необходимо «построить хронологический ряд, чтобы проследить за особенностями процесса в целом», «проследить проблематику работ, сменяющих друг друга в этом хронологическом ряду, определить линию передачи этой эстафеты исследования».²⁰

2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ РЯД ИСТОРИОГРАФИИ

Опубликованные работы

Неопубликованные работы

1750 г.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства... — СПб.

Миллер Г. Ф. Известия о торговых сибирских // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. — СПб., 1753—1756. — Сентябрь — февраль. — С. 193—250, 525—537.

1757 г.

Миллер Г. Ф. Изъяснение о сумнительстве, находящемся при поставлении границ между Российским и Китайским государствами 1197 (1689) года // Там же. — Т. 6, апрель. — С. 305—321.

Миллер Г. Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением // Там же. — Т. 7, июль — октябрь. — С. 3—39, 99—130, 195—227, 291—328.

Миллер Г. Ф. Рисунки губерниям, провинциям, городам, крепостям и другим достоимыим местам, в Российский империи находящимся // Там же. — Т. 6, январь — март. — С. 3—49, 99—125, 195—223.

1759 г.

Рычков П. И. История Оренбургской по учреждению Оренбургской губернии // Там же. — Т. 9, 10, январь — июнь, июль — октябрь.

1760 г.

Черепанов Н. Новая сибирская история // ГИИ. ОРК. F.IV 324²¹.

Анноты Академии наук и
Сухопутного шляхетского ка-
детского корпуса и ответы на
них сибирских канцелярий.
1760—1764 гг. // Архив
АН СССР (с. Ленинград).
ф. 3, оп. 10а, л. 178—199;
оп. 10б, л. 41, 61, 62, 71, 87,
93, 102, 107, 120, 121, 126,
134, 141, 142.

1761 г.

Соймонов Ф. И. Древняя по-
словица «Сибирь — золотое
дно» // Сочинения и пере-
воды, и польза и увеселе-
ние служащих. — СПб. — Но-
ябрь. — С. 449—467.

1762 г.

Рычков П. И. Топография
Оренбургской губернии.
Ч. 1, 2 // Ежемесячные со-
чинения и переводы, и поль-
за и увеселению служа-
щих. — СПб. — Т. 15, 16, ян-
варь — ноябрь. Отд. изд.:
СПб., 1762.

1763 г.

Миллер Г. Ф. Сибирская ис-
тория // Там же. — СПб. —
Т. 16—19.

Летопись города Иркут-
ска // Иркутск. Обл. кра-
евед. музей, библиотека
№ 31217.

1764 г.

Соймонов Ф. И. О Анди-
ском остроге, построении
оного и уничтожении оного и
по каким случаям то следует
// ГИМ, Отд. писмен. во-
сточн., ср. 395, № 3,
л. 73—80¹¹.

1766 г.

Анноты Фридерика Вюшнга
из сокращенной его геогра-
фии три главы о географии
вообще, о Европе и о Россий-
ской империи. — М.

1767 г.

(Виссмейстер Л. И.) Краткая
география Российской им-
перии // Канцелярия, или ме-
сящательный географический,
на 1768 год. — СПб. Отд. изд.:
СПб., 1773.

1768 г.

Описание города Турин-
ска // Северный архив. —
СПб., 1828. — Ч. 35. —
С. 205—219.

1769 г.

Географическое описание
города Якутска с уездом //
ИГА, ф. 1399, оп. 1, л. 405.

1770 г.

Антидотом (Противоядие).—
Спб.

1771 г.

Дальний Ф. Г. Опыт Россий-
ской географии с топографи-
ей горной и с родословной
царствующему дому, собран-
ный из разных авторов и ма-
нускриптов.— М.

1772 г.

Шмалев Г. Н. Пункты, каса-
ющиеся к объяснению и при-
ложению российской истории
о уничтоженном Анадырском
острове... // ЦГАДА,
ф. 199, портф. 528, ч. 2, л. 3,
л. 3—42 об.²³

1773 г.

Падулин Ф. Географический
лексикон Российского госу-
дарства.— М.
О покорении Сибири Россий-
ской державе // Календарь,
или месяцеслов историче-
ский, на 1774 год.— Спб.—
С. 300—334.

1774 г.

Фатнер Н. Е. Сибирская ис-
тория с самого открытия Си-
бири до завоевания сей зем-

ли российским оружием.—
Спб.

1775 г.

Земские, в сибирской исто-
рии служащие... // Древняя
Российская Византика.—
Спб.— Ч. VI.
2-е изд.— 1788.— Ч. III.

1776 г.

Чеботарев Х. А. Географиче-
ское методическое описание
Российской империи.— М.

Рычков П. Н. Лексикон, или
словарь топографический,
Оренбургской губернии // Архив
ЛОИИ АН СССР,
ф. 36, оп. 1, № 521/442;
ГБЛ, ОР, Музейное собр.,
№ 2931.

Георги И. Г. Описание всех в
Российском государстве оби-
тающих народов.— Спб.—
Ч. II.

Щербатов М. М. Статистика
в рассуждении России.
1775—1777 гг. // Сочине-
ния князя М. М. Щербато-
ва.— Спб., 1896.— Т. 1.—
С. 458—618; ЧОИДР.— М.,
1859.— Кн. 3.— С. 1—59.

1777 г.

(Лепехин Н. Н.) О тунгусах
вообще // Исторический и
географический месяцеслов
на 1778 год.— Спб.—
С. 281—325. Перепечатано;
Собрание сочинений, вы-
бранных из месяцеслов на
разные годы.— Спб., 1790.—
Ч. 6.— С. 282—325.

Летописец о достопамятных
в губернском городе Иркут-
ске с 1652 по 1777 г.²⁴

1779 г.

(Горюхи Н. Н.). Географо-финансовое известие об Ишимской линии // Исторический и географический месяцеслов на 1780 год — Сиб. — С. 47—77. Перепечатано: Собрание сочинений, выбранных из месяцеслов. — Сиб., 1790. — Ч. 4.

1781 г.

Описание Лаурии // ГПБ. ОРК. ф. 530 (ОСРК), QIV—42.

Мемория губернского города Иркутска // ЦГАДА, ф. 183, д. 60.

Мемория губернского города Иркутска // Первое столетие Иркутска. — Сиб., 1902. — С. 120—165.

1781 г.

Бояданович Н. М. Описание географическое о городе Туруханске с уездом... // ГАКО, ф. 633, оп. 2, д. 213. Описание города Ялуторовска... // ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 45.

1784 г.

Описание и список городов Кадзандского и Пермского наместничеств // ГИИБ, ОРК. ф. 550, д. F.IV—489.

Ламант Ф. И. Собрание известий о начале и происхождении разных племен инородцев в Иркутской губернии... // ГАКО, ф. 633, оп. 2, д. 215.

1785 г.

Герман Н. Ф. Краткое описание Тобольского наместничества // Исторический и географический месяцеслов на 1786 год — Сиб. — С. 45—102. Перепечатано: Собрание сочинений, выбранных из месяцеслов на разные годы. — Сиб., 1790. — Ч. 6. — С. 148—218.

Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. — Сиб. — Т. 3, кн. 1.

Топографическое описание Тобольского наместничества // Архив ГО СССР (г. Ленинград), ф. 33, оп. 1, д. 47.

Краткое описание Пермского наместничества // ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18919⁴⁵.

Описание берегов по реке Лене и любопытным местам // ГАКО, ф. 633, оп. 2, д. 216.

1786 г.

Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции.— Спб.— Т. 6, кн. 4.
Платонов С. И. Обзорение Российской империи в нынешнем ее благоустроенном состоянии.— М.
Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российской империи.— Спб.— Ч. 2.

1787 г.

Мидлер Г. Ф. Описание Сибирского царства.— Спб.

1788 г.

Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России армян.— М.
Географическое описание города Енисейска с уездом // Новые ежемесячные сочинения...— Спб.— Ч. XXVIII.—С. 70—83.
Описание города Мангазсы с его уездом // Там же.— Т. XXV.—С. 83—99.
Исленко Н. Описание Якутска // Там же.— Т. XXII.—С. 3—29.
Т. XXIII.—С. 3—15.
Описание Черемных заводов, рудников и их округи.

1780 г. // Там же.— Т. XXVI.—С. 3—52.

Болонин И. В. Приращения на историю древних и нынешних России г. Деклерка...— Б.м.— Т. 2.
Максимов Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства.— М., 1788—1789.— Ч. 1—6.

1789 г.

Географическое описание Пермского наместничества... // ЦГВИА, ф. ВУА, л. 18920.
Ланганс Ф. И. Собрание известий о начале и происхождении разных племен империи, в Иркутской губернии обитающих... // ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, л. 300.

1790 г.

Штернберг М. М. История Российская от древнейших времен.— Спб., 1790—1791.— Т. 6, 7.

Географическое описание, учиненное в Тобольском наместничестве... // Описание Тобольского наместничества.— Новосибирск, 1982.—С. 20—242.
Недостаток сведений к географическому описанию города Гижигинска // ЦГАДБ, ф. 1077, оп. 3, л. 138.

Описание в городе Туринске, о начале онаго строения... // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1910. — Вып. XVIII. — С. 1—5.

1791 г.

Летписец кратко // Продолжение Российской Викификации. — Спб. — Ч. 7. — С. 173—198.

О древнем и нынешнем состоянии Великой Перии // Древняя Российская Викификация. — 2-е изд. — М. — Ч. XVIII. — С. 216—253.

Топографическое описание Иркутского наместничества... // Древняя Российская Викификация. — 2-е изд. — М. — Ч. XVIII. — С. 254—282.

1792 г.

Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах... — Тобольск.

Список с Чертежа Сибирския земли // Российский Магазин. — Спб. — Ч. 1. — С. 403—420.

Топографическое описание Иркутского наместничества... // Описание Иркутского наместничества 1792 года. — Новосибирск, 1988. — С. 25—148.

Тышнев Н. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. — М. Мельников А. Описание главных выходов трех лучших округов Тобольской губернии // Продолжение трудов Вольного экономического общества... — Спб. — Ч. XVIII. — С. 239—248.

Описание Пермского наместничества // Балашовский А. Описание Пермского наместничества в 1793 г. — Пермские губ. вед. — 1855. — № 21—26.

1794 г.

Описание Якутской провинции // Описание Иркутского наместничества 1792 года. — С. 145—187.

1796 г.

Маллер Г. Ф. Описание лежащих на реке Амуре областей в том их положении, когда они находились под Российскою державою // Новые сокращенные сочинения... — Спб. — Ч. CXV—CXIX.

Гейл Н. А. Опыт полной географо-топографической энциклопедии Российского государства в алфавитном порядке. — Геттинген (на нем. яз.).

Летопись о городе Иркутске // ГАКО, ф. 655, оп. 2, д. 224. Копия летописи г. Иркутска, составленная в 1796 г. // ГАКО, ф. 655, оп. 2, д. 221.

Краткое историческое и топографическое описание Пермской губернии. 1796—1802 гг. // ГАКО, ф. 655, оп. 2, д. 256.

Радницкий А. Н. Сокращенное повествование о приобретении Сибири. 1791—

Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 175—200.

1797 г.

Описание Иркутской губернии / Сост. Филимонов // ИГНА, ф. 1350, оп. 312, д. 232².

1798 г.

Экзец. Н., Горюховский С. О приведении горной Якутской области его в лучшее состояние // ИГНА г. Ленинград, ф. 383, оп. 29, № 908. Краткое описание... Иркутской губернии // ГБЛ, РО, ф. 68, № 6787²⁸.

1799 г.

Краткое историческое описание о завоевании Сибири русскими и влиянии ее первобытное состояние // Библиотека Тобольского краеведческо-просветительского музея-заповедника, РО (нак. № отсутств.)²⁹.

1800 г.

Описание Кемленко-Вострогеновской и Томской губерний // ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 392.

Щеглов А. Словарь географический Российского государства. — М., 1801—1809. — Ч. 1—7.

Географическое описание Российской империи (нач. XIX в.) // ГПБ, Эрмитаж, собр., № 245. — Т. 1, 2.

Таким хронологический ряд историографических источников XVIII в. по нашей теме. Он был бы еще полнее, если бы я включил сюда переводники разных сочинений. Но даже из приведенного видно, что историографию XVIII в. нельзя ограничивать тем немногочисленным набором имен и опубликованных произведений, который по нашему времени был принят в нашей литературе. Можно говорить о том, что рукописная литература развивалась не менее интенсивно, чем публикация. Более того, вполне вероятно, что рукописных сочинений было в свое время больше, чем дошло до настоящего времени.

Деление источников историографии на опубликованные и неопубликованные, при всей его простоте, очень важно для понимания закономерностей развития исторического знания той или иной эпохи. Думается, что если бы рукописная историко-географическая литература XVIII в. была менее развита, то это задержало бы теоретическое и фактологическое развитие сибиреведения уже в XIX в. Эти две формы бытования исторической литературы существовали не в отрыве друг от друга. Кроме того, большое количество рукописных сочинений наглядно говорит о росте сибиреведения, о том, что на сибирской окраине уже появились достаточно грамотных и образованных людей, которые могли заниматься историко-географическими описаниями.

Но это единство науки и знания, если считать опубликованные труды наукой, а рукописные сочинения — знанием, не было еще органичным и тесным. Обращает на себя внимание такой факт: среди опубликованных работ большинство составляли монографии общего характера по истории и географии, среди рукописных сочинений преобладали историко-

ностей. Рукописные сочинения, ставшие общими знаниями истории Сибири, появились уже в самом конце XVIII в. Это прежде всего работа Ф. И. Лангска, которую Н. С. Гурвич по справедливости назвал «первой научной монографией» о Восточной Сибири. О Западной Сибири одними из первых сочинений были Черепановские летописи и «Краткое историческое описание о заселении Сибири россиянами...».

Прямими историографическими источниками в нашей работе будут опубликованные и неопубликованные работы Г. Ф. Миллера, собственно топонимические описания Пермского, Тобольского и Иркутского наместничеств и словаря XVIII в. Но, прежде чем перейти к историографии и характеристике наших источников, следует остановиться на общем содержании научных работ XVIII в.

1. ОБЩИЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ СИБИРИ В РАБОТАХ XVIII в.

Начало научному изучению истории Сибири XVII в. было положено работами Г. Ф. Миллера. Круг вопросов по истории сибирского города, которым интересовался ученик, достаточно широк в хронологическом, географическом и тематическом планах. Однако в силу ряда обстоятельств в работах Миллера оказалась обобщенной история ряда островов Сибири, причем не только ее восточных, но и западных районов, которые в середине XVIII в. входили в состав Оренбургской губернии. Этот пробел восполняли сочинения П. И. Рычкова. Именно из его работ современники могли узнать об истории и современности острогов края. Третьим писателем, который своим трудом довершил полное обозрение истории сибирских городов и островов, был Н. Е. Финшер.

Утвердившееся в нашей литературе мнение о том, что Финшер — лишь «эхо» Миллера, заслуживало первой характерной восприятия современниками работ Финшера. Каждый из трех

такой урбанистики они дополняли и уточняли друг друга.

Несмотря М. М. Щербатов в «Истории Российской и арсиенейших временах», там, где речь шла об основании сибирских городов, ссылался одновременно на Миллера и Финшера. И в теоретическом плане изложенное Щербатовым о том, что «российский двор все старыми завоеваниями ... свои страны хотел овладеть, но мало-по-малу, то есть умозрительный град, перебрал туда жителей, завола земельные...»²⁰, также во многом не выходящий Миллера и Финшера. Но изложенные историками при рассмотрении княжеской истории происхождения Сибири к России в той или иной мере признавали бесспорной, и порой «неоточенной», характер столкновения между русскими отрядами и коренными сибирскими народами. Отсюда, естественно, в сибирский период конца XVI—XVII в. были склонны рассматривать прежде всего как военную крепость. Для того чтобы обратиться к социально-экономической истории города, необходимо было преодолеть такой взгляд. И первую в этом плане попытку предпринял И. Н. Болтин, который в 1788 г. выдвинул оригинальную концепцию происхождения русских в глубь Сибири. Но это мнение, усиленное от него Ермаковых товарищей и последователей к ним на помощь призывая коренных жителей Сибири. — Д. Р.) весьма мало осталось в силе из-за неясности между Русскими; все прочие по разным сторонам Сибири выжились... оставя Русских псковскими общинами своих отчизнами. Поэтому, «приходя общины» сибирские «поселили, не с людьми им бороться и прощелать их оружием, но с дружными лесами и непроходимыми болотами, простирающимися на неизвестные пространства». И, «приходя» время от времени далее в глубину, негде, на местах приличных, стрелам дичины или остроги и оставалась и тех небольшого числа отряды, в которых вскоре «присоединялись разных ланной люди, но Россия для терпимых промывок происходила»²¹. Таким образом, начало сибирских городов связывалось с кунечеством, которое сделало малочисленные сибирские «крепости» пикетами.

Сибиряки доносили до Сибири, и, безусловно, данные о сибирских городах, содержащиеся в них, в ряде случаев отложились в различных описаниях местных краеведов, и наоборот.

Говоря о сибирской историографии XVIII в., нельзя не затронуть один принципиальный вопрос. Советская наука на протяжении долгого времени часто очень упрощенно и прямолинейно трактовала такое понятие, как классический подход в литературе и науке. Поэтому для нас стало привычным находить уже в XVIII в. дворянское, просветительское и демократическое направления в историографии: наука еще только зарождалась, а уже были ярко выраженные классовые подходы. При этом за основу такой классификации брались не столько научные, сколько политологические факторы. С одной стороны, в это время уже были высказаны первые концептуальные положения о сибирской истории, но, с другой стороны, еще не существовало достаточно четко обозначенных и разграниченных концепций, строгого отбора первоначальных исторических фактов и источников. Даже представитель просветительской идеологии М. В. Ломоносов, отстаивавший тезис о решающей роли народных масс, в своей полемике с представителем официального направления Г. Ф. Миллером не отрицал огромной значимости государственных приказов и «приобретению Сибири. Точно так же представители дворянско-официального направления Г. Ф. Миллер и И. Е. Финшер, не раз говорившие о благотворной роли самодержавного государства в конкретике исторического исследования, не отрицали активной роли народных масс в освоении Сибири. Более того, именно из их работ Ломоносов и Радищев черпали не раз то или иное фактическое данные. Интересно при этом отметить ту осязку, которую давали современникам Миллера и Финшера их сочинениями. Известный архитектор и писатель Иркутска конца XVIII — начала XIX в. А. И. Лосев в работе «Полугографическо-статистическое описание Иркутской губернии» в 1819 г. привел одну любопытную запись Иркутского летописца: «Миллер писал народную историю», а

«летописец Иоганн Финшер занимался в Иркутске историческим описанием...»⁴⁰. Поэтому, думается, нужно очень осторожно подходить к описанию идеологического фактора, строго исходя из от научной конкретности.

4. ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ

В соответствии с выбранной исторической базой оставалось включить на работы, посвященные Г. Ф. Миллеру как историку сибирского города. Не было исключать общего вопроса точности условий, они подробно рассматривались в ряде фундаментальных исследований⁴¹.

Работа Г. Ф. Миллера над источниками по истории сибирских городов имела освещение в монографии В. Ф. Иванова, вышедшей в 1974 г. Автор считал, что в работе историка с документацией из городских архивов Тобольска, Тары, Илимска и Якутска можно проследить три этапа. На первом этапе, по мнению В. Ф. Иванова, Миллер, «просматривая материалы Тобольского архива», выписывает данные те дела, «которые казались ему особенно ценными». На втором этапе историк решает составить вопросник, ответы на вопросы должны были доставлять ему местные власти, давая этой работе significance с применением ученого в Тару. «Третий этап архивной работы Миллера заключается резким поворотом в его методике, что наиболее ярко проявилось в работе с архивами Илимска и Якутска. В. Ф. Иванов отмечает: «...до сих пор он знакомился с архивами лишь по описям ("реестрам") и только отмечая тем то, что поддавалось слышать студентам, а если таковые "реестры" отсутствовали, то студента и приглашенного к ним коллеги исходили из "смысла соображения"». Наиболее высоким уровнем, как считает В. Ф. Иванов, отмечена работа Миллера в архиве Якутска, где историк сам признавал документы «в порядок, сначала по полам, а затем по столбцам и не клянясь не просмотревал» и «подмечая в истории и географии качества из них выписывать представляло»⁴².

Эта общая схема трех этапов работы Миллера с материалами городских архивов, несомненно, заслуживает внимания, она находит подтверждение в исследованиях и других авторов. Тут можно сделать лишь некоторые замечания. Составление описей, «роствор» характерно не только для первого, но и для последующих этапов работы Миллера⁴³, причем эти описи не только имели архивное значение, но и являлись одним из источников в работе Миллера над историей Сибири⁴⁴. Далее, нельзя напрямую считать, что именно в источниках работы Миллера в архивах с содержанием тех списков городских архивов, которые были сформированы историком за время путешествия. Так, например, «Список Тобольской архивы» состоит из пяти частей, как и «Список Якутской архивы», но по количеству документов тобольские несколько больше, чем якутские (839 против 709)⁴⁵. А «Список Илимской архивы» вообще как таковых нет — документы из Илимского архива входят составной частью в портфель «Список с архивов г. Иркутска, островов Илимского, Баргузинского, Верхотурского»⁴⁶.

И наконец, стоит отметить, что на втором этапе работы Миллер обязательно сам сидел за просмотр всех документов городского архива. Трудно предположить, чтобы краткосрочные пребывания в Енисейске — с 6 декабря 1734 г. по 13 января 1735 г.⁴⁷ — позволило Миллеру лично просмотреть все документы и охватить «Список Енисейской архивы» в шести частях, насчитывавшие в общей сложности 1327 архивных дел на 2313 листах⁴⁸, составить «Описание Енисейского уезда...» и «Описание Минусинского уезда...»⁴⁹, вытребовать, получить и просмотреть все ответы Енисейской канцелярии и, наконец, подготовить и разослать анкеты в другие города! Даже тематическое сопоставление документов из «Списков Якутской архивы» по первой части с тем, что было написано в опубликованном Миллером по истории Якутска до 1630 г., показывает, как много документов и сведений не было известно историку. Так, в статье о Якутске для слепца Полунина Миллер даже не указал дату основания города.

На последнем этапе работы с Миллером стоит выделить статью Л. П. Беллюева⁵⁰. На материалах о Миллере автор показал, что категория классовой подхода в историографии нуждается в серьезных изменениях и уточнениях.

Первой работой, где творчество Г. Ф. Миллера рассмотрено в рамках истории русской урбанистики, была статья С. С. Иллариова. Автор вывел Миллера в ряд «крупнейших русских историков XVIII в., активно занимавшихся проблемами древнерусского города». Источниками для исследования Иллариова являются опубликованные работы ученого. Исследователь справедливо обращает внимание на то, что «кроме одного замечания Л. В. Чернышова о том, что Миллер проводил сравнение письменных источников о городах с их реальными, мы не найдем ни в одном историографическом исследовании имени міста Г. Ф. Миллера в области изучения города»⁵¹. Проблема генезиса сибирского города в трудах Миллера в работе Иллариова имела немалое место — основное внимание он уделял европейским русским городам древнего периода. По мнению Иллариова, «для сибирского замечательного сибирских городов Г. Ф. Миллер» постоянно подчеркивал их особое значение и связь с колониальным движением». Среди прочих, интересовавших историка, Иллариов изучает географию и топографику, военно-политическую историю. Иллариов обращает внимание и на то, что «очень важен также его (Миллера. — Д. Р.) метод исследования городов, который, безусловно, оказал большое воздействие на последующих историков русского города»⁵². Правда, суть метода Миллера автор четко не сформулировал.

Не учитывая сложной принципиальной проблемы работы С. С. Иллариова, но широкие территориальные и хронологические рамки его исследования не позволили ему полностью провести ряд положений. Так, остались не исследованы источники, база исследований Миллера, его метод осмысления материала применительно к истории сибирских городов, соотношение теории и фактов в его изложении, эволюция его взглядов и т. д. Кроме того, обращает на себя внимание одно

показаны: в сравнении с В. П. Татищиным, М. М. Щербатовым, М. В. Дюмоном и других, занимавшихся в основном древнерусским городом, Миллер был первым историком, который на сибирском материале занялся историей не просто феодализма, а феодофеодализма русского города XVIII в. Можно напомнить, что основная работа о русском городе писана XVIII в. в русской исторической науке появилась лишь в 1837 г. и принадлежала С. М. Соловьеву. И это важный момент, ибо изучение истории русского города, например, XII—XV вв. по своим историческим близ, по историографическому смыслу существенно отличается от городского процесса применительно к периоду эпохи упадка феодализма.

Миллер как историк сибирского города уделял внимание и автору обобщившей историографии по историографии Сибири довоенского периода, которые считают, что в его работах уделено внимание «истории населения сибирских городов, описанию их военно-административной и торгово-промышленных функций»³². Действительно, внимание Миллера к городским сюжетам более заметно, чем к истории крестьянства. Во «Введении» к первому тому «Истории крестьянства Сибири» отмечено: «Прикосаясь к описанию свидетелств историков о сибирском племени, крестьянах-дербаринцах, он не придавал им большого значения»³³.

Частного сюжета о Миллере как историке городов Забайкалья коснулся Л. К. Миннерт³⁴. Своё исследование автор построил на изучении раздела «Селенгинская и Нерчинская области» из неопубликованной рукописи из петербургском архиве «Описание Сибири». Автор считает, что в «своей работе Миллер вкладывает к городам Забайкалья как историк, которого в первую очередь интересовало событие, связанное с поселением населения пункта, его роль в дальнейшем освоении сибирских пространств и в меньшей степени — подробности его жизни и состояния». Автор привидно полагает, что «история основания Селенгинского острога... является убедительным примером характеристики, данной Г. Ф. Миллером деятельности промышленных людей, как предшествовавшей военному про-

движению и подготовившей для него почву в Сибири»³⁵. Кроме того, Л. К. Миннерт сумел прояснить преемственность между текстом Миллера и соответствующими статьями в топографическом описании и словарях XVIII в.³⁶ Однако на работе Л. К. Миннерта видно, что, акцентируя то или иное положение Миллера, необходимо иметь в виду весь комплекс источников, включенных в рассмотрение историка. Так, автор считает, что по истории первых достижений Селенгинска и Верхнеудинска Миллер «не располагал достаточными сведениями»³⁷. Данный вывод делается на основании рукописного сочинения «Описание Сибири», где историк не привел ряд сведений по истории этих городов. Думается, вопрос нужно ставить не о том, располагал ли ученый достаточными сведениями, а о том, знал ли он их. Если обратиться к таким миллеровским Персфелам, как «Списки Енисейской архивы», «Списки Селенгинской и Нерчинской архивы», «Списки с архивом г. Иркутска, острогов Илимского, Баргузинского, Верхотурского», то там можно найти немало документов по начальной истории городов Забайкалья.

Немало не сказать о двух фундаментальных сборниках по историографии городов Сибири³⁸, где в статьях Т. Е. Киселевской, А. С. Чупрова, Г. А. Досытеной, З. В. Башкатовой затронуты взгляды Миллера по конкретным вопросам. Главными источниками для этих авторов были опубликованные труды историка, которые не позволяют в полной мере проследить эволюцию его взглядов, особенности его материалов. Вот почему большое значение для изучения творчества Г. Ф. Миллера имеет работа А. Х. Эзери³⁹, который обратился к неопубликованным сочинениям ученого.

Прежде всего Эзери дал достаточно полное источниковедческое описание такого исторического источника, как «Описание уездов Сибири» Г. Ф. Миллера, приле к справедливому выводу, что «экскурсионные работы не являются лишь черновыми набросками к последующим сочинениям Г. Ф. Миллера» — это вполне законченные, написанные по единому плану труды, представляющие интерес... в историографичес-

свом плане...»⁶¹. И что очень важно сопоставление текстов «Описанией уездов...» и «История Сибири» позволяет судить о том, как шла формирование исторических взглядов Миллера⁶². В концептуальном плане важно также наблюдение Элерта о том, что в материалах Миллера было достаточно много сведений об исключительной роли колонизаторской колонизации и заселения Сибири как в XVII, так и в XVIII в.⁶³ Анализ анкет Миллера, проведенный Элертом, позволяет говорить о достаточно хорошо разработанной методике их составления, о том, что у Миллера уже сложилась «модель» города⁶⁴. Элерт рассмотрел и другой интересный источник — «путевые описания сибирских городов и уездов», которые составлял Миллер в ходе путешествия. Автор пришел к выводу, что им «принадлежит важное место в формировании тематических интересов Г. Ф. Миллера как историка города»⁶⁵.

Таким образом, советская историческая урбанистика накопила немало новых фактов, сделала ряд интересных выводов и наблюдений, чтобы решить для себя малый вопрос — как шла формирование исторической концепция Миллера и как, говоря словами С. С. Клязьмова, был «метод» ученого.

Другой большой группой наших источников является топографические описания Сибири XVIII в. Хотя впервые речь о них шла еще в статье Б. Д. Грекова⁶⁶, подробно проанализированы они были как источники по конкретной социально-экономической истории и по русской историографии в работе А. И. Андреева⁶⁷. Последний отметил существование топографического описания Пермского наместничества и две редакции описания Тобольского наместничества — 1785 и 1790 гг. При этом он не рассматривал редакцию 1790 г. как простое повторение работы 1785 г., что было впоследствии подтверждено по частным вопросам другими исследователями⁶⁸. Андреев показал, что описание 1785 г. делал в основном самозванец И. Ф. Герман, который составил «Краткое описание Тобольского наместничества» (1786 г.). Что же касается создания текста 1790 г., то Андреев заметил: «О том, как происходи-

ла эта работа в Тобольске, мы, в сущности, ничего не знаем»⁶⁹.

Говоря о топографическом описании Иркутского наместничества, Андреев указал на существование двух списков: публикации в «Архиве Российской Вильнафии» 1791 г. и архивного списка 1792 г., но в обоих случаях они не были полными. Описание Якутской провинции, по мысли автора, было закончено только в октябре 1794 г., а в отношении Охотской области он заметил, что, «вероятно, никаких описаний там на месте не было составлено»⁷⁰. Тут можно лишь уточнить позицию Андреева: как свидетельствует рукопись «Недостаток сведений к топографическому описанию города Гижининска» (1790 г.), найденная позже Н. С. Турнишев⁷¹, такая работа была начата, но «из недостатком сведений» не завершена. «Мне не удалось», — писал Андреев, найти топографическое описание Колыванского наместничества, но сохранилась «Генеральная карта, составленная Колыванского наместничества к Топографическому описанию 1794 года». Отсюда, как заключает автор, «конкретно ясно, что "Топографическое описание" было составлено в 1794 г. и хранится, вероятно, в архиве Кабинета в Санкт-Петербурге»⁷².

Андреев высоко оценивал топографические описания, но считал их влияние на развитие науки незначительным, так как они «не были использованы, как и описания других наместничеств, для составления названного географического описания всей Российской империи такого описания до конца XVIII в. не было сделано»⁷³. Мы можем лишь уточнить его мысль. Упомянутое им географическое описание хотя и не было сделано, но было составлено и датируется концом XVIII — началом XIX в.⁷⁴ Кроме того, часть сведений из топографических описаний сибирских наместничеств была использована при составлении и издании русских историко-географических словарей конца XVIII — начала XIX в. и тем самым оказала определенное воздействие на развитие науки. Нельзя также забывать и рукописную краеведческую литературу

туру, ее авторы в ряде случаев были хорошо знакомы с текстами этих описаний.

Работа Н. Л. Рубинштейна интересна не только своими новыми фактическими данными, но и теоретическими положениями, которые в ряде случаев разработаны впервые⁷⁵. Рубинштейн справедливо считает, что «необходимо решительно отделить группу собственно "Топографических описаний" от многочисленных описаний разного рода». По мнению автора, первые «являются результатом экономических описаний... проведенных местными органами согласно единой инструкции и анкеты и основанных на местном, в значительной части документальном материале, собранном в первую очередь местными землемерами»⁷⁶. Отличие различных историко-экономико-географических сочинений от топографических описаний автор видел в том, что в первых просматривается «значительно бóльший, по сравнению со специальными топографическими описаниями, интерес к истории местного края и значительно более обстоятельное ее изображение со специальным привлечением местных рукописных источников»⁷⁷.

Конечно, типология различных географических сочинений, в том числе топографических описаний, достаточно сложна и сама постановка проблемы спорна, но доводы Рубинштейна представляются несомненными. Если говорить об источниках, то все они использовались как в историко-географических, так и в топографических описаниях, но уровень их осмысления в тех и других сочинениях различен. Кроме того, историко-географические описания сибирских городов и уездов по эскизам Академии наук и Сухомутного наместнического казетского корпуса 1760—1764 гг., как и анкеты на топографические анкеты, говоря словами Рубинштейна, также составлялись местными органами власти согласно единой инструкции и анкеты и основаны на местном, в значительной части документальном материале, собранном местными чиновниками!

Крупным достижением Рубинштейна было то, что он очень подробно восстановил ход описания наместничества и

губерний, привел полный список всех текстов топографических описаний, как опубликованных, так и архивных. Поэтому закономерен, что в его представлении, которое разлагает и автор данных строк, топографические описания явились логическим завершением развития русской науки XVIII в. Однако в оценке их значения для последующего времени он пришел к выводам, сходным с выводами А. И. Андреева: «историческая, экономическая и географическая наука XVIII XIX в. и начала XX в. фактически забыла о топографических описаниях»⁷⁸. Не соглашаясь полностью со столь категоричным выводом, отмечу, что определенная правда в этих словах все же есть. В XIX — начале XX в. было еще очень слабо разработано источниковедение историографии, много рукописных историко-географических сочинений XVIII — XIX вв. не было выдано в научный оборот, тем более не прослежена между ними предметная связь, да и теоретически основные понятия источниковедения и историографии больше противоставлялись, чем осмысливались. Но помимо сугубо научных факторов на такую оценку в наше время, мне кажется, повлияли идеологические факторы. А. И. Андреев и Н. Л. Рубинштейн создавали свои работы в тот период, когда в масштабах и идеологии советского общества господствовало убеждение, что только «выдающиеся» и выдающиеся люди могут разрабатывать крупные теоретические вопросы и вносить вклад в науку; задачи же «простых людей», к которым в большинстве случаев причислялись авторы различных описаний XVIII в., заключались лишь в комментариях и пересказе мыслей «выдающихся». А раз так, то и описания не заслуживают серьезного внимания. И это хорошо видно на общих работах по историографии того времени. Так, например, в учебном пособии Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (М., 1941) XVIII век был представлен лишь именами Татищова, Ломоносова, Миллера, Шерботова, Шаслера и Карамзина. Невольно расширялся список имен в томе первом «Очерков истории исторической науки в СССР» (М., 1955), но

оим признам остался прежним. Но излучил должного рас-
смотрения топографические описания и в первом томе «Ис-
тории русской экономической мысли» (М., 1953).

Правда, история топографической науки в рамках своей
дисциплины смогла более широко подойти к широким топогра-
фическим описаниям, показав их вклад в развитие русской гео-
графии XIX в.⁷⁹ В исторической науке такой поворот совер-
шился не сразу. Известный советский историк М. Н. Тихоми-
ров в учебном пособии по историко-географическому рассмотре-
нию топографических описаний с точки зрения фактологического
источника, исходя из того, что «историческая часть этих опи-
саний, как правило, никакого значения не имеет, но сведения о
составном составе городского населения, экономической
жизни города представляют большую ценность для истори-
ка»⁸⁰. Более историкогеографически в рассматриваемом источни-
ке подошел в 1963 г. В. М. Кабузов⁸¹. Все описания второй
половины XVIII — начала XIX в. он разделил на: «1) топогра-
фические и исторические описания, составленные до реформы
1775—1785 гг. ..., 2) топографические описания губерний и
наместничеств, составленные после реформы 1775—1785 гг.
до 1797 г., 3) статистические и топографические описания
XVIII в. (с 1797 г.) — первые десятилетия XIX в.»⁸² Автор
этих строк не может опуститься со всеми конкретными ха-
рактеристиками каждого типа источников, введенных
В. М. Кабузовым, но разделение всех описаний на три груп-
пы представляется удачным.

Следующий шаг был сделан С. Л. Пентичем, который в
своем курсе лекций по русской историографии XVIII в. выде-
лил специальную главу — «Научные местные истории в Рос-
сии во второй половине XVIII века»⁸³. Автор справедливо
подчеркнул, что топографические описания занимают особое
место в русской литературе. И далее отметил: «Почти все
произведения по истории городов имеют много общего. Их
объединяет не только классическая тематика, но использование в
равной мере местных и общерусских источников: городских
приказов, архивного документа, энтомографического и фольклорного

материала, возможных местных данных и летописей, рас-
сказов сожителей, с одной стороны; и рукописных и
печатных летописей, русской и иностранной исторической ли-
тературы, посвященных общей истории России, ее частям или
отдельным вопросам, с другой». При этом «в топографиче-
ских описаниях мы встречаем не только сведения по противо-
стоянию наших писателей-историков, но и прямые отраже-
ния их мысли»⁸⁴.

Характеристика топографических описаний была дана и
Л. В. Милоном в учебном пособии по источниковедению⁸⁵.
Отмечено, что «в основу топографических описаний положе-
ны сведения местных губернских и уездных учреждений, до-
бывшие путем канцелярских записок». Характерной особен-
ностью их является наибольшее изображение промышленности,
широкое участие энтомологов-краеведов. В целом «топогра-
фические описания характеризует более глубокое приобщение
изучение экономики и природных богатств России»⁸⁶. Примеча-
тельно в то же время, которые выделяются топографическими опи-
саниями в общем ряду исторических источников: вначале идут
анкеты, затем экономические примечания XVIII—XIX вв.
и после них уже топографические описания. После за ними
следуют военно-топографические, казенные и статистиче-
ские описания, «путешественные записки» российских уч-
еных и географические словари.

Таким образом, в отечественной историографии к концу
1970-х гг. намечался сдвиг в рассмотрении топографических
описаний не только как ценных источников по истории
СССР, но и как исторических сочинений научного характера.
Расширились представления о прошлом нашей исторической
науки. Так, С. С. Илизаров показал, что только в конце
XVIII в. было издано около 30 работ по истории русского го-
рода (а сколько осталось в рукописях!)⁸⁷. Эти источники как
общий фон развития науки XVIII в. были упомянуты и в
курсе лекции А. Я. Шапиро в главе под характерным назва-
нием «Буржуазные тенденции в просветительстве и русской
историографии второй половины XVIII в.»⁸⁸

Более углубленно диалектные описания рассмотрел С. С. Илларов. Он показал, что данный источник несет в себе определенную связь теоретического осмысления истории в современности русского города, ибо сам формуляр может позволить рассматривать их «как своеобразную модель города в представлении исследователя XVIII в., причем речь идет не только о «жизни» города, но и о его истории»⁸⁸. В другой своей работе Илларов относит топографическим описаниям промежуточное место между трудами П. И. Рычкова и историко-критическими исследованиями В. В. Крестинина, учитывая в этом «определяющую взаимосвязь научным и общественным интересам представителей крепнической «третьей сословия»»⁸⁹.

В сибиреведении материалы топографических описаний были известны уже давно. Можно сослаться на работы Ф. Г. Сафронова, М. М. Громыко, А. А. Кондрашенкова, где они использовались⁹⁰. Интересную интерпретацию формы и содержания топографических описаний дали М. М. Громыко на примере списка описаний Тобольского наместничества 1790 г. Она отводила ему «промежуточное положение» между такими документальными канцелярскими источниками, как доносения губернаторов и наместников, и «описаниями учених путешественников»⁹¹. Вызов Громыко позволяет подойти к топографическим описаниям не просто как к набору разрозненных статистических сведений, а как к сознательно научного (или близкого к этому) характера, в основу которого положена определенная авторская программа-концепция.

Особое положение среди архивных источников отводило топографическому описанию Тобольского наместничества 1790 г. и Н. А. Миненко в монографии о Северо-Западной Сибири. Она сделала интересные наблюдения о происхождении списков 1783 и 1790 гг. Миненко считает, что одним из источников списка 1783 г. были «географические описания» Березовского края, составленные городской канцелярией на анкету В. Н. Титовича. Часть текста 1783 г., а именно описание жизни и упражнении «исаачных иконошников», возникло, по

его мнению, не в Березове и Тобольске, а в Петербурге. Говоря о последнем этапе работы, автор считает, что, «видимо, в Тобольске «ранился черновой вариант "Описания" 1783 г., который и был использован составителями "Топографического описания" 1790 г.»»⁹².

Однако на этом этапе развития сибиреведения топографические описания все же рассматривались скорее как фактологический источник, а не как произведение историографии. Примечательно, что в обобщающей монографии В. Г. Мирютова, взявшего на себя нелегкий труд после С. В. Бахрушина дать обобщенный очерк истории развития исторических знаний о Сибири, топографические описания даже не упомянуты⁹³.

Перелом произошел благодаря работе В. Ф. Иванова. Автор рассмотрел материалы топографического описания Иркутского наместничества как источник по историографии и этнографии Якутии XVII—XVIII вв. Ценность исследования В. Ф. Иванова заключается в том, что он увидел в этих рукописных источниках определенную концепцию авторов, составлявших те или иные описания⁹⁴. Особенно ясно это стало после его публикации о Ф. И. Лангисе⁹⁵. Эти и другие рукописные материалы были рассмотрены и В. Н. Иванова, который также показал, что в ряде случаев мы имеем дело с уже определенными концепциями по истории присоединения Якутии⁹⁶.

Проблемы классификации топографических описаний коснулись и Г. Ф. Буконина в монографии по истории Приамурского края. Он относит описания к «численным и смешанным видам картографического и научного разделов документальности и повествовательных источников», которые «образуют рукописные общие, производственные, ограниченные карты, чертежи и планы островов, заливов и рудников, атласы, топографические описания и генеральные карты сибирских наместничеств»⁹⁷. Возможно, такое объяснение разных по форме и содержанию источников пришло к конкретной разработке истории, но в историографии оно не совсем точно. Для историографии ценной является его новая монография о исто-

показателем населения Сибири, которая содержит интересный материал об авторах некоторых историко-географических описаний⁹⁹.

Топографические описания среди других географических сочинений были рассмотрены в учебном пособии Н. А. Миненко по источниковедению Сибири. Говоря о различных экономико-географических описаниях, автор отметила, что «из последующих памятников рассматриваемого вида интересны и ценны топографические, экономические, историко-географические описания, появившиеся в связи с проведением Генерального межевания и деятельности Восточного Экономического общества в конце XVIII — начале XIX в.» Миненко остановилась на истории создания двух редакций топографического описания Тобольского наместничества 1785 и 1790 гг., отметив, что в целом описание 1790 г. «гораздо богаче по содержанию, чем предыдущее», которое «было лишь эталон в работе по сбору соответствующих сведений...». Помимо описания Тобольского наместничества, автор отметила подробное сочинение о Колыванском наместничестве 1800 г., правда не для его характеристики. По ее мнению, «немалое количество экономических, топографических и этнографических описаний дало и от первой половины XIX в., причем сильной из стороны является глубокое знакомство с местной жизнью»¹⁰⁰. Миненко вплотную подошла к признанию топографических описаний как оригинальных исторических повествовательных источников. Однако ряд существенных вопросов — о критериях отличия этих источников от других описаний, о соотношении конкретно-исторического материала и теоретического обобщения в них, об источниковой базе — не были решены. Возможно, поэтому они и не вошли в общий курс историографии Сибири дореволюционного периода¹⁰¹.

В 1982 г. появилась вторая публикация текста топографического описания Тобольского наместничества, основанная на списке из ЦГВИА (ф. ВУА, д. 19107) с привлечением отдельных описаний из Государственного архива Красноярской области и Центральной научной библиотеки АН УССР¹⁰². Состав-

ителем издания и автором вступительной статьи был А. Д. Колесников¹⁰³. Стоит несколько подробнее остановиться на ней. Автор снимывает начало работ по топографическому описанию России с 1777 г., когда Сенат «рассмотрел рапорты и топографические описания Москвитин и Воронежской губерний» и отметил, что «таковые описания желательно бы было иметь и по всем губерниям». Высказанное Сенатом пожелание вскоре принимает форму обязательного закона, в 1784 г. утверждается приказ для составления топографических описаний городов, уездов, а с 1784 г. начинается описание вновь учрежденных по закону 1775 г. губерний и наместничеств. Эта работа по 11 городам Тобольского наместничества была закончена в конце 1784 — начале 1785 г. (по всей видимости, до 17 марта 1785 г.). Текст сохранился по списку Географического общества СССР. Однако работ по созданию всех остальных описаний в одно целое в Тобольске затонули, а пожар 27 апреля 1788 г. погубил «собранные материалы». С февраля 1789 г. начинается новый этап работы, и «систематично» повторяются некоторые части описания 1784—1785 гг. свидетельствует, что почти ранее последних описаний появились в рассмотрении авторов новые описания. В новой редакции были сделаны определенные изменения и дополнения, и в 1790 г. «работы по составлению топографического описания Тобольского наместничества была завершена»¹⁰⁴. Такая схема А. Д. Колесникова. Когда конкретно в 1790 г. была закончена работа над описанием, не сказано, но если судить по публикации, то после 3 февраля — эта дата проставлена под последним описанием Туруханки и его уезда.

Самая публикация этого ценного источника, безусловно, важна, не вызывает сомнений ряд положений составителя. А. Д. Колесников дает интересную характеристику топографическому описанию как конкретному источнику по социально-экономической истории Сибири конца XVIII в. Однако вступительная статья не содержит должного историографического осмысления, и не случайно упоминаются только две работы, рассматривавшие данный источник, — Андреева и Рубинш-

тейна. Поэтому ряд вопросов остался неясным. Так, еще Рубинштейн подчеркивал, что «до нас не дошло прямого указа, определявшего составление таких описаний...». Не постановление Совета от 1 ноября 1777 г., ни указ 1783 г. на Генеральном межевании не содержат прямых конкретных указаний на содержание будущих топографических описаний, не дают их прообразов¹⁰⁵. Такой указ не пришел ни один из исследователей, не пришел его и А. Д. Колесников. Следует также уточнить преемственность работ 1783 и 1790 гг. А. Д. Колесников полагает, что «копии ранее посланных описаний находились в распоряжении авторов новых описаний». Как сообщил чернышский губернский землемер Н. Мелешко в 1789 г., «что же касается до Тобольского описания. — *Д. Р.*, то не уповаю и, чтобы оно скорее могло быть изготовлено как через год» и «виною сему то, что манускрипты, заключающие в себе сведения, каковы прежде были собраны, и рассуждений сему предшесту все без изъятия старым (выделено мною. — *Д. Р.*) во время бывшего в Тобольске прошедшего 1788 году пожара, и теперь надобно их собирать вновь...»¹⁰⁶. Кроме того, вновь затребованные описания не просто дополнялись новыми статистическими данными на 1790 г., как считает А. Д. Колесников, серьезно перерабатывались на историческую часть; чтобы это понять, достаточно сопоставить дтировки и объяснение причинности основания городов в списках 1783 и 1790 гг. По всей видимости, работы 1790 г. не были закончены к концу 5 февраля, о чем свидетельствует сохранившийся рукописный с характерным надписком — «Описание о городе Туринске, о начальном оного строении, о горбах и других достойных примечаниях, учиненно вследствие указа Тобольского Наместнического Правления от 31 августа 1790 г.»¹⁰⁷. Кроме того, А. Д. Колесников считает, что верные топографические «описания составлялись в конце 1784 — начале 1785 г.» И в качестве доказательства ссылается на описание Ялуторовска из архива ГИ СССР, датированное 10 июля 1784 г.¹⁰⁸ Однако первое подобное описание Ялуторовска было составлено еще в 1783 г. и хранится в Государствен-

ном архиве Пермской области¹⁰⁹. Что же касается вопроса о типологизации топографического описания как нарративного, повествовательного источника, то он А. Д. Колесниковым даже не ставится: публикуемое им описание рассматривается исключительно как ценный источник по конкретной социально-экономической истории.

Более высокий уровень историко-географического анализа носит публикация материалов топографического описания Иркутского наместничества 1792 г.¹¹⁰ Этот источник анализируется не только в плане социально-экономической истории, но и как нарративный повествовательный памятник. Заслуживают внимания наблюдения автора о систематике топографического описания, источниках более различных ошибок и т. д. Но и здесь вопрос о типологизации этого источника не рассматривается.

Таким образом, советской историко-географией проделана большая работа по изучению топографических описаний как источников историко-географии, сделано немало интересных и ценных наблюдений, но остались немалые вопросы, требующие дальнейшего исследования. Свою точку зрения автор излагает в главе III, где этот вид источников анализируется специально.

Следующую группу источников составляют историко-географические словари энциклопедического характера, сыгравшие немалую роль в русской культуре XVIII в.¹¹¹ Их типология как источников по конкретной социально-экономической истории была рассмотрена Л. В. Миловым в учебном пособии «Источниковедение истории СССР» в главе 15 «Экономико-географические и статистические описания»¹¹². Как видно из названия главы, автор относит словари к тем описаниям, которые мы уже выше рассматривали. «Правда, — как считает Милов, — собственно географическими их назвать еще трудно, так как это были типично государствоведческие обзоры России на тот или иной период»¹¹³. Миловым рассмотрены словари В. Н. Татищева, Ф. Полункина, Л. М. Магницкого и А. Щедрина. Характеризуя эти словари, автор отметил,

что словарь Полунина был подготовлен Г. Ф. Миллером, основой его материала является в случайном подборе материалов для словаря. На смену словарю Полунина пришел словарь Максимовича, источниками которого послужили предыдущий словарь, некоторые топографические описания, материалы путешествий ученых по разным провинциям России. Завершилось этот XVIII в. и в то же время началом нового этапа, по мнению автора, был словарь А. Шкаптова, который «заключившаяся гигантский по тому времени объем информационного материала и оставил далеко позади все то, что до тех пор было издано в России». При этом не обошлось без искажений и ошибок. Так, «например, ряд цифровых материалов о количестве населения российских городов был взят Шкаптовым у Л. М. Максимовича с припискою «по последней ревизии»». Но у Максимовича, как считает Миллов, «последняя ревизия» означала третью (1764 г.), а в тексте Шкаптова воспроизводится уже как четвертая или даже пятая¹¹⁴.

Одной из первых работ о словаре Полунина была статья М. Воднарского¹¹⁵. Высоко оценив данный словарь, автор все последующие словари считал лишь как вторые и третьи издания этого первого словаря. При этом, говоря о Миллере как редакторе и авторе, Воднарский относит к числу его статей описания Москвы, Петербурга, России и совершенно не выделил статьи о Сибири. Точка зрения Воднарского была скорректирована М. В. Пугачев. В числе источников словаря Полунина автор назвал подборку из работ Миллера, Воднарского и Рычкова. Сам же Миллер, по его словам, написал статьи о Москве, Петербурге, России и частично о Белоруссии¹¹⁶, но и здесь ничего не было сказано о сибирских статьях. Характеристики словаря Полунина и Максимовича возмущал также Н. П. Никитин в 1950 г., отметив их несуюзную преемственную связь и близко подойдя к точке зрения Воднарского¹¹⁷.

Первой систематической работой, посвященной словарю как источнику, было исследование Л. В. Милова о словаре А. Шкаптова¹¹⁸. Говоря об источниках данного словаря, автор вы-

метил интересную особенность: если описание города Тобольска составлено по топографическому описанию Тобольского наместничества 1784 г., то статьи об условиях городов открылись уже на других материалах. Поэтому характерной чертой словаря Шкаптова является «довольно сложное и неисследованное переплетение различных источников»¹¹⁹.

Словарь Ф. Полунина стал объектом исследования С. С. Ильярова¹²⁰, который дал систематическое изложение ряда вопросов, затронутых в основном параметрах словаря. Думается, что слова автора о том, что словарь Полунина и Миллера определил развитие этой области научных знаний по крайней мере на ближайшие 50 лет, вполне справедливы¹²¹. При этом Ильяров попытка взглянуть на словарь еще и как на попытку теоретического осмысления понятий русской урбанистики XVIII в. Он отметил, что большая часть статей словаря посвящена различным типам населенных пунктов, в особенности городам (3799, при этом собственно «городов» не путались с «деревнями», «поселками», «дворами» и т. д. Как считает автор, «это весьма показательный факт и явное усиление внимания исследователей историографии как к проблеме города в целом, так и к отдельным, частным вопросам этой темы — классификации, типологии и т. д.» Очевидно, что «происходит расщепление понятия "город" в научном смысле от промежуточных типов поселений, которые в силу своего исторического развития перестали быть поселением сельского типа, но еще не стали в полном смысле городами или же, напротив, утратили черты города»¹²². При этом хотелось бы обратить внимание на одну любопытную особенность, которая вытекает из данных, приведенных Ильяровым. Согласно его подсчетам, статей по Приуралью, Уралу и Сибири насчитывалось в словаре 395, по Сибирской губернии — 170, по Иркутской — 90. В общей сложности, по нашим подсчетам, получается, что все описания настоящих районов России составили около 38 % от всего объема словаря, а собственно сибирские статьи — около 17 %. Это больше, чем по какому-либо другому региону России. Отсюда можно сле-

дать вывод, что Сибирь послужила своего рода оплотом колонизации, на материале которого разрабатывались основные принципы и методика русской исторической урбанистики. Что же касается источников словаря Миллера, то Плещинский прямо указал на труды Миллера, Бюстинга и Рычкова.¹²⁵ Однако, думается, этот список не совсем полный.

Словари же В. Н. Татищева¹²⁶ и П. И. Рычкова¹²⁷ пока не стали предметом самостоятельного исследования, хотя и излагают их общие характеристики.¹²⁸ В сибиреведении историко-географические словари еще не рассматривались как историчны. Маркс полагал, что «для составителей энциклопедий доступны всега, когда накапливается много фактов, и мысль соответствующим образом обобщается...»¹²⁹. Конечно, нельзя сказать, что осмысленно вопросы истории Сибири в XVIII в. сильно отставили (скорее наоборот), но то, что первые словари способствовали накоплению фактов и даже определенной систематизации исторического знания о Сибири, несомненно. И в этом плане они могут быть рассмотрены как источник сибирской историографии.

ГЛАВА II

Г. Ф. МИЛЛЕР КАК ИСТОРИК ГОРОДОВ СИБИРИ

1. ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ ГОРОДОВ

Решение проблемы возникновения русских поселений в Сибири, до сих пор считающейся "узловой проблемой" в развитии истории начального освоения края¹³⁰, невозможно без точной датировки основания этих населенных пунктов. В русской исторической летописной литературе по Миллеру принялись самые разные, порой противоречивые суждения о времени и обстоятельствах появления первых русских городов на

сибирский земас¹³¹. Особенно важно было зафиксировать первый этап градостроительства, связанный с Тюменью и Тобольском, но первоначальная история этих городов до сих пор слабо подтверждена архивными документами. "Архивы в Тюмени, — писал Г. Ф. Миллер, — начинаются с 7102 года", а в Тобольске — с 7133 г.¹³² Собранные историком "Списки Тобольской архивы" открываются грамотой 1621 г. о жалованье литвану Я. Кучи, а "Списки Тюменской архивы" — грамотой от 1596 г. о жалованье атаману Д. Юрьеву¹³³. В летописях же давались самые разные датировки: по Тюмени — от 1583 по 1586 г., Тобольску — от 1585 по 1588 г. Единственное, в чем сходились большинство летописей, — это в том, что Тюмень была построена раньше Тобольска. И ни в одном городском архиве Миллер не нашел аргумента о событиях ранее 1590 г., поэтому ему пришлось обратиться к летописям и датировать основание Тюмени 1586 г., а Тобольска — 1587 г. Однако историк обратил внимание на то, что из тех же "летописей" выстает, что еще прежде, в 7091 и 7093 годах в Сибирь были воеводы из Москвы — Болховский и Мансуров. Но летописи ничего не сообщали о том, что они основали эти города, поэтому, как посчитал Миллер, основание Тюмени и Тобольска логично отнести к периоду после 7093 (1584/83) г.¹³⁴

В число русских городов входили также Березов, Пелым и Сургут, основание которых Миллер отнес к 1593 г.¹³⁵ В летописях их основание датировалось по-разному — от 1591 по 1595 г. При этом известные историкам летописи — "Книга Записок" и "Записки к сибирской истории..." — построили Березов и Пелым относили к 1593 г., а Сургут — уже к 1595 г. Однако историк связал дату основания этих городов именно. И для этого у него были основания. Прежде всего Миллер обнаружил, что архивы в Пелыме и Березове начинаются с года их основания — 7101-го (1592/93); оформленные Миллером "Списки Березовской архивы" открываются грамотой Н. Травинникову от 17 августа 1594 г. Дата 1593 г. приводилась в ответе Березовской канцелярии 1739 г.

на анкету Миллера⁸. Кроме того, историк во время его пребывания в Березове был переписан "список всех военных городов с самого его основания", и "в этом списке упоминался Траханитов упоминается под 7101 годом"⁹. Все это дало Миллеру твердую уверенность, что Березов возник в 1593 г. на месте существовавшего там же русско-татарского острога¹⁰.

По истории города Пелыма Миллер сумел собрать разрозненных еще до приезда туда. В первой своей анкете — "Пункты для сочинения ведомости о Пелыме" 1741 г. — он запрашивал, когда и почему построен Пелым, какой город и где до этого был, где проходила тайная дорога, "которой раньше часто ездили торговые люди"¹¹. В 1742 г. он отправляет новую анкету, ибо "в прежней ведомости сказано, что Пелым построен в 7101 г.", но историк не нашел такого известия "в старинных делах" и просит канцелярию "выписать" источник этой даты¹². Когда же Миллер сам начал работать в Пелымском архиве, он нашел указ кн. П. Горчакову 1392 г. и две поручные записи стрельцам, поступившим на службу в новые сибирские города. Эти поручные датировались 21 февраля 1393 г. и 14 июня 1394 г. В указе П. Горчакову историк мог обратить внимание на то, что в этом документе были перечислены только города Тюмень, Тобольск, Лозов и Березов, а Пелым отсутствовал, причем и в самом тексте указа не было прямого указания на необходимость строительства Пелыма, а речь шла о том, что "приехав в Таборы, присмотреть под город место, где приложить, где быть новому городу: в Таборах ли или старой город занять". Не шла речь о Пелыме и в первой стрелцкой поручной: "быти нам на государственной службе в новом городе в Таборе". Но вот во второй поручной уже прямо сказано: "жить нам... в новом Пелымском городе"¹³. Исходя из этого, Миллер мог отнести строительство Пелыма ко времени после 21 февраля 1393 г., но до 14 июня 1394 г. При этом историк предположил, указ П. Горчакову, который не имел начала, не 1394 г., как это потом сделали издатели "Русской исторической библиотеки", а 1392 г., собственноручно написав на нем "Списано на ар-

хива Пелыма. Инструкция князю Петру Горчакову для основания Пелыма"¹⁴. Возможно, это написание датировки документа произошло потому, что еще до работы в Пелымском архиве Миллер обратил внимание на одну странность летописных известий. "Летописцы относят начало этих городов (Пелыма, Березова и Сургута. — Д. Р.) к 7099 г., но так как при постройке первого из этих городов упоминается тобольский воевода князь Федор Михайлович Лобанов-Ростовский, о котором в тех же летописях сказано, что он занял место прежнего воеводы князя Киндякова-Масальского в 7100 г. и был в Тобольске воеводою до 7103 г.", то, заключает Миллер, "это является доказательством, что построение упомянутых городов не могло начаться ранее 7100 г."¹⁵.

Еще до поездки в Пелым Миллер знал о существовании города Лозов. В своих анкетах в Пелым он дважды запрашивал сведения о нем, но Пелымская канцелярия ничего не могла ответить. Работая в Пелымском архиве, историк нашел упоминания о Лозове в двух документах, датированных 7100 (1591/92) и 7102 (1593/94) гг., но лишь упоминания. Как же тогда он определил дату основания Лозова? Прежде всего историк положился на свое знание истории Сибири, которое он к тому времени приобрел. "В те времена, — писал он, — не было обыкновения устанавливать одного и того же месту (речь шла об И. Г. Нагоя. — Д. Р.) более двух или трех лет на одном месте..." Кроме того, он обратил внимание, что в указе Горчакову 1392 г. Лозов названа "новым городом". Исходя из этого, Миллер заключил, что "городок на Лозове был построен около 7098 (1590) года, но всей вероятности, воеводою Иваном Григорьевым сыном Нагоя"¹⁶.

Относительно датировки основания Березова и Пелыма историк располагал определенными документальными материалами, и в его Портфеле есть собрания документов по этим городам. В отношении же Сургута источниковая база была намного уже и беднее. Поездка туда летом 1740 г. ничего не дала исторiku — он не нашел там никаких древних документов, и поэтому какого-то "сургутского портфеля" в его собра-

нии ист. И хотя Миллер получил из Сургута ведомость, озаглавленную "О остроини города Сургута..."¹⁷, но и там не сохранилось точной даты. Поэтому А. И. Андреев заключил, что "ввиду отсутствия архивных материалов в Сургуте Миллер мог сообщить о строении этого города лишь то, что случайно померилось об этом в материалах других сибирских архивов, в летописях или в рассказах местных жителей"¹⁸. Однако Миллер с доверием отнесся к летописным известиям потому, что они подтверждались документами из других архивов: Сургут упоминается как "новый город" в наказе 1102 (1593/94) г. о построении Тары¹⁹. При этом историк решительно отверг предание местных жителей о том, что здесь до основания "поселения" города уже была какой-то русский острог — "я не мог себе представить, чтоб оной первой инжолок так долго стоял"²⁰.

Следующий этап градостроительства связан с основанием Тары. "Обыкновенные летописцы указывают... 1388 год как год основания Тары", но из наказа Ф. Елсичскому "видно, что город основан только в... 1594 г." К более ранним датировкам Миллер отнесся критически, считая, что для этого "нет оснований"²¹. С наказом кн. Ф. Елсичскому историк ознакомился в Тарском городском архиве, который, по его словам, "довольно порядочный" и "берет свое начало с его (города. — Д. Р.) постройки..."²². При этом важно подчеркнуть один момент: Миллер узнал эту твердую дату основания Тары, а также некоторые известия о других первых городах Сибири в самом начале своего сибирского путешествия — в июне 1734 г. Работа в Тарском архиве вызвала существенное изменение в методике сбора сведений о городах Сибири²³, но собственно тарские документы не составили какого-то особого материала: карниза источников, а вошли составной частью в пятый том портфеля "Списки Тобольской и Тарской архивов"²⁴.

Относительно истории основания Нарыма Миллер знал две летописные даты — 1591 и 1596 гг., другие летописцы "пишут, правда, что этот город построен в том же году, как и Сургут"²⁵. Сведения о построении Нарыма историк стал со-

бирать с 1734 г., но в ответе Нарымской канцелярии на первый запрос Миллера никаких данных на этот счет не приводилось. Понадобилось составление второй анкеты в Нарым, ответ на нее ученый получил уже в 1740 г., когда весной был там²⁶. В своем ответе Нарымская канцелярия сослалась на некий "Томский летописец", из которого явствовало, что "от сотворения мира в 7099, 7100 и 7102 годах построены на Тобольска в Сибири города Пелим, Березов, Сургут, Нарым и Томск..."²⁷. Работа в самом тарском архиве ничего не дала: архивные документы в "Списках Нарымской архивы" начинаются не ранее первых годов XVII в.²⁸

Но уже в 1734 г. складываются первые представления историка о времени основания Нарыма. В Тарском архиве он мог прийти к следующим рассуждениям: раз в наказе о построении Тары названы города Пелим, Березов, Сургут, то, следовательно, построение Нарыма совершалось после Сургута и Тары. Во время пребывания в Томске и работы над описанием Томского уезда в октябре 1734 г. историк убедился, что "как со всех тимошних мест вначале также доставлялся в Сургут"²⁹. При этом в конкретном упоминании Нарым шел после Сургута. Отсюда следовало, что "сам был построен город Сургут, как вся река Обь дальше вверст по течению была облюбована отчасти промышленными людьми, отчасти сургутскими казаками", и "это дало повод к осмнению города Нарыма". Но так как его постройка происходила по усмотрению сургутских воевод, то "можно предположить, что от построения Сургута до построения города Нарыма, а поэтому и нахожу возможным начало посланного отвести к 1596 г."³⁰

С материалами Кетского архива Миллер познакомился во время пребывания в Нарыме весной 1740 г. Хотя "Списки Кетской архивы" по объему даже несколько больше, чем нарымские, но и в них "год построения нигде не указан", да и сам архив отличался документами 1604 г.³¹ Известные историк летописи датировали построение Кетска 1596 г., с чем он и согласился, рассудив, что острог был поставлен вскоре после Нарыма³².

Основание Верхурия и Туринска датировалось историком 1598 и 1600 гг. на основании точных документальных материалов, совершенно ясно относивших начало этих городов именно к этому времени³².

Сложным было установление датировки основания Мангазеи. Недостатки в летописных сведениях Миллер не испытывал: редко какая летопись обходилась без упоминания об этом городе³³. Разговоры о Мангазее Миллер мог слышать еще в Петербурге, ибо для общественного мнения не только России, но и Западной Европы Мангазее была сказочным городом, мифическим блеском пушнина. Но документальных данных, касавшихся начала строительства города, известно мало. Первый раз Миллер побывал в Новой Мангазее (Туруханск) в 1739 г., однако, как установил А. Х. Эверт, материалы по истории Мангазеи историк начал собирать еще в 1735 г. в Енисейске, основываясь на данных Енисейской канцелярии и устных рассказах сибиряков. Обнаруженные А. Х. Эвертом материалы — "Описание Енисейского уезда Енисейской провинции в Сибири и имевшем его состоянии, в начале 1735 г." и "Некоторые известия о Мангазейском уезде Енисейской провинции в Сибири, собранные в начале 1735 г."³⁴ — дают представления о первых этапах развития здания. Историк тщательно описал гидрографию края, которая была для него, чтобы выяснить, как русские люди проникли сюда. Но "кряк, когда эти мангазейские местности были впервые открыты и заселены людьми русской нации, неизвестно". В делах сибирских архивов Миллер пока ничего не нашел о строительстве Мангазейского острога, но, "согласно устной традиции, колония была основана из Архангельска еще до того, как появился в Сибири первый русский город". Располагался этот острог, по мнению историка, "на восточном берегу реки Таз, примерно в 4 днях пути на лодках вверх от его устья", а мангазие "произошли от находившегося неподалеку сямодяцкого рода, который называет себя мангазо" и "общение которых платить как послужило поводом к основанию острога"³⁵.

Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с поморской традицией³⁷, которая потом, как считают С. В. Базилюхи и В. А. Александров, была перенесена жителями Мангазеи в Енисейск. Интересно и другое: если считать, что в 1735 г. Миллер уже знал дату основания первых городов Сибири — Тимонин, Тобольск и Тарм, то тогда выяснит, что основание поморского Мангазейского острога историк относил ко времени ранее 1586 г. (37)

К началу XVII в. "завоевавшие Сибирь счастливо продвинулись вперед, вплоть до местностей в верховьях Оби и впадающих в Обь рек Таз и Кеть" и русские узнали об Енисее. И во времена царя Федора Ивановича на средин и нижний Енисей был отправлен некий Федор Дьяков, экспедиции которого успеха не имели. В 1600 г. был отправлен новый отряд на Енисей с заданием "построить на устье Туруханца новый острог". Начальником этой экспедиции и основателями "нового острога на устье реки Турухан" названы М. Шаховский и Д. Хрипунов, которые "сразу по прибытии на известное место выполнили приказание"³⁸. Но этот вывод был сделан историком не на основе документального материала, а исходя из сложившихся представлений европейского человека о походах в Сибирь XVII в. Как он писал потом в "Истории Сибири", "нет причин сомневаться в выполнении этих распоряжений, так как известно, что в прошлом времени никогда не ведалось приказания, вызвавшие сомнения в их выполнимости или сопряженные с большими трудностями, потому и исполнение их было всегда точным и рачительным"³⁹.

Этот новый острог на р. Турухан, построенный Шаховским, "означал упавок старого острога на Тазе", и когда "его жители получили разрешение переселиться сюда, то и название Мангазее распространилось на новый острог", но "из своего положения он одновременно получал название Туруханск". И далее Миллер поясняет, что "указанный счастливый успех, несомненно, был причиной того, что первоначальный Мангазейский острог в последующее время был возмещен до города, который является нынешним городом Манга-

жеск или Туруханск...⁴⁰. В "Описании Енисейского уезда..." 1735 г. говорится о покорении народов, "живущих ныне по Енисею", историк также обронил фразу: "уже за несколько лет до этого, когда был zaloжен с. Ново-мангазейск или Туруханск"⁴¹.

Таким образом, можно констатировать, что в 1735 г. у Миллера не было еще четкого знания первоначальной истории Мангазеи. Он спутал между собой Старую и Новую Мангазею, Мангазею в Туруханске, совмещая на коротком отрезке времени историю поставивших этих двух поселений.

Следующий этап формирования исторического знания о Мангазее начался с 1738 г., когда Миллер направил турк свою первую анкету, но ответа на нее не получил. Историк обратился за содействием в Енисейском провинциальную канцелярию, чтобы она воздействовала на мангазейские власти. Но опять безрезультатно. Тогда Миллер сам отправился в Туруханск, но пути посланную новую анкету, на которую получил ответ уже перед самым отъездом из города⁴². Пробыл в Мангазее Миллер с 6 июня до 6 июля 1739 г., причем обстоятельства сложились так (умер переводчик Яковин), что историк был вынужден сам заняться за разбор архивных дел и составление описей и копий документов: "сам я пищик и поправлять поспешу..."⁴³. Составленные тем "Списки Мангазейской архивы" содержат довольно богатый материал по истории города и открываются "рописию мангазейским архивом от 109-го по 141-й год". "Это может, — заключил историк, — служить доказательством, потому что если были приказные дела до 7109 г., то они не могли производиться нижею нами, как князем Мароном Шаховским, а следовательно, город был уже тогда им построен". Другим косвенным доказательством для Миллера послужила найденная в Мангазейском архиве запись восхода от 25 января 1603 г., "в котором часто упоминаются... Василий Масальский и Самук Пушкин, но ни разу не говорится, что город был построен ими" и, "наоборот, о построенном городе говорится как о деле, совершенном прежде...". Поэтому Миллер не поверил "Летописи о многих

митах", где упоминается Мангазее связанный с В. Масальским-Рубиным⁴⁴. В "Списках Мангазейской архивы" Миллер уже мог найти и точную дату переноса Старой Мангазеи в Туруханск⁴⁵. Материалы Мангазейского архива, таким образом, подтвердили сведения "жизнени списки старою летописи" у подьячего А. Герохова, с которыми Миллер мог познакомиться еще в Енисейске⁴⁶.

Последний этап формирования исторического знания связан с Березовым, где Миллер побывал летом 1740 г. и нашел "много старинных и новых книг"⁴⁷. Здесь он обнаружил последние недостающие звено — грамоту Б. Годунова в Березово о посылке на службу в Мангазею кн. М. Шатовского⁴⁸. Это окончательно убедило историка в том, что датой основания Мангазеи был 1600 г., а Туруханска — 1607 г.⁴⁹

С трудностями Миллер столкнулся и при определении даты основания Томска, куда он прибыл первым раз 1 октября 1734 г. Второй раз он посетил Томск в феврале 1740 г.⁵⁰ В первый свой приезд Миллер нашел Томский архив "не совсем в порядке", но в общей сложности "Списки Томской архивы" составили два перифолы, содержащих 606 документов⁵¹. Однако документы ранее 1608 г. они не содержат. Сибирские летописи датировали княжение периода 1594, 1601 и 1604 гг. Миллер знал две версии основания города — это видно из его рукописи "Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в совершенном его положении в октябре 1734 г."⁵²

Вначале Миллер узнал и записал версию о том, что "основание Томска происходило в 7102 г... или в 1594 г., а размер за строениям осуществлял сын боярский из Тобольска по имени Василий Турков". После этого, в 7112 (1604) г. "укрепление было вновь построено под руководством казначея полков Григория Писенского и того же Туркова". Но затем этот текст был зачеркнут, и окончательно в рукописи осталось известие о просьбе князя Тохта и построении Томска в 1604 г.⁵³ По всей видимости, Миллер изменил свое мнение после знакомства с томским архивом, где он нашел "одну старую опись этой канцелярии, в которой лишь изложено по

попытку осознания себя начиная с 7112 г.⁵⁴ Но интересно, что текст о том, что Малевский острог был построен ранее Томска казаками из Сургута, в рукописи 1734 г. остался без изменений⁵⁵. Окончательно утвердиться в дате 1604 г. историк мог уже на обратном пути из Сибири в 1740 г., когда, будучи в Нарине, среди дел Кетского архива обнаружил отписку восточного новосида о местнике Томского острога и "о бравном асаку по-прежнему в Кетском остроге"⁵⁶. На следующий год в Томске были обнаружены две грамоты о посылке стрельцов, пиндаль и скота для "иностроянничка" города на Томь⁵⁷. Тогда же, по всей видимости, произошло и изменение в датировке Малевского острога на 1621 г.

Так Миллер смог воссоздать историю самого первого этапа присоединения и хозяйственного освоения Западной Сибири — с конца XVI до начала XVIII в. Значение этой работы как для формирования концепции самого историка, так и для последующей науки велико. Главная трудность заключалась в том, что этот отрезок истории был очень слабо отмечен документами, что мешало правдивому представлению кода колонизации Сибири не только в конце XVI в., но и в последующем. Кроме того, внимательное изучение Миллером всех обстоятельств основания самых первых городов Сибири дало ему в руки "ключ", историком данности тех или иных сторон колонизационного движения — его интенсивности, равномерности, степени районирования колонизуемых территорий.

Что же касается датировок основания других сибирских городов и острогов XVIII в., то с этим дело обстоит несколько иначе, ибо историк располагал точными прижизненными документами. Однако и здесь встречались свои трудности. Это прежде всего проявилось в установлении даты основания Кузнецкого острога, который предельно определенно засвидетельствовано, о чем можно судить по выделенному А. Х. Элертом материалу — составленному Миллером в 1734 г. "Описанию Кузнецкого уезда..."⁵⁸ В первый раз историк поднимал в Кузнецке с 11 по 27 сентября 1734 г.: ответ на свою первую анкету Миллер получил лишь 15 сентября. Следует сразу же подчер-

нуть, что никакими архивными документами по истории основания острога Кузнецка не обладал, ибо из-за пожара в ночь с 1 на 2 марта 1729 г. "самые старые рукописи... относятся к 1623 г."⁵⁹ Своим первоначальное знание об истории основания Кузнецка ученый мог строить на сибирских летописях, которые относили это событие к 7125 (1617) г. Эта же дата, по всей видимости, фигурировала и в отчете Кузнецкой восточной канцелярии, которая опять же ссылалась не на документ, а на "старый летописец" у священника соборной церкви Бориса Наумова⁶⁰. В соответствии с этим Миллер и записал в своем описании уезда, что "строительство города или, скорее, первого острога Кузнецка произошло в 1617 г. ... или по старому русскому счету от сотворения мира в 7125 г." Руководил постройкой голова тобольских татар Молчан Лаври и тобольский сын бирской Остарий Макалович. Местоимение этого острога, по мнению ученого, находилось на северо-восточном берегу Томь, напротив устья р. Колдомы, где в Томь впадает маленький ручей Брыза, и этот "острог не исчез", он "все еще находится в центре уезда"⁶¹. Первоначально в остроге постоянного населения не было, кроме приказчика и казаков, но "дальнейшее заселение следует приписать, главным образом, многим высланным сюда в неволю людям". Однако, как считал Миллер, "раннину начали заселять кроме немногих направленных сюда поселенцев" большей частью крестьяне Тарского, Тюменского и Верхотурского уездов, "которые путем побегов хотели избежать обычных жалован и попадали сюда через Барыбинскую степь"⁶².

Дальнейший этап формирования исторического знания связан с пребыванием историка в Томске с 1 октября по 26 ноября 1734 г. Именно здесь он неизменно ссылается с описаниями 1618 г. Ф. Бабарыкина, В. Карташева, М. Годунова и И. Шамского, собрал их в "Списках Томской архивы"⁶³. Поэтому он стал считать, что летописное известие о 1617 г. "надо принимать с некоторой оговоркой". Хотя рассуждения его был таковы: указ на Москву мог быть действительно получен в 7125

1616/17) г., и отправка служивых людей из Тобольска и других городов "когда быти в том же году", "строение же в Кузнецке первого острога произошло не ранее 7126 (1618) г. при следующих обстоятельствах, о которых говорится в архивных документах". Мотивом представления и о несополнении Кузнецкого острога 1618 г.: "Сведения, сообщенные сибирскими летописцами о постройке острога при устье реки Бразы, или, вернее, Мрасы, являются несправками, так как никогда в этом месте не было русского острога, да и не мог он здесь быть построен из-за большого неудобства этой местности". Здесь, по мнению историка, можно стоять лишь небольшим лагерьом, основанное О. Михайловским на пути в Кузнецкую землю. При этом Миллер ссылается на устную информацию: "В бытность мою в Кузнецке я ни от кого не слышал, чтоб город сперва построен был на другом месте, а не на том, где ныне находится"⁶⁴.

Не сразу же сложились точка зрения историка и относительно даты основания Енисейска. Еще во время пребывания в Томске Миллер "орден стрелец архангелов известия Томский канцелярият" ишел известия о том, что первоначально народы, населяющие Енисей, перешли сюда в Томск⁶⁵. Известные Миллеру летописи датировали основание Енисейска 1618 г. Запросы историка в Енисейскую провинциальную канцелярию, как показал А. Х. Элерт, ничего не дали: в первом случае Енисейская канцелярия вообще не ответила на вопрос о дате постройки города, а во втором сообщила, что якобы острог был построен в 1613 г. П. Албычевым и В. Рукиным⁶⁶. Как указывает А. Х. Элерт, и в этом в согласии с ним, ошибочная датировка могла появиться из местной Енисейской летописи⁶⁷. Во время пребывания в Енисейске с 6 декабря 1734 г. по 13 января 1735 г. Миллер еще не успел детально ознакомиться с городскими архивами: он лишь отметил, что "приех в чрезвычайном беспокойстве и без описи содержавшихся в нем дел", самые древние акты относятся к 7129 (1626/27) г.⁶⁸ Имея такие источники, Миллер и приступил к написанию рукописи "Описание Енисейского уезда Енисей-

ской провинции в Сибирь, в нынешнем его состоянии, в начале 1735 г."⁶⁹ (Рукопись вывезена и велена к научному обзору А. Х. Элертом). По мнению историка, "первое основание г. Енисейска... произошло в 7126 г. по преческому летоисчислению от сотворения мира или в 1618 г. от Р. Х.", когда "сын боярский из Палыма и сотник стрелецкий из Тобольска Петр Албычев и черкаска Василий Рукин со 100 стрельцами... были отправлены сюда и выбрали для этого места на западном берегу Енисея, в 11 верстах выше устья р. Кем". Далее автор констатирует наличие жителей с. Марково Городище, согласно которой "основатели города начали отыскивать 3 места для строительства города: первое находилось на устье р. Кемь, другое — там, где сейчас стоит город, и третье, где впоследствии было основано Марково Городище". Выбор якобы решил жребий, и "поскольку он выпал особенно неблагоприятно для последнего места, то в начале об этом упомянутое село получило название Городище"⁷⁰.

Таким было первоначальное мнение Маллера. Но в "Истории Сибири" приходится уже другое известие — о том, что "первый острог на реке Енисей, называвшийся нумалом енисейского города Енисейска, был построен летом 1619 г." И далее историк подвергает сомнению устное предание жителей Маркова Городища на том основании, что "такое значение слова "городище" является совершенно избыточным, так как этим словом обозначают то место, на котором прежде в самом деле стоял город или острог". Однако историк не отвергает полностью устное предание, что якобы характерно для его историко-этнографической методики, а выдвигает предположение в том, что "еще до постройки Енисейска в Марковом Городище находилась небольшой острог, поставленный на время для защиты первыми служивыми людьми"⁷¹. Но когда конкретно существовала эта локация на взгляд историка? Скорее всего в 1738—1739 гг., уже во второе или третье заселение Енисейска. Именно к тому времени можно отнести формирование "Стариков Енисейской армии", которые открываются веховой главой М. Грубчанкову об исследовании "великой ре-

км Дени», датированной 16 декабря 1619 г. В ней уже прямо говорилось об основании Енисейского Тунгусского острога: «да от Тунгусского острога, который-де нынче поставили Петр и Черкас...»⁷²

Датировка основания Красноярского острога летом 1628 г. с самого начала не вызвала сомнений у Миллера, ибо он рассматривал совершенно четкими показаниями документов⁷³. Кроме того, точные сведения о времени основания города приводились и в ответе Красноярской канцелярии, оставленном по архивным делам и по рассказам красноярских старожилов⁷⁴. То же можно сказать и о датировке основания Канского острога⁷⁵.

Не вызвала сомнений у Миллера и датировка основания Красноярского (1624 г.) и Соколовского (1656 г.) острогов, ибо здесь он располагал документальными данными⁷⁶. Датировка основания Ачинского острога 1642 г., данная впервые в «Описании Томского уезда...», была в «Истории Сибири» изменена на 1641 г. на основании подлинных описок Я. Тугачевского⁷⁷. Лишь в отношении Кауразакского, Тобольского, Ишимского, Вагайского и Тарханского острогов историк не обладал документальными данными и был вынужден ограничиться указанием на их существование уже в 1631 г.⁷⁸

Датировка основания ряда городов Восточной Сибири и Забайкалья была дана историком в «Ежемесячных сочинениях...» за 1735—1737 гг. Это касалось лет основания Иркутского, Нерчинского, Теленбитского, Тугурского, Тутурского и Чесуевского острогов. Еще в 1740 г. по указу императрицы Анны для иркутского вице-губернатора Л. Ланге Миллер написал «Известия о реке Амура...»⁷⁹. Но в основание этой и других работ по истории Забайкалья легло, как выяснил А. Х. Элерт, «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов в их нынешнем состоянии летом 1735 г.», а также «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири» 1739 г.⁸⁰ Кроме того, сведения о построении забайкальских острогов вошли в состав разделов «Селенгинская и Нерчинская области» большого ру-

кописи Миллера на немецком языке «Описание Сибири», написанной также на ямси сибирского путешественника. Эта работа была начата и впервые использована в работе Л. К. Миллера⁸¹. По этому, со слов А. И. Ананьева, считалось, что «исходной... географии Восточной Сибири Миллер не дал»⁸².

И здесь мнение Миллера прошло определенную эволюцию. В рукописи «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда...» первоначальное построение Иркутского острога на правом берегу р. Аргуня, «в двух верстах ныне нынешнего пункта», в устье р. Маритки относится к 1681 г.; затем «в 1690 г. после заключения мира с Китаем... был перенесен на нынешнее место...» Основание Нерчинска датируется 1638 г., одновременно с ним был построен и Теленбитский острог⁸³. Эти же датировки, за исключением даты Иркутского острога, были приняты Миллером и в «Истории о странах, при реке Амура лежащих...»⁸⁴. В отношении же Иркутского острога историк принял уже более сложную историю его основания и построения: он отметил прежде всего первый острог Ф. Пушкова 1653 г., а затем уже постройку 1682 г.⁸⁵

Документальными источниками по истории этих забайкальских острогов были собраны Миллером в «Списках Енисейской архивы» в 6 частях, в «Списках с архивов с. Иркутска, острога Илимского, Баргузинского, Верхоянского», «Списках Селенгинской и Нерчинской архивы» в частности в «Списках Якутской архивы» в 5 частях. Так, в «Списках Селенгинской и Нерчинской архивы» содержалась описка Нерчинского острога, датированная 1681 г., после 6 сентября, о постройке нового острога на реке Аргуня: «в 190 году нерчинские атаман Васко Мисманов да Иларион Волга с товарищи в уезде месте поставили острог...»⁸⁶ В «Списках Якутской архивы» (ч. 2) можно найти описку О. Степанова в Якутск о построении Ф. Пушковым острога на р. Аргуня в 1653 г.⁸⁷ Точными документами о построении Иркутского острога в 1653 г. располагали и «Списки Енисейской архивы»⁸⁸.

Таким образом, рассмотрев процесс формирования исторических знаний Г. Ф. Миллера по вопросу о датировках основания русских городов и островов Сибири конца XVI—XVII в., можно сказать, что они носили эмпирический характер и проходили несколько этапов. Первый, петербургский, период представлял Сибирской экспедиции 1725—1731 гг. Мы не знаем точно, какими были знания Миллера в этот период о Сибири, но, судя по его "Описанию уралов...", он разделял господствовавшее тогда убеждение, что первые русские познакомились с Сибирью через Север. Источником такого знания могли быть именно летописи, собиравшие и сами различные источники, и прежде всего устное поморское традицию. Хотя уже в этот период Миллер общался с рядом известных, "заместовавших" у Ваткина, а также у Мессершмидта⁸⁹. Второй период охватывает сибирское путешествие 1732—1741 гг., но и он не был однозначным в отношении познания источников и их осмысления. На первом его этапе — 1732—1734 гг. — у Миллера по-прежнему господствовали старые взгляды, с архивными документами он был знаком еще слабо. Серьезное проникновение в глубь истории Сибири на основе документальных данных, как можно судить по материалам А. Х. Эзерта, началось у историка с 1735—1736 гг. Окончательно "данные" датировочных решений относительно основания первых русских городов Сибири конца XVI в. появились у Миллера на обратном пути, в 1739—1741 гг. И в этом плане в согласии с А. Н. Андриановым в том, что уже к возвращению в столицу Миллер имел почти написанный текст будущего "Описания Сибирского царства"⁹⁰. Следующий, третий период — с 1743 по 1750 г., когда вышел знаменитый труд ученого. Но и это не было последним этапом: можно говорить об определенной работе Миллера по уточнению датировок основания сибирских городов и во время работы над словарем Ф. Полунина, но об этом речь пойдет в следующих главах.

Значение проделанной Миллером работы по определению датировок основания русских городов и островов Сибири кон-

ца XVI—XVII в. велико. История Сибири и целом получила четкую хронологическую основу, что позволяло последующим исследователям делить историю колонизации на определенные периоды, положив в качестве основания дату построения того или иного города. При этом в середине XVIII в. еще ни один регион Российского государства не обладал такой заверенной документацией и летописной историей. Последующие исследователи, особенно в XIX в., в большинстве своем следовали в своих работах датировкам Миллера⁹¹.

2. ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПЕРВЫХ ГОРОДОВ СИБИРИ

Вторая проблема, которая встала перед Миллером, была проблемой изучения социально-экономических и культурных функций первых сибирских городов. Как подчеркнул С. С. Илларионов, "город как объект исследования Миллер изучал в широком географическом и хронологическом диапазоне"⁹². Миллером, как и всей русской общественностью того времени, дорусская Сибирь воспринималась как страна, в которой "не процветали ни науки, ни искусства, да и умение писать большинством было мало распространено"⁹³. Поэтому и существовавшие в разные время разрозненные городки коренных народов истории рассматривала лишь как "небольшое укрепление", "которые имели своей задачей во время враждебного нападения дать безопасный приют жителям и детям, вместе случившимся изгнанным", и не более⁹⁴. Сейчас можно спорить с мнением Миллера об уровне социально-экономического и политического развития коренных народов Сибири, но гораздо важнее понять то исходное начало, которое было вложено ученым в его представления.

Для Миллера принципиальная разница между туземными городками и русскими острогами при некоторой общности стратегических приемов заключалась прежде всего в их функциональности. Первоначальной функцией большинства си-

бирских городов он считал военно-экономик: город как база для развертывания военных действий и организующий центр по сбору ясака. Для современного историка это по сути дела разные функции, но в представлении людей XVIII в. они сливались воедино. Именно эта нерасчлененность понятий позволяла советским историкографам транслировать концепцию Миллера как "завоевательную", сугубо официальную, "аваранскую". Конечно, на страницах "Истории Сибири" можно найти немало мест, связанных с описанием военных действий и взятием ясака. Изображение военных действий неизбежно при описании истории присоединения любой колонизуемой территории: кроме того, имевшийся у Миллера архаичный материал давал обильную пищу для подобных суждений. Архивные документы XVIII в. содержали большую долю преувеличений о характере столкновений между русскими отрядами и коренными народами Сибири⁹⁵. Следует также учесть, что современники Миллера были свидетелями, а порой участниками ожесточенных сражений, которые вела Россия за западные и южные земли, и это не могло не отразиться на формировании их общественно-политических взглядов. Не было бы ошибкой считать, что историк видел только это. В его работе можно найти немало примеров добровольного принижения ясака местными народами, мирного вступления в подданство России (например, рассказ о Томске), он пишет о военных походах русских, связанных с защитой местного русского населения от набегов кочевников. Для Миллера была совершенно ясна разорительность войны, невозможность "как русским, так и татарам... грабежей, сожжения деревень, убийства и пленения многих людей"⁹⁶. Но обошел молчанием он и факты массовой коренных народов Сибири против русской власти, но в целом историк был "того мнения, что эти народы не испытывали ни малейшего недостатка в верности России, чему во многом могло способствовать то, что они постоянно служат смешанно с русскими командами и не имеют других предводителей, кроме русских"⁹⁷.

Можно сказать, что военно-экономная функция русских городов Сибири у Миллера получила достаточно объективную по тем временам характеристику. Для сравнения заметим, что и революционный демократ А. Н. Радищев не избежал употребления термина "завоевание", говоря об "успокоении и удержании в подданстве" местных народов, об "активности прибытка в россиянах", которой ничто не могло противиться, и т. д.⁹⁸

Воинная функция сибирских городов в представлении Миллера была первоначальной, но не единственной. Чем более возрастала надежда на дальнейшее завоевание в Сибири, тем более становилось необходимым задаться вопросом о новых условиях русскими...", а "для этого необходимо было на том обширном пространстве, которое представляла известная уже тогда часть Сибири, строить новые города, снабжать их достаточным гарнизоном и заботиться о том, чтобы население было обеспечено необходимым количеством продовольствия"⁹⁹. В связи с этим историк коснулся и аграрных функций сибирских городов. Он обстоятельно описывает местоположение городов и состояние плодородия почв: "...удобная для земледелия и скотоводства земля является важнейшим преимуществом, которым природа наделила места около Красноярца..."¹⁰⁰ Рассказ о завоевании паннин в городах он считает "важнейшим условием обительности"¹⁰¹. По его мнению, первые поселенцы снабжались "полотной землей по их потребности", они "селились при реках и речках, возле, где только встречался небольшой клочок земли, пригодный для обработки"¹⁰². Вопросы о сельской округе города обязательно входили в состав "променорий" Миллера, которые он рассказывал по сибирским канцеляриям. Сведения об аграрном заселении нужны были Миллеру не сами по себе, и в самой тесной связи с другими сферами социальной и хозяйственной жизни Сибири. Это хорошо видно по анкете 1741 г., посланная в Краснослободскую острог¹⁰³. Всего в анкете 18 вопросов, причем прямо к истории крестьянской колонизации относятся три: какие есть слободы в округе, когда основаны, местоположение и

расстояния, кинте в них взаимосвязно заставил; какие есть села и деревни дистрикта, их местоположение, число населения, расстояния между ними; пути сообщения и расстояния между поселениями на них. Подобная структура вопросов сформулирована в диктате историка в Якутский дистрикт и Исканую провинцию¹⁰⁴. Большие вопросы, относящиеся к истории и современности населения пункта как такового. Ученого интересовали обязательские строения, укрепления, церкви, количество населения и его сословный состав, торговля, пожары и т. д. Конечно, эти вопросы привлекали внимание еще Главного магистрата в иркутское время. Однако в научном плане, в плане современной теории урбанистики Мидлер начал не только методический подход к проблеме, при котором разные формы поселений рассматриваются в диалектическом единстве, как "единая система расселения"¹⁰⁵. Немаловажно по этому поводу заслуг В. Н. Татищева в деле аннаксирования и разработки подобной методикой, следует отметить принципиальную новизну подхода Мидлера. На примере описания Верхне-Амурского острова и его уездов, составленного по диктату Татищева¹⁰⁶, видно, что вопросы систем населения пунктов им не ставились.

Современные исследователи обращают внимание на истинно системный по истории крестьянской колонизации Сибири первой половины XVIII в., которые содержатся в материалах Мидлера, и прежде всего в его описаниях уездов¹⁰⁷. Не имея аграрной колонизации Сибири XVIII в. в целом из его основных источников — "Список городов архивов" — представлена далеко не полно. На основе анализа "Описей городских архивов" Г. Ф. Мидлера, подготовленных к печати группой чл.-кор. АН СССР Н. Н. Покровского, с привлечением конкретных документов из списков городских архивов, выявляется тематическая направленность содержащихся в этих описях документов. Конечно, каждый документ по своей информативной насыщенности во многом различен, тем не менее можно попытаться представить общую картину тематики архивных дел.

Согласно расчетам, больше всего документов по истории крестьянской колонизации и построения свободных острогов содержалось в списках Верхотурского архива¹⁰⁸. По отдельным архивным собраниям Мидлера подобные документы носят случайный характер, хотя и здесь можно отметить ряд бесценных документов. Это росписи свобод, сел и деревень того или иного уезда с указанием времени их закладки, острожного и обязательского строения, количества населения и света, размеры пашни и урожая. Современными исследователями отмечено, что "по документам, собранным Г. Ф. Мидлером, можно воссоздать картину социально-экономического развития Зауралья и Сибири в целом в 30—40-х годах XVII века"¹⁰⁹. Думается, что изучение документов именно Верхотурского архива позволило историка выделить как бы два этапа в истории сибирского города. Показом времени Киприева, Мидлер написал: "Это было первое время, когда начали заселять Сибирь новыми сибиряками и стали обращать особенное внимание на земледелие, тогда как ранее при построении сибирских городов и острогов ставили задачей, главным образом, покрытие таможенных сборов и сбор ясака"¹¹⁰.

Гораздо больше внимания Мидлер уделял торговой функции городов Сибири, — факты и замечания на сей счет присутствуют во многих частях "Истории Сибири" как характерная черта исторической жизни. Это во многом определялось самой источниковой базой, более представительной, чем на других регионах. Особенно ценный материал в этом плане давали списки Верхотурского и Туринского архивов. Так, из всех дел, касающихся торговли, в первой части списков Верхотурского архива 11 документов относились собственно к истории таможенной политики, статей и размерам таможенного сбора, три документа касались порядка торговли на Гостинном дворе, два документа содержали информацию о "запрещенных путях". Подобное соотношение документов наблюдается во второй части списков Верхотурского архива. Каких-либо документов, в которых бы содержались сведения данные о размерах торгового оборота, о количестве торговцев и их сосло-

ним составе, о ценах и ассортименте товаров, в "Списках Верхотурской армян", как, впрочем, и во других списках, не было. По большей части эти документы были представлены грамотами, а не отчетной документацией. По ним историк мог судить о том, как должно было быть, но мог не знать, как на самом деле было. Поэтому важное значение для него имели отчеты сибирских канцелярий на анкету.

Представления о торговле сибирских городов у Миллера сложились не сразу. В первой анкете, отправленный историком в Тару, как показывает А. К. Элерт, речь о торговле еще не шла¹¹¹. Постепенно интерес к торговле нарастал, что нашло отражение в вопросах пунктов¹¹²; наиболее заметен он на последнем этапе сибирского путешествия ученого. В анкете 1739—1741 гг. уже обязательно присутствуют пункты, связанные с торговлей. Переход, получив ответы на первую анкету, Миллер шлет вторую. Знакомство с армянами городов, просмотр полученных ответов заставляет историка включить во вторую анкету совершенно определенные вопросы. Так случалось, например, со второй анкетой, посланной в Пермь, куда Миллер узнал из дел Тобольского армян о некой дороге через этот нижнийний пункт, открывавшей сообщение, где она шла и откуда, как видно по ней начиналась, когда и почему ее запретили¹¹³. Особое внимание историк уделял поселению, в котором были ярмарки. Так, в анкете 1741 г., посланной в Ирбитскую слободу, из 14 вопросов шесть прямо относились к торговле и купцам¹¹⁴. Причем в здесь он уже предварительно осведомлен об Ирбитской ярмарке. Так, он спрашивает о времени перевода ярмарки из Киргисской слободы в Ирбитскую¹¹⁵.

Все эти сведения Миллер проверял не только архивными данными, но и личными наблюдениями. При описании Томска, например, он отметил, что "здесь учреждена довольно хорошая торговля, для которой в нижнем городе... построен... большой продолговатый четырехугольный деревянный гостиный двор, в котором имеется 36 лавок. Причиной тому вышеуказанному благоприятное положение города, так как из-

мой путь из восточных районов в Тобольск и в Россию лежит чрез него" и "точно так же часто приходит сюда караваны из Калмыками и Малой Бухари" ¹¹⁶.

Полученные Миллером впечатления и знания легли в основу очерка "Известия о торговле сибирских" ¹¹⁷. Но анализируя фактические данные этого сочинения, поскольку это сделано другими исследователями, например М. М. Громыко ¹¹⁸, обращу внимание на метод изучения экономической истории Миллера, или, как он сам говорил, метод "коммерческой истории". Данный метод включает в себя анализ таких категорий и понятий, как торговые связи города, "способности натурального положения" каждого города, "абсолютство и недостаток в людях и товарах", оборудованность торгового места, наличие ярмарок, а также развитие путей сообщения ¹¹⁹. Нетрудно заметить, что именно такая постановка вопросов и претворилась затем в анкетах 1760-х гг. и топографических описаниях. Прежде всего Миллер отмечает, что для успеха торговли большое значение имеют не только численность населения, но и административный статус поселения. Именно эти факторы берутся "за начало" в описании торгов Тобольска и Иркутска. Оборудованность торгового места, наличие гостиниц, лавок, таможни отмечается при описании Верхотурска и Ирбита. Сильное влияние на развитие торговли оказывают транспортные пути. Именно этот фактор определял торговлю Китайского острова, Нерчинска, Кузнецка и Красноярска. Довольительно развитие торговли получает, если она соединяется с "руководством", как это случилось в Иркутске. Существенную роль оказывает и само географическое положение торгового места. В одном случае это трактуется как выгодное "срединное" положение. Так, "Енисейск есть провинциальный ирбатный город, якобы центр, или самая середина Сибири", куда в последнее время направляется "наибольшее купечество" из всех других городов менять свои товары ¹²⁰. В другом случае купечество притягивается в город из-за "пространности" его уезда, что обеспечивает купцам полный сбыт товаров. Об этом факторе историк упоминает и в "Кратком изве-

ствия с начале XIX в. и о происхождении российского населения...»¹²¹.

Говоря о ярмарочной торговле, историк упоминает на необходимость развития сети небольших местных ярмарок и торговых, которые "были бы полезны и купечеству, и местным жителям, и государству"¹²².

Теоретически историком были понятии и такие факторы городского образования, как занятость населения, развитие ремесла и промыслов, что оказывало непосредственное влияние на работу "Известия о городе Нижнем Новгороде"¹²³. О знакомстве Миллера с методами "коммерческой истории" говорит и его отзыв об А. Л. Шлецере, написанный в 1764 г.; причем историк отдает себе отчет, что на Западе "было бы к тому употребительным способом имен"¹²⁴. Краткие характеристики, которые дал Миллер в "Известиях о торговых сибирских", делал имен в основу последующих классификаций городов по их торговому значению. Так, например, Миллер назвал Тобольск в описании торговли "запасным", Х. А. Чеботарев в "Географическом методическом описании Российской империи..." (М., 1776) именует его "богатым купеческим". Иркутек у Миллера "первостепенный", у Чеботарева — "премудрый"; Томск — соответственно "купеческий" и "изрядный"; Туринск, Пелым — "исправный" и "небольшой"; Верхотуринск и Солонгичск — "не сильные" и "небольшой", "второстепенный" города. При этом торговле у Миллера связывается не обязательно только с купечеством. Как он отметил во время своего путешествия к Троице-Сергиеву монастырю, "значные селы посадской, под которым название какого-нибудь города, отправляющие торговлю, разумеются, не есть общес" и "всего бывали посадские и не в городе живущие"¹²⁵. Можно думать, что под понятиями "посадские", "мещане" Миллер понимал знакомое по Германии "бюргерство" — именно этот термин употребляется им, когда он говорит о посадском населении Енисейска и Красноярска в своих описаниях этих городов¹²⁶. В свете этого, думаю, правильно заметить Л. П. Вайковцу перекосившийся взгляд на Миллера

как идеолога дворянско-официального направления¹²⁷. Представленная историком о торговле городов Сибири не останавливалась на рассмотренной специальной работе о торгах сибирских, и продолжала развиваться и воплотилась в сибирских статьях словаря Ф. Полужкина (М., 1773).

В "Истории Сибири" Миллера можно найти и верные сведения о развитии ремесла и промыслов в сибирских городах. Современные исследователи справедливо утверждают, что историк был одним из первых, кто "отметил изобилие местной кожаной и мыловаренной промышленности, солодобичи, кустарного железодобывательного производства и других ремесел"¹²⁸. Все это прежде всего касалось сибирского города XVIII в., городе сложное обставило дело с изучением города XVII в. Прежде всего документов о развитии ремесла и промышленности в Сибири в XVII в. у Миллера было еще меньше, чем во истории торговли. Формально такие материалы, как это видно из анализа, в списках торговых архивов были, но их содержание в большинстве случаев однообразно. Так, из 33 документов в третьей части "Списков Верхотурской архивы" согласно описи 15 дел относились к консам и выплавке железной и серебряной руды, 4 дела касались добычи камня и серы, 12 содержали сведения о рабочей силе железодобывательных заводов¹²⁹. В третьей части "Списков Туринской архивы" относились к добыче руды и рабочей силе на заводах 9 документов, о винокурении — 4, о добыче соли — 2, о рыбном промысле — 2, о строгании мельниц — 1, о комбинированном и суммарном деле — 6¹³⁰. Во второй части "Списков Томской архивы" все 26 документов были связаны с историей добычи железной и серебряной руды¹³¹. При этом в подавляющем своем большинстве данные документы относились к самому концу XVII — началу XVIII в.; как и в случае с торговлей, они были в основном директивного характера. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в своих описаниях Кузнецка, Томска, Енисейска, Верхотурска, Туринска Миллер ни разу не отмечает развитие ремесла, не указывает даже члена кузниц, хотя тщательно фиксирует количество казен-

ного и обжитого странника, лавок и амбаров. Вопрос о ремесле и промышленности не ставится Миллером даже в его "промотории" 1734—1742 гг. И это приближение подтверждается исследованиями А. Х. Элерта об анкетах историка¹³². Единственные прелюдии, которые заслужили внимание историка в анкетах и описаниях, — это добыча, производство соли и вина, торговля ими. В какой-то мере этот пробел восполняется отрывками сибирских канцелярий на митра об окладных и неокладных денежных доходах¹³³. Более зрело и оформленно интерес к ремеслу проступает в анкетах Миллера уже в 1761 г., когда ставятся вопросы о промыслах обывателей, о ремеслах, "кими занимается народ и в чем достаток", о заводах и фабриках, о количестве и устройстве мельниц и плотин, о солеварнях¹³⁴.

Поэтому для понимания творческого метода ученого особенно важны те немногочисленные сведения, которые он привел по истории XVIII в. о заводении в конце XVI в. первых мельниц, о присылке плотников на судостроение на Верхотурье, о развитии козачьего промысла в Тюмени, о промысле в Тобольске мельника и мастеров коронного дела, об устройстве солеварен в Пелыме и в Верхотурском уезде, о добыче соли в Тарском уезде, о развитии рыбного промысла в Томске, о добыче и выплавке железа в окрестностях Итатского. Конечно, эти сведения скудны, но напомним, что почти вся историография XVIII в. обходила эти вопросы стороной. И даже историография XIX в., в лице П. А. Слюшова мало что сообщила об этом. Лишь П. Н. Буцаевский впервые привел какие-то сведения данные о численности населения Сибири и его хозяйственных занятиях в первой половине XVIII в.

Гораздо больше сведений содержится в "Истории Сибири" о градостроительстве. Здесь Миллер рисовал большой и разнообразный источниковый базис. Следует остановиться на одном моменте, который в свое время вызвал критические и не совсем справедливые замечания М. В. Ломоносова. Речь идет о том, что Миллер рассматривал строительство церквей

так одно из средств "украшить и укрепить" город. Ломоносов же посчитал это непонятным мнением Миллера основ русской жизни и места церкви в ней¹³⁵. Думаюется, что Миллеру как верующему человеку был глубоко понятен смысл строительства церкви или костела. В замечании Ломоносова больше складались идеологические моменты, нежели научные. Несомненно, для Миллера городской пейзаж — это одна из эстетических категорий истории. Недаром, описывая местонахождение тех или иных городов, он обязательно указывал на "живописность" природных условий. Кроме того, само путешествие по Сибири, как об этом можно судить по траверсам сибирских городов¹³⁶, даст немало наблюдений, чтобы сделать вывод об организующей роли церковных и крепостных зданий в общей панораме города. Церковные здания действительно "украшали" город. Но они же и "укрепляли" его. Миллер был свидетелем таких крепостных укреплений, где церкви врубались в стены городов как дополнительные башни и колыбели, усиливавшие, как традиционно считали военачальники деревянного замка, оборону. Более того, для историка сам факт наличия церковного здания есть признак городского образа жизни. В "Истории о городе Переславле-Земском..." есть любопытная фраза о том, что ни город без церкви, "ни церковь без города не может быть построена"¹³⁷. Такие представления были характерны для мыслителей XVIII в. С. С. Минзаров приводит жалобу жителей небольшого городка Сланкина, которые доказывали свою принадлежность к городским тем, что "означенный г. Сланкин назывался... по городскому обряду имел соборную и приходские церкви..."¹³⁸.

Говоря о Миллере как городине, следует остановиться на одном важном вопросе: был ли у историка какой-то особенный специфический метод исследования именно города. С. С. Минзаров, много содействовавший для изучения истории русской урбанистики XVIII в., считает, что в творческом наследии великого ученого "очень важен... его метод исследования городов, который, безусловно, оказал большое воздействие на

исследующих историю русского города¹³⁹. При этом, что данное заявление несомненно исторично. Как мы уже писали ранее, Мидлер создал первую научно обоснованную в историко-научном плане схему возникновения и развития городов и острогов Сибири XVIII в., разработал первые элементы методики изучения сибирского города, но говорить о каком-то особом "методе" Мидлера, характерном для разработки историко-научной проблематики, представляется неверным¹⁴⁰. Впоследствии, Мидлер заложил основы научного изучения истории города, но до метода как такового было еще далеко.

Нельзя, однако, согласиться с А. Л. Шенером, отказывающим Мидлеру в хорошей историко-филологической подготовке, в знакомстве с европейской исторической литературой и в знании передовых методов современной ему науки¹⁴¹. Для XVIII в. был характерен метод так называемого "длинного синтеза", к которому широко прибегали французские просветители и который достаточно "длинно" использовал Мидлер. Но "этот вечный разум, — писал Ф. Энгельс, — был в действительности лишь извращенным рассудком среднего бюриты, как раз в то время развивающегося в буржуа"¹⁴². Через это прошло и русская наука, и вся общественная жизнь, ибо "рассудочность — важнейшее свойство всех прекапиталистических эпох"¹⁴³. И в этом плане С. В. Бахрушин справедливо подчеркивал "буржуазность интереса" Мидлера¹⁴⁴.

Думается, что выдвинуть специфическое системное начало сибирского городоведения как научного направления и думать общей истории изучения прошлого Сибири — это не только пойти наперекор его общей информационной роли для развития русской науки, но и определить его специфическое фактологическое, теоретическое и методологическое содержание¹⁴⁵. А в русской науке XVIII в. город ни в научном, ни в историческом аспектах не выделялся и не изучался на таком уровне, как русская деревня. Дифференциация русской науки в этом плане была вперед.

Но тем не менее нет, по-моему, достаточных оснований утверждать, как это сделала недавно А. Б. Каменский, что именно с работ Мидлера по истории городов Поволжья "можно с уверенностью говорить о появлении, выделении и обособлении проблемы изучения провинциального города в отечественной историографии"¹⁴⁶. Рискуя быть обвиненным в провинциальном патристизме, все же замечу, что сибирский город XVIII в. начал изучаться Мидлером намного раньше, чем города Поволжья. Правильнее же будет не противопоставлять изучение сибирских и поволжских русских городов, а говорить о разных по времени направлениях и развитии исторической урбанистики России XVIII в., которые, каждое по-своему, формировали научную проблему русского историко-научного города.

ГЛАВА II

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ ГОРОДОВ И ОСТРГОВ СИБИРИ

1. ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ И АНКЕТОВАНИЕ XVII в.

Исследователи, обращавшиеся к топографическим описаниям, неизменно отмечали связь анкет 1780-х гг. с предшествующими, в том числе с анкетами Главного Магистрата 1721 г. Специально же этот вопрос был поставлен только в работе С. С. Минерова в 1978 г. Остановилось на взаимосвязи анкет 1760-х и 1780-х гг. (см. приложение) с точки зрения того, что делает описание анкеты именно топографическим.

Первое отличие, которое сразу же бросается в глаза, заключается в том, что все первые пять вопросов анкет

1780-х гг. посвящены топографии и географии города. Это научная, проблемная постановка вопроса, ибо "география поселений" городов "была по существу первой проблемой", которая стала перед наукой XVIII в.² При этом самый первый вопрос касался сведений о длине и широте местонахождения города. Это требование, а также требование об определении пространства и площади города совершенно новы. Их в анкетах 1760-х гг. и не могло быть, ибо они были поставлены лишь в связи с Городской реформой Екатерины II³. Вопросы 2 и 3 из топографической анкеты близки повторают подобные пункты из аналитической анкеты 1760-х гг. — 18 и 3. Бананы по содержанию и вопрос 4 из анкеты 1780-х гг. и вопрос 29 из вопросника 1760-х гг., хотя последний носит более общий характер. При этом если в ответах на анкету 1760-х гг. указывалось расстояние не только до ближайших городов, но и до Москвы и Санкт-Петербурга, то в описании Тобольского наместничества, до наместниенного самого Тобольска, — только до ближайших городов наместничества. Однако в топографическом описании Иркутского наместничества 1792 г. опять принимается расстояние до соседних городов. В целом в плане постановки научной проблемы это уравнивание, ведь "география городов занимается объяснением размещения и взаимосвязей, существующих, с одной стороны, внутри самих городов и, с другой стороны, между городами в том историческом пространстве, которое они обслуживают"⁴. В практическом плане, как считает О. Н. Вилласа, они могли быть использованы при расчете расстояний на перевозку грузов между городами.

Однако если указать на расстояния между сибирскими городами и могли быть как-то практически использованы, то вряд ли можно было ждать адекватности сибирского купца, который бы в обмен городам с Москвой и Петербургом позволил приведение в топографическом описании данных. Скорее они служили для удовлетворения чувства местного патриотизма. Но в целом можно согласиться с С. С. Иванцовым в том, что составители топографических анкет 1780-х гг.

"пришли к мысли о необходимости изучения города как целого с особой пространственной структурой"⁵. К этой части анкеты примыкает и вопрос 6, совершенно отсутствующий в анкете 1760-х гг. — на какие части делится город. Из ответов на этот вопрос видно, что прежде деление городской территории на город-крепость с местопребыванием администрации и посад, где размещалась основная жилая застройка, уже почти забылось. В большинстве ответов указывается, что город делится на какие-то части в силу своего ландшафта (Тобольск, Тара, Томск, Енисейск, Иркутск, Першицк, Баргузинск), или же по бытующим историческим названиям площадей (Тюмень, Турниск), или же по характеру планировки (Курган, Ишим), и только в двух случаях (Нарым и Омск) упоминается старое деление города. Происходит своего рода "обмирщение" объяснения соотношения горожан, направленно на формирование новой системы оценки иррегулярности городских центров, что позволяет городу "успешно выполнять свои экономические функции при переходе к капитализму"⁶.

Затем в топографической анкете логично следуют вопросы об историческом прошлом города. Таких вопросов три, причем в такой прямой форме — когда был основан? — они не ставились в анкетах 1760-х гг. Другая примечательная деталь составителя анкет представляют корреспондентов по prostu на ответ, а не использование каких-то источников, на достоверность ответа — "если можно справиться о его начале..."⁷. Спрашивалось также, "каким людям спешивалась был заселен". В сочетании с последующим вопросом о одновременном составе горожан это давало возможность судить о динамике населения, позволяло говорить об определенной системности исторических установок русской урбанистики XVIII в.

Существенные изменения произошли и в историке описания внешнего вида и строения города. Первый момент: анкета 1780-х гг. вела новое понятие — "дополнительные здания", подразделение под тем самым различием построек и строения. Анкета 1760-х гг. вообще не знала такого поня-

тая — ее интересовали лишь каменные здания как таковые. В этом плане топографическая анкета как бы продолжала традиции петровской "Книстаксмы", но уже исследовалась не столько "курсыми", сколько именно достопримечательности. Так развивалась памятнико-мемориальное направление в урбанистике. Второй нижний момент анкет топографическая прямо требовала сообщить, "сколько обывательских домов" в городе, а то время как предшествующая этого строга, в формулировке вопроса, не требовала. Методологическое значение постановки данного вопроса, на мой взгляд, заключается в том, что ни прострочно селитвенной территории, ни даже количество населения, проживающего на нем, сами по себе еще не являются критериями чертания, определяющими константу города как "материально-демографического центра. Эти категории "работают" только тогда, когда они сопровождаются данными о числе строений. Недаром еще в начале XX в. В. П. Семенов-Тянь-Манский остался на то, что "у нас до сих пор попадают на многолюдные пункты, не имеющие почти ни одной городской постройки", хотя в "Записках Европы" эти "здешние поселения" выступают почти "как самостоятельный признак" города⁸. И даже сам вопрос о числе городского населения различается в двух анкетах. Если анкета 1780-х гг. требовала данных о числе жителей вообще, то анкета 1760-х гг. интересовалась лишь отдельными категориями жителей, например купцами. В ряде ответов на анкету 1760-х гг. мы и не найдем таких общих данных. В отведенной мере подобная постановка вопроса в топографической анкете есть отражение Городской реформы Екатерины II, которая, по-своему уравнивая всех горожан, признала, что "настоящие городские обыватели суть те, кои в том городе дом, или иное строение, или место, или землю имеют"⁹.

Четыре последних вопроса анкеты 1780-х гг. затрагивали сведения о состоянии городской экономики. Нельзя сказать, что подобные вопросы не было в анкете 1760-х гг.; они были, но формулировались достаточно общо и не так глубоко касались собственно городской экономики. Анкета топографи-

ческая интересуется не просто ярмарками и торговлей, но и "на какую по примеру суму", "в котором больше" ремесле "занимаются или превосходят" и куда сбывают свой товар. Крайне важно и то, что вопрос о сельскохозяйственной пригодности городских земель, фигурирующий в прежних анкетах¹⁰, в топографической анкетой и вместо него ставится вопрос 16 — о единоблудности городов экономии, позволяющий судить о степени отделения города от деревни, о степени тождества аграрного сектора экономики города. Именно наличие этого вопроса, как показал П. Г. Рындинский, позволяет говорить о теоретическом осмыслении основного вопроса урбанистики¹¹.

Обобщая сказанное, можно выделить некоторые основные формальные и содержательные моменты, которые отличают топографические анкеты и связанные с ними описания 1780-х гг. как самостоятельную группу историко-географических сочинений, по классификации В. М. Кабузана¹². Прежде всего уже в постановке вопроса, а их формулировке присутствуют четкие отделение города от уезда, деревни. Мечутся и структура вопроса, и их порядок следования. Исчезают дробность и разноты формулировок, они становятся более точными и глубокими, появляются и совершенно новые. Видение географических вопросов и начало анкет говорит о более глубоком понимании проблемы районирования страны¹³; город воспринимается прежде всего как пространственно-качественный объект. Углубляется содержание вопросов, связанных со статистикой и экономикой, — они уже охватывают весь город и все городское население как одно целое. И здесь важно не просто расширение вопросов о торговле, важен момент на то, "откуда получают нужная для пропитания и для жилья вещи...". Более конкретными, определенными и историко-научными обоснованными становятся вопросы по истории города.

Говоря об анализе топографических описаний, автор предупреждает своих читателей о том, что его анализ имеет один существенный недостаток: мы имеем дело с готовыми

Состав и порядок формуляр топографических описаний Тобольского наместничества

№	Порядок 1785 г.	Список 1785 г.	Список 1790 г.
1	Тобольск	Тобольск	Тобольск
2	Тара	Тара	Тара
3	Омск	Ишим	Омск
4	Ишим	Якутскийск	Ишим
5	Курган	Курган	Курган
6	Якутскийск		
7	Томск	Томск	Томск
8	Туринск	Туринск	Туринск
9	Березов	Сургут	Березов
10	Сургут	Тюмень	Сургут
11	Тюмень	Ачинск	Тюмень
12	Ачинск	Катанск	Катанск
13	Катанск		Нарым
14	Туринский		Ачинск
15	Нарым		Енисейск
16	Катанск		Туринский
17	Пелым		Пелым
18	Обдорск		Обдорск
19	Самаровский сл.		Абалак
20	Домовская сл.		
21	Абалак		
22	Таромский остров		
23	Чулымский остров		

(в той или иной степени) топографическими сочинениями и не можем проверить их первичной документацией, т. е. самими отставками уездных канцелярий на эту тему, в отличие, например, от корпуса географических описаний 1760—1761 гг. Но это недостаток не только мой, но и моих предшественников, ибо еще ни один исследователь не мог полагаться тем, что нашел подобные материалы.

3. ОПИСАНИЕ ТОБОЛЬСКОГО НАМЕСТИНИЧЕСТВА

Схема работ по топографическому описанию Тобольского наместничества, наложенная составителем данной публикации А. Д. Колесниковым¹⁴, берет за начало список 1785 г. из архива ГО СССР, а в качестве заключительного этапа — список 1790 г. из ЦГВИА. Основной порок данной схемы, на мой взгляд, заключается в том, что она не учитывает комплекса историко-географических работ, имеющих отношение к топографическому описанию.

Прежде всего необходимо сопоставить между собой все три топографических описания — работу И. Ф. Германа, список 1785 г. и список 1790 г. (табл. 1). Даже при самом сопоставлении состав известий возникает ряд вопросов. Если работа Германа основывается на списке ГО, как считал А. И. Андросов¹⁵, то почему тогда в списке 1785 г. отсутствуют описания тех порогов, которые перечислены у Германа? Вместе с тем обращает на себя внимание, что описанные у Германа порога присутствуют и в списке 1790 г., даже порядком по списку 1790 г., а не 1785 г. Причем как в том, так и в другом случае присутствуют описания Обдорска, Пелыма и Абалака, которых нет в списке 1785 г. Сочинение И. Ф. Германа, как известно, появилось в результате его поездки в 1784—1785 гг. по Уральским и Сибирским горным округам¹⁶. Представляется, что за столь короткий срок — июльские 1784—1785 гг. — Герман не успел бы, помимо своей прямой

службы, познакомиться с текстом топографического описания 1785 г., частично, но весьма глубоко переделать его, дополнить новыми описаниями из каких-то своих источников, причем не только порогов, но и возвышенных острогов и слобод, отослать в Академию наук и в 1786 г. напечатать свою работу. Конечно, этот вопрос требует специального исследования, но можно высказать гипотезу, которая снимает ряд противоречий и несоответствий: Герман был знаком не с текстом, который сейчас хранится в архиве ГО СССР, а с каким-то другим, более обширным и законченным текстом, который за-

нимает как бы промежуточное положение между рукописями 1783 и 1790 гг.

Конечно, ответы на вопросы по экономике и статистике городов могут существенно меняться в этих трех районных списках произведений. Поэтому обратимся к тем аспектам и ответам, которые не должны меняться, — к истории датных городов, и прежде всего к датам основания их. Как видно из табл. 2, наиболее полно датированы списки городов в сочинении И. Ф. Германа, наименее полно — список 1785 г., и работа 1790 г. занимает как бы промежуточное положение. Авторы текста 1785 г. знают точно лишь даты основания Тары, Томска, Туринска, Тюмени и Ялуторовска; приблизительно, по рассказам старожилов, определяют возраст Ачинска, Ишима, Кургана, Каниска; летописи используются только в случае Тюмени и документы — в случае Туринска.

Таблица 2
Даты основания сибирских городов

Город	Маллер, 1782 г.	Ротшильд, 1785 г.	Список, 1790 г.	Список, 1790 г.
Тобольск	1587	1587	—	1591 г.
Тара	1594	1594	1594	1594
Ишим	—	—	1684/85	1676
Ялуторовск	—	—	1660	1660
Тюмень	1585	1585	1585	—
Туринск	1600	1600	1600	1600
Верхояск	1593	1593	—	1593
Сургут	1593	1593	—	—
Томск	1604	1604	1604	1604
Нарын	1596	1596	—	1591—1594
Ачинск	1641	1622	—	—
Енисейск	1619	1618	—	1619
Тургуанск	1607	1672	—	1640/45
Исшим	1593	1593	—	—
Уланск	1600	1601	—	—
Каниск	—	1722	—	ок. 1728

Существенно отличается от этого система датировок И. Ф. Германа. Он привел датировки, которых не было в списке 1785 г. (Тобольск, Сургут, Нарын, Ачинск, Каниск), однако не обратил внимания на те примерные указания, со слов старожилов, которые имелись в тексте 1785 г. Так, в описании Ишима было указано "примерно сто лет", о чем Герман даже не упомянул; по Ялуторовску приводился уже точный дата — 1660 г., но и ее Герман «не заметил». Примечательно также, что по Енисейску и Тургуанску датировки основания городов разошлись и со списком 1790 г.

Поэтому, думается, можно уточнить предположение А. И. Андросова, о котором говорилось выше. Скорее всего, Герман пользовался не тем списком 1785 г., который мы сейчас знаем по архиву ГО СССР, а каким-то другим текстом топографического описания, который до нас не дошел или нам пока неизвестен. Сказком такого топографического описания, видимо, следует считать описание Ялуторовска 1783 г., найденное А. А. Кондрашенковым¹⁷, в котором, кстати сказать, также не содержится даже приблизительной датировки основания города.

Нельзя также отрицать, что описание Германа носит на себе заметный оптический знакомства с работами Маллера. Лишь в трех случаях его датировки расходятся с датировками Маллера. В первом случае это касается Ачинска, основание которого Герман отнес к 1682 г. Эта же дата приводилась и в работах Маллера, но там она означала не вообще первое основание острога, а лишь построение на том месте, где стоял город в XVIII в. Герман стал первым в ряду историкографов XVIII в., кто назвал 1682 г. датой основания Ачинска. Датировки Енисейска — 1618 г., которую привел Герман, берет свое начало от анкет 1760-х гг., а в литературе — от словаря Ф. Полункина. Датировка же Мангазеты — 1601 г. — берет свое начало уже не от Г. Ф. Маллера, а от И. Е. Фишера. Таким образом, схема датировочных решений И. Ф. Германа — более сложное явление, чем просто повторение датных списки 1785 г.; несомненно знакомство автора не только с рукописи-

ными материалами, но и с современной ему исторической литературой.

Непростая преемственность наблюдается и в отношении списков 1785 и 1790 гг. В представлении А. Д. Колосниковой она выстает несколько механической, как простое расширение суммарных знаний. Говоря об этапе работы с 1785 по 1790 г., составитель отмечает, что "историческое научение края продолжалось, накапливались новые сведения, приносились более обширные и точные данные об основании городов"¹⁸. Конечно, данные такого плана есть, но другие сведения все же говорят о том, что список 1790 г. — это не просто повторение и дополнение текста 1785 г. Механизм преемственности исторических знаний — достаточно сложный процесс¹⁹. В нашем случае наиболее ярко, на мой взгляд, это проявляется в отношении Тобольска и Тюмени. Авторы списка 1785 г. ограничивались очень скудными сведениями по древнейшей истории Тобольска: сведений о дате основания в архивах не сохранилось, не известно даже, когда был пожалован городу герб²⁰. Авторы описания 1790 г. проделали большую работу и хотя тоже не имели документальных данных по истории основания города, но указали, что Тобольск "построен по повелению Сибиря от хана Кучума от заведенном им в 16-м веке..."²¹. Источник этого знания не летописи, и большинство которых указаны точная, хотя и не всегда верная дата²², а тем более не литература XVIII в., где этот вопрос был решен. Видно, через наши источники устойчивого «преемления», старинные предания. Более того, требовалось дать ответ на вопрос 8 — "скажемо ли сравнати о сего начале: кем, когда и на каков случай построен и какими людьми первоначально был заселен". И, отвечая на последнюю его часть, авторы описания привели сведения о поставлении в 1621 г. арзамейского престолу: "и в 1713-м жили в Тобольске пленными полтавскими шведами и в силу Нейштадтского мирного договора возвращены в свое отечество"²³. Подобные сюжеты приведены и в словаре Ф. Полупанина, где сказано, что "шведские офицеры, бывшие здесь в плену, зашли в Тобольске в 1713-м году школу" и "сие так и

продолжалось, пока шведам в силу Нейштадтского мирного договора в свое отечество возвратиться позволение получено"²⁴. Как видно из публикации А. Х. Эверта, близкие к подобным сюжетам не восходят к Мюллеру, который пользовался данными Тобольской канцелярии²⁵.

Однако если по Тобольску мы можем говорить о осмысленном историческом знании, то в отношении Тюмени произошло обратное движение. Авторы описания 1785 г. указали, что по старой летописи, хранящейся в новгородской канцелярии, город поставлен в 1586 г. Но авторы текста 1790 г. эту летопись в свой ответ 1785 г. уже не явили: "Как город, когда и на каков случай построен и какими людьми с первоначалом был заселен, по делам бывшей новгородской канцелярии истории не известно"²⁶.

Наиболее полно источниковая база датировок представлена в списке 1790 г. Первый вид источников, на которые опирались авторы конкретных описаний, — это опубликованные и неопубликованные историко-географические работы XVIII в. Указания на такую "Сибирскую историю" присутствуют при описании начала Березова и Тары, причем в обоих случаях тексты очень близки друг к другу: о Таре — "как значит по сибирской истории", о Березове — "как по сибирской истории значит..."²⁷. А. П. Окладников в "Предисловии" к "Описанию Тобольского наместничества" утверждал, что "книжечный землемер В. Фидельмов составил на "Сибирскую историю" Ремезова"²⁸. Однако в текстах описания Тары, Ишима, Березова нет прямых указаний на фамилию Ремезова, более того, в самой Ремезовской летописи не содержится точной даты основания ни Тары, ни Березова²⁹. Возникает предположение, что под "сибирской историей" можно понимать публикации Г. Ф. Миллера под таким названием в "Ежемесячных сочинениях..." 1763 г. и произведение И. Е. Фишера 1774 г. Исходя из того, что в списке 1790 г. дана дата основания Енисейска в сравнении со списком 1785 г. июля — 1619 г., что соответствует датировкам указанных авторов, можно принять, что такое предположение скорее все-

го верно, тем более что известно о поединках академических изданий и сибирские города³⁰. Более того, сибирское образованное общество того времени, как показал Г. Ф. Вилкина, хорошо знало работы Миллера. Так, тобольский дворянин И. Я. Пелимский, потомок сибирских князей, в 1752 г. обратился в Сибирский приказ с просьбой вернуть его роду жалованную грамоту на княжение, оспаривая при этом на слуху 4 "Сибирской истории" Миллера³¹. Хочется обратить внимание на некоторую "категоричность" суждения в списке 1790 г. — "город Березов построен, как по сибирской истории значит, в 1593 году"³², которое контрастно отличается от ответа Березовской канцелярии на анкету 1761 г. В этом ответе еще не упоминается "сибирская история", но зато подробно говорится о летописце И. Поленина, по которому и составлялся этот ответ на запрос анкеты Г. Ф. Миллера в 1739 г., а также, в свою очередь, в основу описания 1761 г.³³ Из источников и литературы не известно, чтобы между 1761 и 1790 гг. город Березов, в том числе его канцелярия с архивом, город. Сомнительно также, чтобы канцелярские чиновники не знали своего архива, по крайней мере за 30 лет, тем более что по ряду других сведений между ответами 1761 и 1790 гг. можно провести определенные параллели. Скорее всего, мы имеем дело с сознательным выбором источника, когда предпочтение отдавалось не летописному, а научному известию.

К этому же виду источников относятся в некоем географическом описании, о котором упоминается в ответе на вопрос 8 по Нарыму: "Начало построения произошло, как известно по прежним географическим описаниям, с 1591-го, 1592 и 1594 годов..."³⁴ Можно смело утверждать, что никакого географического описания Нарыма в XVIII в. не издавалось. Неизвестный автор в данном случае ссылается на географическое описание Нарыма по анкете 1761 г.³⁵, которое, в свою очередь, как показал А. Х. Элерт, восходит к анкете Нарымской канцелярии на анкету Миллера 1730-х гг.³⁶

Ко второму виду источников относятся грамоты и указы или же указания на них, которые местные архивисты могли

найти в делах своих канцелярий. Указания на эти источники присутствуют при описании Туринска, Ялуторовска, Туруханска, Омска. Автор считает, что "город Туринск... построен по грамоте из Москвы, кем и архив не отыскан, а вычислен по описи от сотворения мира 7108 года, а от рождения Христова с 1600-го, которому ныне по постройки считается 189 год"³⁷. Описи видно, что данный текст, который включен в описиные 1790 г., на самом деле был написан уже в 1789 г., может быть до 1 сентября. Достаточно четко, даже с приведением текста формуляра грамоты, указан источник по Ялуторовску. Самое обременительное дело с истинноказахским обоснованием даты основания Туруханска. В списке 1790 г. сказано, что "город Туруханск построен в 1153-м году и назывался Мангазей, по указу великого государя царя Алексея Михайловича"³⁸. Совершенно очевидно, что эту дату канцелярские служащие взяли из документа. Но что она означает? Ни в одной из опубликованных работ того времени эта дата не приводилась в качестве основания Мангазеи или Туруханска. Нет такой даты в "Описании города Мангазеи с его уездом", которое появилось в печати почти одновременно с топографическим описанием³⁹. Нет ее также в сочинении И. Ф. Богдановича 1783 г.⁴⁰, которое якобы послужило одним из источников текста 1790 г. Представляется, что датирование начала истории Туруханска 7153 (1644/45) г. произошло следующим образом. Чиновникам Туруханской канцелярии, видимо, в общих чертах было известно, что после пожара 1642 г. Строй Мангазеи стала приходить в упадок и центр хозяйственной и административной жизни постепенно начал перемещаться в Туруханские зимовья. Это мнение было распространено в тогдашней литературе⁴¹. И когда канцелярские служащие нашли в Туруханском архиве грамоту 1644 г., предписывавшую возвести П. Ухтурмову возобновить и отстроить Мангазею после пожара⁴², они данным документом определили начало города Туруханска.

Указания на третий вид источников — летопись и устные предания старожилов — содержится при описании Ачинска,

Ишим и Каниска. Авторы описания 1790 г. сомневаются на рассказы жителей, "поселившиеся назат тому лет с 30-ть", что близко к тексту 1785 г., когда ссылался на документ 1761 г.⁴³ Город Ишим, как и Коркино, судя по списку 1790 г., меньше "около ста двадцати лет" назад, т. е. около 1670 г., когда "на городишке местоположения поселился крестьянин Коркин с товарищами для хлебопашества"⁴⁴. В сравнении со списком 1785 г. произошло некоторое уточнение датировки, ибо в последнем говорилось о возникновении города "сто лет" назад, т. е. около 1674/75 г.⁴⁵ Какое предание более достоверно, решить трудно, ибо ни в дореволюционной, ни в советской историографии вопрос о дате основания Ишима не разработан. Выскажу лишь догадку. Наверное, устное предание в своей основе верно, хотя и не имеет достоверных фактов. Как известно вымысел Н. П. Покровский, в середине XVIII в. в Тюмени довольно многочисленный класс помещиков, показанных по фамилии Коркины, велел энергичную земледельческую предпринимательскую деятельность. Вышли из этой фамилии и служилые люди, и даже сныи боярские. Зафиксировано, что один из них, Ишим, 4 июля 1674 г. (что удивительно совпадает с датировкой списка 1785 г.) был послан в Ишимские волости для списки о калмыцком "празеже" и о "мерах преотращения оного"⁴⁶. Возможно, с деятельностью этой фамилии, как крестьян, так и служилых, связано заведение на месте Ишима первого русского поселения. Устное рассказ, по-видимому, лежит и в основе определения даты основания Каниска, "строение" которого "началось сначала по учреждению Иркутской трактовой дороги назат тому 65 лет для почтавого станцу..."⁴⁷.

Наконец, последний вид источников, использованный авторами описания 1790 г., как действует из ответов по Тюмени, — это донесения.

Таков источниковая база описания 1790 г. Если же оценивать все три системы датировок, предложенные в списках 1785, 1790 гг. и в описании Германа, по отношению к наследию Миллера, то следует признать, что в общем ряду исто-

риграфических списков ближе всех к Миллеру стоял список 1790 г., затем шло описание Германа. И дальше всех в этом ряду был список 1785 г. Эта зависимость подтверждается и методом статистического анализа⁴⁸. При этом можно достаточно уверенно утверждать, что работа Германа автором описания 1790 г. не была занята. Каково же значение литературной схемы, предложенной авторами описания 1790 г.? Сравнение их датировок с наследием Миллера, с имеющейся и опубликованной в то время литературой никакого прогресса не обнаруживает. Но в свете традиций рукописной литературы в сравнении конкретно с описаниями этих городов в ответах на анкеты 1761—1764 гг. явился значительный шаг вперед.

На вопрос 8 топографической анкеты требовалось дать ответ, "чем и на какой случай построен и какими людьми спертациален был населен" город. Именно ответы на этот вопрос позволяют судить об уровне теоретического осмысления проблемы функциональности сибирских городов. Если попытаться классифицировать их, то получится следующая картина: Тобольск основан для борьбы с Кучумом, добычи пушнины и сбора ясака; Тара — также для борьбы с Кучумом и защиты военных от его набегов; Омск — для защиты военных от набегов киргиз-кайсаков; Курган — то же самое; Ишим — для хлебопашества; Тюмень — для защиты от набегов кочевников; Туринск и Каниск — как почтовые станции; Томск — по просьбе князя Топина; только Нарым — для сбора ясака. Среди этих ответов примечательны три — по Тобольску, Таре и Тюмени. По Тобольску ответ звучит так: "для распространения и для изглажения воле кучумовой фамилии и в рассуждении как линия страны изобилны пышными зверями, то для поупреждения извешных сначала заселен людьми служилыми..." По Таре: "построен как для изглажения всех ново покорящихся Российской державе татар... и для удобного собирания с них асака..." По Тюмени ответ еще более "теоретический": "А натурально сдаться, что все Сибирь, занятая из азиатского владения, и для распространения фундаментальни-

то положения в города застривали и сначала около Тюмени к поселению людей больше принуждало населять, ибо от близ живущих около многих поселей принуждало искать сильнейшего заселения, нежели ставились своим в покое могли наслаждаться»²⁷. Отметим также, что термин «завладение», «завладение» применяются только в ответах на вопросы 3 и 9 по этим трем городам: возможно, все три текста пришла одна рука. Но совершенно очевидно, что такие пространные и «теоретизированные» объяснения чиновники XVIII в. взяли не из приказных документов XVII в. Ответы, особенно по Тюмени, больше похожи на вступительные статьи текста Городового положения Екатерины II, где утверждалось, что «с самого первого основания общежития познали все народы пользу и выгоды, от устроения городов происходящие, не только для граждан тех городов, но и для соседних обывателей»²⁸.

Интересно сопоставить представления авторов описания 1790 г. с теми представлениями о видах и функциях сибирских поселений, которые бытовали в российском обществе. Князь М. М. Щербатов в своем «осенковейшем предложении» от 17 сентября 1767 г. «на читанный голос сентября 13-го дня господина асютата города Енисейска Степана Самойлова» так разделял все сибирские поселения по «видам»: «первые поселения были учинены казачками, другие поселения в Сибири были учинены чрез поселенных туда из местисныи российских людей...», «третьего рода поселения от российских купцов, которые перенесли туда для приобретения себе прибыли от торжищ мясной рухляды...» и, наконец, четвертый род поселений был от беглых крестьян из российских стран...»²⁹. Конечно, трудно сравнивать образованного аристократа Щербатова с сибирскими чиновниками, хотя что-то общее в их рассуждениях есть, но важно, что авторами описания 1790 г. была многофункциональность сибирских городов, причем важная функция в их положении не всегда связывается с военной, что представляется, на мой взгляд, определенным достижением урбанистики XVIII в. И здесь можно остановиться на трактовке некоторых понятий. Для авторов

общего описания местечечности «острог» и «пригородок» были, видимо, близкими понятиями, ибо они объединяли их в одну группу поселений — «острогов и пригородков»³⁰. Но в конкретном описании уездов сибирских городов эти понятия все же различаются. Так, в Ялуторовском уезде было «пригородков 1, острогов 2»³¹. В русской географической литературе также различались «пригородок» и «острог». Под первым понималось поселение, которое «по имени сво собию значит, что городок малый», а «острога большого частью в сибирских местах есть... и могут оные гораздо меньше средних сел почитаться поменьше в острогах сное малое жилье быует»³². В самой же Сибири существовали разные толкования понятия «острог»: в Березовском уезде этому термину соответствовал «крепость», в Ишимском и Ялуторовском «острог» и «крепость» существовали как равные понятия, в Енисейском уезде — это «зимовье, называвшееся по-сибирски острогом»³³.

Определенное отношение к истории имел и вопрос 10 — «какие есть в нем достопримечательные здания...». Это не случайно, ибо во второй половине XVIII в. русская архитектурная теория обращает серьезное внимание на памятники истории и культуры, стремится осмыслить русский национальный стиль в свете западно-европейской истории³⁴. По сути дела, этот вопрос имеет прямое отношение к истории возникновения того направления, которое сегодня получило название «памятниковедение» и изучает памятники истории и культуры как «совокупность материальных объектов и памятных мест, составляющих условно-непрерывный ряд, отражающий все стороны исторического развития человеческого общества...»³⁵. Культурно-историческое восприятие человеком памятников строится на основе двух принципов — исторической ценности или же культурного значения, выраженного подчас в неправомерности образа объекта. Составители топографических описаний понятие «достопримечательные здания» трактовали весьма широко, включая сюда не только наиболее примечательные здания, но и просто статистику строений. Однако в ряде случаев заметны зачатки памятни-

исследовательского "материала". Так, говоря о деревянных укреплениях Туруханска, авторы описания отмечают большую башню, которая "изрядным искусством построена была"⁵⁸. Описывая Тобольский уезд, неизвестный автор отметил "замечательны урочища по сибирской истории" — "столпицу бывшего алархальд Кучуыл"⁵⁹. В публикации А. Д. Колосникова вопрос об авторстве тех или иных конкретных описаний не ставится. Думается, что автором описания Тобольска и его уездов мог быть В. Филимонов, о котором известно, что он проявлял интерес к подобным "документалистам". Как сообщает А. А. Пресображенский, известный историк Сибири Л. А. Галактионов вынул в ЦГВИА серию картографических материалов с текстовыми пояснениями, "имевшими целью описание мест, связанных с пребыванием Ермака в районе Тобольска". Автором этих материалов был "местный губернский землемер Филимонов"⁶⁰. Примечательно также то, что описание этого урочища повторяется в тексте 1802 г.⁶¹ В связи с этим напомним, что выражение "как значится по сибирской истории" связано только с описанием Тобольска и Тары, а последнее твердо принадлежит В. Филимонову.

А. Д. Колосников правильно отмечает ценность фактических сведений, приводимых в описаниях. Но как уже приходилось отмечать⁶², эти сведения не имели фототригического характера, а интерпретировались в каждом конкретном случае в зависимости от той "модели" города, которая сложилась в сознании авторов описаний. Особенно это касается характеристики торгово-промышленной деятельности в городах. Достаточно четко в описаниях проследимось несколько типов городов по характеру их торговли: "сословный", "купеческий", "разночинский"; город транзитной торговли и город как затухающий торговый центр⁶³. Создание такой типологии, пусть и не в четкой форме, определенное достижение урбистов XVIII в. были почти не разработаны. Так, в "Словаре Академии Российской" представлена только одна экономическая категория: "город торговый, купеческой... в котором

называется пристань для купеческих кораблей". Все остальные города классифицировались по административному признаку⁶⁴. Торговля чаще всего связывалась только с купечеством. Об этом с жаром писал неизвестный автор "Сожращенной истории купечества и мореплавания в древние и средние времена": "Купечество почитать можно за наискрайнейшие узлы соединенных народов", ибо "через оное весь свет одним подобием связан городом..."⁶⁵.

Но списки 1785 и 1790 гг. не были единственными историко-географическими и топографическими описаниями городов Тобольского наместничества. Об этом говорит публикация Н. Славина "Описание о городе Туринске, о начальном его строении, о гербах и других достоиниях примечания, учиненно исследованье указа Тобольского Наместничества от 31 августа 1790 г."⁶⁶ Как сообщил Славин, эта рукопись была "навлечена из Тобольского губернского архива", "местами, местами исправлена, напечатана на 4 1/2 колонок", текст публикатором изложен "близко к подлиннику"⁶⁷. По своей структуре данное описание воспроизводит все вопросы анкеты топографического описания, но не совсем в том порядке. В тексте несколько раз повторяется фраза: "ныне в 1790 году..."

Начинается описание с изложения истории поселения Туринского острога. Нельзя не отметить, что между публикацией Славина и публикацией 1982 г. имеется много общего, но есть и существенные различия. Так, список Славина не только датирует основание Туринска 1600 г., но и приводит имя и фамилию письменного галана — Ф. Янина. В тексте 1790 г. этих данных нет, в списке 1785 г. они имеются. Близки друг к другу ответы на вопросы 2 и 4 по списку 1790 г., но в тексте Славина добавлено при этом, что для выгонки, "хотя указным землемером по указу Тобольского Наместничества Приказа и произведено размежевание, но утвержденного постановления не имеется (1790 г.)"⁶⁸. В списке Славина не только называется герб 1785 г., но и указывается, что Туринск "прежде собственный герб с изображением собо-

ля" имел, "учищенный по указам великих государей и поставленный из губернского города Тобольска", но "когда был учищен этот герб — неизвестно". Список же 1790 г. Этого раннего герба не знает⁶⁶. Различаются тексты и в отношении описания торговли и ремесла. В списке 1790 г. перечислено 11 ремесленных специальностей "и все на и великом количестве"; в списке Славина — уже 20 и "прочие", причем среди представителей новых специальностей названы золотарь, столяр, чеканщик, резчик, коробейники, бондари, печники, снелазники и карчешники⁶⁷. Соизоставил между собой перечисленные профессии, указанные в двух текстах, можно отметить одну особенность списка Славина: он более внимателен к тому, чем прославился Туринск в конце XVIII — начале XIX в. это изготовление деревянных и железных ларцов и потребов. Отметил этот текст и другие занятия туринских жителей — отлучку "на судах для промыслов и работ в другие города... и некоторые удалялись на Урал на заводские работы". Говоря о торговле, автор помнил ярмарки с 6 по 13 декабря назвал также и "ежегодный по вторникам торжок", учрежденный "по указу Тобольского Наместнического Правления... августа 4-го 780 года"⁶⁸. Это последнее обстоятельство заставляет думать, что описание Туринска, которое вошло в текст публикации А. Д. Колесникова и в котором нет упоминания ни о том торжке, ни самом деле написано не в 1790 г., а до 4 августа 1789 г. Еще одна любопытная деталь списка Славина заключается в том, что в перечислении ремесленных специальностей он ближе к тексту 1785 г., чем к тексту 1790 г.

Но и текстом Славина не ограничивается описание Туринска. Оно есть в историко-географическом описании 1768 г., составленном на аману Коммисии о коммерции⁶⁹. Нельзя отрицать, что наиболее принципиальные моменты, связанные с описанием исторического прошлого города, его местоположения, торговли и ремесла, идут именно от текста 1768 г.: он лежит в основе списка 1785 г., текстов, опубликованных Славинам и Колесниковым, но наиболее заметно его

влияние на список Славина. Но и этот текст не является единственным первоисточником для топографического описания 1780-х гг. Многие фразы этих списков, особенно касающиеся истории города, текстуально восходят к ответам на анкеты Академии наук (от 6 апреля 1761 г.) и Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (от 2 июля 1761 г.)⁷⁰.

С работами по топографическому описанию Тобольского наместничества связаны и в литературе также сочинение Н. Ф. Богдановича "Описание географическое о городе Туру-ханске с уездом..." 1783 г.⁷¹, впервые появившееся в научный оборот Г. Ф. Рыковен⁷². По словам Выкова, "последний вариант" этой работы был опубликован в 1788 г. под названием "Описание города Мангазеи с его уездом..."⁷³. Последнее утверждение представляется весьма спорным, и это прежде всего касается исторической части описания, изображения преемственности между Старой и Новой Мангазеей (т. Туру-ханским). В описании 1788 г.⁷⁴ нигде не названа точная дата основания ни Мангазеи, ни Туру-ханска, да и сама концепция тождественности Мангазеи более легендарная, чем историческая. В описании говорится: "...по устройству города Березова послатались от оного разного звания люди для приискания и склонения к платежу являя диких орд... и в знак к ним государственной милости на реке Тае была их кочевья построена мангазейн, и доставлена в оной из города Березова проманти, которой был для прекращения тех диких орд... и "как тех орд уменьшилась в самом том месте, где построена мангазейн, то Мангоси город, который выстроен, по причине начальной постройки мангазейн, Мангазис"⁷⁵. Это первое публичное рождение той версии, которая впоследствии будет повторена Г. Спасским и М. Оболенским⁷⁶ и доживает до начала XX в. Далее, согласно описанию 1788 г., из Мангазеи "послано выискиванию приискающим также же неисчислимые толпы и сече люди" проникли из Канск "и теми приискающими застроены острог Енисейской...". По мере "размножения" Енисейска жале из Мангазеи стали отходить туда, но по причине трудности пути "выбрали близ Енисей реки в протоках ее,

называемых до ныне Шагах, при двух озерах и одной низине остроу места... и построили тут зимовья⁸⁰. Однако неудобства в доставке хлеба из Енисейска вынудили восемь переселенцев из числа горожан и в Мангазеи бывшими жителями к упомянутому зимовью, где собирались ясак, и, обстроившись, наименовали город Мангазск, по прежнему на Тае реке названию⁸¹. Такое представление, и прежде всего принципиальный момент — из Мангазеи был прислан и отстроен Енисейск, удивительно совпадает с ранними суждениями Миллера об истории Енисейска и Мангазеи, которые он записал в Енисейске еще до поездки в Мангазею.

Историческая же часть концепции Н. Ф. Богдановича совершенно расходится с описанными как 1788, так и 1790 г. Он четко различает Старую и Новую Мангазею, первая построена в 1601 г., а вторая — в 1672 г.⁸² Такая датировка основания Старой Мангазеи расходится с мнением Миллера, но совпадает с датировкой Финьера, указание на 1672 г. имеется и в работах Х. А. Чеботарева (1776 г.) и Ф. А. Полунина (1773 г.). Кроме того, обе эти даты присутствуют в описании И. Ф. Германа (1786 г.). Но так как работа Н. Ф. Богдановича датирована временем не позднее 1783 г., можно думать, что он познакомился с этими датами скорее всего из сочинений Чеботарева и Полунина. Про основание Туруханского зимовья Богданович вообще не упоминает, в его представлении все совершилось так: около 1672 г. "привезенной" в Старую Мангазею "из Березовки ежегодно провозят из допотопи (по причине неудобного по ледяному озеру пути...) и по колодезю было город Мангазею оставить, жителей и канцелярию перевести на нынешнее место..."⁸³. Ни о каком мангазинском зимовье на р. Тае автор не упоминает. Таким образом, историческая концепция Богдановича о происхождении Мангазеи и Туруханска совершенно расходится с описанием как 1788, так и 1790 г. и основывается на других источниках. Очень вероятно, что источник представлений Богдановича об истории поселения Мангазеи и Туруханска имеет литературный, книжный характер. В связи с этим отмечу один

принципиальный момент: в ответах на анкету 1761 г. приводился текст из летописца А. Герасимова о том, что "во 113-м году зарубился город Мангазея на Тае реке, а зарубал тот город Давид Жеребнов... а с того Таеу реки город Мангазея перенесен во 180-м году на Турухан реку при воеводе Даниле Трофимове сыне Наумове и зарубал оной город тот воевода Наумов, тас стоит и ныне..."⁸⁴. Отсюда видно, что если знакомство Богдановича с ответами на анкету 1761 г. под маркой, то совершенно очевидно, что авторы текста топографического описания не знали их.

Сложнее обстоит дело с описанием городских строений и хозяйственной жизни города. Нельзя, например, отрицать, что в работе Богдановича в описании 1790 г. имеются общие места и даже близко звучащие фразы. Но текст Богдановича более полон. Например, описанию городских укреплений в описке 1790 г. удалось всего одно предложение: "городское укрепление было прежде деревянное с 3-ю башнями, которое пришло в совершенную ветхость, из коих большая изрядным искусством построена была⁸⁵ (здесь и далее выделено мною. — Д. Р.). У Богдановича этот сюжет выглядит уже так: "Крепость была деревянная, квадратная с 3-ю башнями, окруженною сто пядью сажень... и как пришло уже до такой ветхости, что починкою исправить было не можно, то по присланному в 176 году от бывшего в Тобольске губернатору и капитану Денису Ивановичу Чичерину предложению разломало бывшим воеводою Ивашинцовым; а остались четыре башни (три уцелели и одна средняя (большая), из коих первая три весьма ветши, а последние надежны простоят еще долгое время, ибо хорошиим искусством построены, — теперь же никакого укрепления нет"⁸⁶. Говоря о ремеслах, Богданович отмечает, что "художества никаких в городе и уезде нет, а ремесленны весьма мало, да и те не в выском искусстве". В тексте 1790 г. эта фраза звучит уже так: "мастеровых и ремесленных людей в городе весьма мало, кои немаловажного искусства"⁸⁶. В описании 1788 г. подобных сюжетов нет.

Отметим также, что между текстом 1790 г. и текстом Богдановича существуют и различия, которые касаются прежде всего торговли и армарки: эти сюжеты у Богдановича изложены намного короче, чем в описании 1790 г. Различаются тексты некоторыми цифровыми данными. Согласно описанию 1790 г. в городе было 97 обыкновенных дворов, гостиный двор с 24 купеческими лавками и вост. жителей 743 чел.⁸⁷ По Богдановичу, "партикулярных" домов 95, гостиный двор с 37 лавок, в том числе 8 казенных, и согласно "ведомости сколко в городе Туруханске 782-го году ревизии обоех пола людей", приложенной в конце сочинения, здесь проживало всего 664 чел.⁸⁸ Далее автор, описывая планировку Туруханска (что, кстати, описано в тексте 1790 г.), говорит о том, что "строение расположено без улиц, каждый дом построен, как место позволило в разужающем, что острок (на котором стоит город — Д. Р.) сей весьма баловист"⁸⁹. В очень близкой форме этот сюжет имеется в описании 1788 г.: "Сие доказывает беспримечное в городе строение, ибо весь город не имеет ни одной правильной улицы; каждаго хозяина дом составляет дома четыре, которые как между собою раставлены безобразно, так что чисто задом обращены к передним окнам сосед..." "сверх того весь город стоит на талпых, болотных и зыбком безводном месте..."⁹⁰ Эти сюжеты полностью отсутствуют в географическом описании Мангазен (Туруханска) 1761 г.

Таким образом, невозможно согласиться с тем, что описание Богдановича — это "водный вариант" текста 1788 г. Трудно предположить, что Богданович после 1783 г. включил в свой текст какие-то сюжеты из описания 1788 г., которые совершенно расходятся с его концепцией и носят характер преданий, а не исторического описания. Думается, что текст, опубликованный в 1783 г., более древний, чем сочинение Богдановича. Последний его знал и при описании некоторых сторон материального быта города используя, переложив все это на собственную историческую концепцию.

Несомненно также определенная преимущественная связь между сочинением Н. Ф. Богдановича и описанием 1790 г. Но ясно, что сам Богданович не имел отношения к созданию списка 1790 г. Скорее всего, и автор текста 1790 г. не знал работу Богдановича. В противном случае непонятно, почему он не включил в свой текст те фактические данные и исторические даты, которые имелись в описании туруханского исправника. Думается, что связь между текстом Богдановича и списком 1790 г. объясняется не прямым заимствованием, а тем, что существовало несколько общих источников, которые использовались авторами по-разному.

Помимо описаний, составленных в 1761 г. в ответ на анкеты Академии наук и Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, а также публикации 1788 г., имеются сведения о существовании "топографического описания штаб-лекаря" Туруханска, "извлечения" из которого были опубликованы в 1826 г.⁹¹ Этот текст (осел, конечно, это не компиляция издателя) уникален в том плане, что в нем представлены почти все индивидуальные различия рассмотренных выше списков с рядом новых дополнений.

О том, что работа по составлению топографических описаний не ограничивалась только изданиями 1785 и 1790 гг., свидетельствует также описание Енисейска, которое отсутствует в редакции 1785 г. Существует "Географическое описание города Енисейска с уездом", опубликованное одновременно с описанием Мангазен в 1788 г.⁹² Описание Енисейска составлено, видимо, после 1785 г., ибо в тексте упоминается пожар, случившийся в этом году. По ряду моментов оно принципиально расходится с текстом 1790 г. Прежде всего, список 1790 г. указывает точную дату основания Енисейска — 1619 г., а неизвестный автор публикации 1788 г. вынужден ограничиться известием, согласно которому Енисейск в 7154 (1645/46) г. именовался острогом, имел сызговую избу, а воеводой в нем был Ф. Ф. Уваров. В 1786 (1677/78) г. переименован в город, в нем имелась приказная изба, первым городным воеводой был И. И. Ржевский⁹³. Данный текст

раскрасится с описанием 1790 г. и в отношении описания строений города, ремесла и торговли. Поэтому считать публикацию 1788 г. прямым типологическим источником для топографического описания 1790 г. не представляется возможным, хотя отдельные общие детали выскочат.

Провоскожающие "Географическое описание города Енисейска с уездом" 1788 г. остаются загадкой. Хотя порядок описания города и уезда в данном сочинении напоминает вопросы пункты анкет 1761 г., в ряде существенных моментов они резко различаются. В ответе Енисейской канцелярии на анкету Академии наук от 21 марта 1761 г. вообще не содержалось указания даже на примерную дату основания города⁹⁴. В ответе на шихотскую дилетату от 15 июня 1761 г. также не называлась точной даты основания города, но прикладывалась выписка из летописи священника Соборной церкви Ф. Иванова, где было указано, что "во 126-м году по указу и по грамоте с Москвы и Tobolska величавой сын боярской дщи тобольских стрелцов сотник Петр Албычев да Черкас Рукин и целой им на Енисей реке построили новый острог и быть им в том остроге до указа"⁹⁵. Ни о каких выкопках ни в самом ответе канцелярии, ни в летописце не говорилось. Кроме того, согласно ответу канцелярии Енисейске стал городом с 7130 (1621/22) г., а согласно "Географическому описанию..." — лишь с 7154 (1645/46) г. Кроме того, в анкетах 1761 г. обязательных домов в Енисейске показано 825⁹⁶, а в публикации 1788 г. их число вообще не указано⁹⁷. Цифра 700 дворов, приведенная в изданиях того же времени — словарях Ф. Полунина и Л. М. Максимовича⁹⁸, воснована к длинным Мидлера 1735 г. — 704 двора⁹⁹.

Существенно различается картина хозяйственного развития города по анкетам 1761 г. и публикации 1788 г. Согласно анкетам обыватели имели 17 ремесел¹⁰⁰ против 7 в описании 1788 г.¹⁰¹, причем совершенно новым в публикации было указание на чеканное дело. Различается также описание торговли и ярмарок. В публикации 1788 г. сказано, что на Енисейскую ярмарку, помимо купцов из сибирских городов,

"привозят из Вологды, Устюга, Торосца, Казани, Соликамской, Грехи и Архангельска"¹⁰². В ответе на анкету сказано несколько по-другому: "купцы по большей части бывают Архангелогорской же губернии городов Вологды, Устюга, Соликамской, Яренска да Казанской губернии города Вятки..."¹⁰³ Перед нами, безусловно, похожие, но далеко не идентичные типологически тексты. Впоследствии текст публикации 1788 г. был почти полностью повторен в словаре А. Шекстова, но с некоторыми добавлениями из других описаний¹⁰⁴. Кроме того, текстуальное сходство списка топографического описания 1790 г. с опубликованной 1788 г. позволяет говорить, что именно последняя послужила определенной основой для первого, который, в свою очередь, был дополнен, по-видимому, какими-то сведениями из описаний 1760-х гг. В этом плане примечательно, что число ремесленных специальностей в обоих текстах одинаково — 17 и открываются списки указанием на иконное мастерство, далее их состав несколько различается.

Таким образом, топографические описания 1780-х гг. по Tobolsкому наместничеству представляют собой очень сложное переплетение историко-географических описаний разных типов и форм. Было бы заманчиво ограничить этот процесс двумя датами — 1785 и 1790 гг., однако сохранившиеся рукописи убедительно свидетельствуют, что работы по топографическому описанию пришли несколько этапов и тексты, которые мы сегодня относим к 1785 или к 1790 г., в своей основе создавались раньше. Процесс создания этих сочинений был по своей сути диалектичным и включал в себя не только выработку нового и переделку старого, но и частично "потерю", отсечение старого знания. Неизвестные авторы осмысливали прежнее знание, выработывали новое, и в этом плане топографические описания породили сибирское источниковедение и историографию, новые социально-экономические и политические представления о сибирском городе. В отличие от предыдущих времен каждое описание города было внутренне законченным произведением, своего рода первой сибирской

Даты основания городов и острогов Восточной Сибири

Город	Основан 1753 г.	Основан 1794 г.	Основан 1799 г.	Основан 1842 г.	Даты до 1842 г.
Байгалск Баргузинск Братский остров Перелюдовск	— — — 1670	1654 1648 1631 —	1654 1648 1630 —	— — ок. 1632 (120 лет назад)	1637 1648 1630 1657
Верхоянский остров Иркутск Иркутск	— — —	1641 1630 1601	1641 — 1661	— — ок. 1657 (112 лет назад)	— — 1620
Кабанский остров Киренск Нерчинск Нарынск, олимп.	— 1655 1654 1644	— — 1638 1608	— — 1658 1648	— — 1658 ок. 1707 (85 лет назад)	1650 1621 1623 1640
Устькутский остров	—	1631	—	—	1631

"монотрифий" о городе. Как ни велик в этом плане подвиг Г. Ф. Миллера, создавшего первый научный труд по истории Сибири, судяли ему и работы неизвестных сибирских авторов. Они творили не в отрыве от большой науки, хотя и не обладали всей суммой научных знаний.

Значение работ по топографическому описанию Тобольского наместничества достаточно велико. Не вдаваясь в социально-политический и культуроведческий аспекты, отметим только, что эти работы послужили одним из основных источников для Н. А. Словцова, а следы топографических описаний можно найти в статьях о сибирских городах первых географических словарей России, речь о которых пойдет в следующей главе.

3. ОПИСАНИЕ ИРКУТСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

О топографическом описании Иркутского наместничества можно судить по двум основным спискам, дошедшим до нас в публикациях 1791¹⁰³ и 1968 гг.¹⁰⁶ Их и в основном мы берем за основу для анализа.

Прежде всего обращает на себя внимание состав описания этого наместничества. Только Иркутск удостоился полного топографического исследования по всей программе, остальные города описаны "по сокращенной программе". Первый блок вопросов связан с историческим прошлым городов — когда они были основаны, кем населены и по какому поводу. Ни по одному городу, кроме Нерчинска, авторы не привели какого-либо точного известия, хотя для большинства городов, упомянутых в тексте, даты основания уже были известны в опубликованной и рукописной литературе (табл. 3). Основным источником для составителей являлись рассказы местных жителей, но и в этом случае указывалась не какой-то конкретный день, а количество лет, прошедших с того времени. Такая форма ответов скрывает источники, которыми пользовались авторы, причем источники разнообразны.

Описание становления города Иркутска состоит из четырех частей. В первой говорится о том, что "прошло уже с лишком 135 лет, как начался город"; "сперва, где теперь город, было одно зимовье, построенное некоторым сибирским посольником, а около оно жили кочевые братские" и "после сделался острогом". Во второй части следует описание острога 1669 г. Третья часть состоит из записи о том, что "в 1682 году в Иркутске был уже посол Иван Власов...". Последняя, четвертая часть текста возвращает нас к первой: "Первыми, которые в сем городе поселились, были сибирской окладных пятидесятник Максим Бересовский. К нему пришел тутошних подгородных улусов сын боярский Петрушка Талышин. После по стрелецкому бунту многие были присланы и

селиться", и "как город стал известен по хорошему его местоположению и по всем выгодам жителям", то от сою с разных сторон число жителей умножилось и возросло до нынешнего количества с невероятною скоростью"¹⁰⁷. Этот текст имеется и в публикации 1791 г.¹⁰⁸; следовательно, 135 лет надо отсчитывать с 1791 г. Получается дата — 1656 г., которая к книжной, научной традиции XVIII в. не имеет никакого отношения, но далеко стоит к дате, распространенной уже в Иркутском городском летописании, — 1652 г.¹⁰⁹ Думается, что авторы описания Иркутска отсчитывали эти 135 лет именно от 1652 г. Но тогда следует, что само описание составлялось в 1787—1788 гг. Далеко не во всех иркутских городских летописях указывалось на "некоторого енисейского посольщика" и тем более называлось его имя и фамилия. Сама фраза об этом "посольщике" текстуально совпадает с ответом Иркутской канцелярии на академическую анкету 1764 г. Возможно, что и сама форма ответа — "прошло уже с лишним 135 лет" — была подсказана автором описания той же анкетой, где возраст города определялся по рассказам "одной старухи более ста лет и только она родилась в Москве и будучи 20 лет от роду сослана по стрелецкому бунту" в Иркутск¹¹⁰. Что же касается имени-фамилии первых посольщиков — М. Березовский и П. Тальшин, то здесь произошла удивительная подмена событий. В ряде иркутских летописей эти имена-фамилии встречаются, но в другом плане; так, М. Березовский упоминается в летописях из ГАКО и ЦГАДА, но не как первый посольщик, а как предводитель восставших забайкальских казаков, осевших в 1696 г. Иркутск¹¹¹. Топографическое описание этого эпизода из истории города не содержит, вместо него вставлен рассказ об осаде Иркутска восставшими бурятами¹¹². Такая же картина произошла и с П. Тальшиным, который в описании отнесен к первым посольщикам, а в иркутской летописи из архива ГАКО указан как один из руководителей восстания бурят¹¹³. Поэтому, "расшифровав" ответ топографического описания о начале города, можно сказать, что источником в данном слу-

чае послужили иркутские городские летописи, ответы на анкету 1764 г. и устные рассказы жителей. Ни работ И. Е. Фавора, ни работ Ф. И. Лангана авторы описания не знали, но при обрисовке герба опирались уже на документы 1694 и 1696 гг.¹¹⁴

Не знали авторы описания Иркутского уезда и литературы, относящейся к указным городам и острогам — Балаганску, Илимску и Верхоянску. Причем если в отношении Балаганска и Илимска это может быть объяснено тем, что в прежних делах военных канцелярий таких сведений не содержалось¹¹⁵, то по Верхоянску они были. Уже на анкету В. Н. Татищева из Верхоянского острога поступил ответ, в котором четко сказано, что "остров построил в 147-м году по указу великого князя и братских и по приезде их в нем ильменскими кланками..."¹¹⁶. Да и исследователи, посещавшие Верхоянск уже в начале XIX в., отмечали богатство архива этого острога¹¹⁷.

Одноименный ответ получен относительно исторического прошлого Верхояннска: "Прошло уже 120 лет, как начал строить сей город и распространить мошанскими стрельцами, за бунт известной великой части сибирских сосланных", и "об одном из них, отпущен, и пошел скуп посылать, будто он назывался Бейтоном"¹¹⁸. Этот текст имеется и в публикации 1791 г.¹¹⁹ Происхождение его любопытно, оно связано с легендой. Л. К. Минерт, исследовавший архивные описания Верхояннска, сделанные в 1735—1736 гг. Миллером и Гюлениным, отмечает отсутствие такой легенды¹²⁰. Не упоминает она и в словаре Полунина 1773 г., где есть точная дата основания города¹²¹. Нет ее в работе X. А. Чоботарева 1776 г., написанной на материалах Полунина и Миллера. Впервые эта легенда, текстуально повторяющая текст 1791 г., появляется в словаре Л. М. Максимовича, построенном, как известно, на присланных с мест топографических описаниях¹²². Следовательно, текст о начале Верхояннска был записан не в 1791 г., а ранее 1788 г. О том, что этот текст создавался до 1790 г., говорит и тот факт, что список 1792 г. знает герб по-

рода, а список 1791 г. — еще нет, хотя герб городу был дан в 1790 г.¹²¹ Значит, на самом деле, говоря о 120 годах тому назад, историки описания имели в виду, что примерной датой основания города были 1667—1668 гг. Это совпадает, как видно из табл. 3, с датировкой Лосова, Думастея, что тексты об Иркутских и вернуевских стрельцах писаны одной рукой, а известие о сотнике Вейтоне имеет характер народного предания и связано с фактом инициации героя Албазинской осады А. И. Вейтона казачьим гиливой в Вернуевский острог в 1698 г. Из указанных городов и островов автор лучше знает Селенгинск — точная дата его основания 1666 г. Эта дата и само описание города очень близко текстуально повторяют словарь Ф. Полункина и Л. М. Максимовича, тексты которых, в свою очередь, подходят к описанию 1733 г.¹²² В данном случае мы можем говорить о знакомстве автора топографического описания с данными словарями или же наоборот. Точно так же повторяется текст и при описании Кабинского острова.

Известные предания вроде бы лежат и в основании даты Нанзундунска — согласно подсчетам автора описания выходит примерно начало XVIII в. Как видно из табл. 3, дата основания этого города уже неслась в опубликованной и рукописной литературе, но в топографическом описании использован другой источник. Можно думать, что это предание появилось после 1773 г., но до 1778-го. В словаре Полункина этой легенды нет, там приведена точная дата, и, кроме того, казаки здесь прислаивались из Красноярска, а не из Енисейска, как это сказано в топографическом описании.¹²³ Но уже в словаре Максимовича появляется начало этой легенды: "По рассказу от старожилов за верное почтеть можно, что сей город назав тому 45 лет, как было небольшое селение, называемое Удинской острог, возросшее в 1644 году для сбора ясака"¹²⁴. Поездка же некоего Ивана Кузнецова, по всей видимости, относится к концу 1730-х — началу 1740-х гг., к временам С. П. Крашенинникова, который застал в Никопудинском остроге только четыре казачьих избы без церкви¹²⁵. Путешествие это опять же произошло до 1733 г., когда там

уже существовала, как видно из материалов, предоставленных мне Н. Д. Золыникова, Спасская церковь.¹²⁶ Запись о Братском остроге Нижнеудинского уезда в топографическом описании почти текстуально совпадает с текстом словаря Ф. Полункина.¹²⁷

Говоря о дальнем г. Киренска, неизвестный автор вспоминал, "что оный прежде был погостом и в 1763-м году находился под зависимостью управляющего Илимского острога войскам Обухов..."¹²⁸. Думается, здесь вкралась ошибка канцеляристы и следует читать "1663 год", что вполне соответствует историческим фактам, когда в Илимске действительно был войсковой Лаврентий Обухов. Никаких параллелей в тексте между ответами на анкету Миллера, словарями Полункина и Максимовича не прослеживается — автор не знал всего этого. Но говоря о Киренском монастыре, он уже сослался на грамоту о его основании.

Первым и единственным раз литературный источник упомянут при описании истории основания Нерчинска — "описание острога, при Амуре лежащих", или "описание страны, при Амуре лежащих"¹²⁹. Речь идет о работе Г. Ф. Миллера "История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оныя составили под Российским владением"¹³⁰. Существовавшее в топографическом описании указание на источник вроде бы делает ненужным источниковедческий анализ происхождения данного текста, однако именно здесь заключены многие ответы на вопрос о том, когда и как создавалось описание Иркутского наместничества. Можно утверждать, что к анкетам 1761 г. текст топографического описания не имеет прямого отношения, ибо в ответах из Нерчинска ни на алашанскую, ни на шавкестского корпусов анкету точной даты основания и даже его общности не приведено.¹³¹

Работа Миллера "История о странах, при реке Амуре лежащих..." появляется в 1757 г., но, безусловно, не сразу становится известна автору описания Нерчинска. Об этом говорит опубликованная статья "О тулусах вообще" 1778 г., по-

второй раз затем в 1790 г. В ней затрагивается сюжет об основании Нерчинска, но сказано: "когда он построен — неизвестно..."¹³⁴ История основания Нерчинска изложена очень близко к тексту топографического описания в рукописном "Описании Даурии" 1781 г.¹³⁵ и, наконец, уже со ссылками на Маллера — в работе Ф. И. Дамгана "Собрание сведений о начале и происхождении разных племен инородцев в Иркутской губернии..." 1789 г.¹³⁶ (последний текст по форме отличается от топографического описания). Самое же поразительное заключается в том, что рассказ об основании Нерчинска в топографическом описании 1792 г. слово в слово совпадает с аналогичным текстом из рукописного описания А. И. Локса "Географическо-статистическое описание Иркутской губернии..." 1819 г.

Известные предания старожилов легли в основу рассказа топографического описания о появлении города Дорониинска и Стретенска, причем рассказ о первом городе изложен в той же манере, что и в отношении Нижнеудинска. О начале Нергуинска топографическое описание не приводит даже устных преданий.

Рассмотрев историческую часть топографического описания Иркутского наместничества 1792 г., относящуюся к начальной истории городов, можно сказать, что в исторической науке XVIII в. топографические описания использовались очень мало. Исключением является очерк о Нерчинске. Очень редко случаи обращения к документальному материалу, в основном сведения черпаются из летописей и устных рассказов старожилов. Если по датам основания городов Западной Сибири, которые давались в топографическом описании Тобольского наместничества, можно было составить определенную схему-концепцию истории присоединения этого региона, то по описанию Иркутского наместничества этого сделать нельзя. Отсутствие единого подхода, системности в знаниях, что явно видно в сравнении с работой Ф. И. Дамгана, позволяет думать, что в написанию и редактированию исторической справки о городах Восточной Сибири (за иск-

лючением, может быть, Нерчинска) руки последнего не прикасались.

Интерес также вопрос о степени освещения авторами описания современной им истории. Составители издания 1988 г. не сомневаются в высокой точности и информативной измерительности приводимых сведений, соответствия их данным ревизии 1782 г.¹³⁷ Но для окончательного решения этого вопроса нужно текстовальное сравнение всех текстов с предшествующими описаниями, и прежде всего в отношении таких важнейших показателей, как количество обывательского строения и число жителей. Приведенные в описании самые крайние, "верхние", даты также, казалось бы, говорят о том, что описание составлено с учетом данных четвертой ревизии — 1782 г. Однако, как видно из данных о количестве домов и сибирских городах (табл. 4), это происходило не во всех случаях. Так, с небольшими изменениями повторено из словаря Максимовича описание Балаганска, причем абсолютно совпадают данные о числе населения¹³⁸, текстовально совпадают описания Братского острова¹³⁹ и упоминание о Верхленском острове¹⁴⁰; идентичны данные о числе строений и жителей между словарем Максимовича и топографическим описанием по Илимску¹⁴¹; текстовально совпадают также во всех трех изданиях описание Кабинска¹⁴²; очень много общности между текстом Максимовича и топографическим описанием в отношении Киренска¹⁴³; текстовально одинаково во всех трех изданиях упоминание об Усть-Кутском острове¹⁴⁴. Несколько сложное обстоит дело с описанием Селенгинска. Первое исходное описание города с указанием точного числа строений и "купецства" в уезде — 150 домов и 2597 чел. — приведено в словаре Полунина, причем с припиской: "были в мою бытность (1735 г.)..."¹⁴⁵ Затем почти дословно, но уже без ссылки "на мою бытность", оно повторено в словаре Максимовича и в топографическом описании¹⁴⁶. Причем в описании также сохранилось указание на 1735 г. и то же количество жителей, но уже как "записанных в купечество и мещанство". Можно твердо говорить о полном несоответствии опи-

Количество дворов в городах Восточной Сибири

Город	Дворов 1770 г.	Население 1784—1788 гг.	Топографическое описание, 1792 г.
Владивосток	—	—	—
Баргузинск	—	15	15
Братский острог	50	50	50
Верхнеудинск	150	110	110
Воркутинский острог	—	—	—
Иркутск	80	107	109
Иркутск	1000	—	2004
Калганск	—	—	—
Киренск	—	87	87
Нерчинск	150	130	149
Нижнеудинск	—	10	28
Селенгинск	150	150	—
Усть-Кутинский острог	—	—	—

сания Селенгинска историческим реалиям конца XVIII в.: уже в 1770-х гг. в городе было свыше 300 домов¹⁴⁷. Таким образом, если данные о численности гражданского строения и числе жителей уездных городов Иркутского наместничества относятся (чаще всего, хотя и не всегда) к временам четвертой ревизии, то ряд описаний уже безудачных городов и острогов следует датировать 1730-ми и концом 1760-х гг.

Обращает на себя внимание описание торгаш, промыслов и ремесел, прежде всего в историкоэкономическом отношении. В ряде случаев можно говорить о том, что тексты, посвященные этой сфере городской жизни, не составлялись вновь в 1790—1792 гг., а лишь дополнялись. Так, по Верхнеудинску ответы на вопрос 10 топографического задания текстуально полностью повторяют известия Максимовича, а по Иркутску 11 и 12 — частично. При этом текст Максимовича, касающийся ответа на вопрос 10, дополняется лишь одной фразой: "Мастерских очень мало, и те упрямаяшися в домашних

подделках"¹⁴⁸. Именности между двумя текстами различия — по уезду — позволяют сделать предположения о времени, когда создавались эти тексты. У Максимовича "и Братской степи" показан соляной завод, "который содержится иркутским купцом Милзильмом Полозовым", а в топографическом описании вместо него указан уже "новый железный завод и рудник", законченный в 1788 г.¹⁴⁹ Следовательно, учитывая текстуальные сходства этих двух текстов, можно думать, что первый вариант топографического описания был создан до 1788 г.

Описание хозяйственной жизни Иркутска подверглось коренному изменению, так что при наличии некоторых общих элементов был создан совершенно новый текст в сравнении со списком Максимовича. Уточнялись и цифровые данные. Сведения о количестве населения, приведенные в топографическом описании, не соответствуют данным четвертой ревизии и относятся к более позднему времени. У Максимовича эти сведения по Иркутску и по всему наместничеству приводились с прямой ссылкой на четвертую ревизию, в топографическом описании уже без указания времени сообщаются другие данные¹⁵⁰. Такая же картина наблюдается и в отношении числа населения и хозяйства Нижнеудинска и его уезда¹⁵¹. Незначительным изменением подверглось описание Киренска, но и здесь были сохранены данные о населении уезда по четвертой ревизии¹⁵². Совершенно заново составлено описание торговли и ремесел Нерчинска и его уезда — оно не имеет никакого сходства с текстом Максимовича, который, в свою очередь, выхвачен к спискам 1760-х гг.¹⁵³ и к описанию Миллера 1781 г.¹⁵⁴

Таким образом, топографическое описание Иркутского наместничества по списку 1792 г. представляет собой очень сложное, разноплановое и разновременное сочинение. По мнению составителей издания 1988 г., вся работа по составлению этого описания распадется на три этапа. Первый этап, начавшись в 1784 г., как бы закончился в 1790 г., результатом сто был список, опубликованный Н. И. Новиковым в

1791 г. Второй этап — это создание списка 1792 г. Третий связан с работой по описанию Иркутской провинции¹⁵⁸. Я считаю, что такая схема не совсем точна. Правильнее оканчивать первый период уже 1787 г. — включением в словарь Максимовича описания остяков, как первые тексты топографического характера. Напротив, навстречу, по Верхнеудинску, Нижнеудинску, Киренску, Дарвинску и Стреловску последние, "верные", даты, встречающиеся в описании, — 1784 и 1786 гг. Второй этап работы завершается списком 1791 г. и составлением черногового описания по Гижигинску. Но связан он прежде всего с доработкой описания Иркутска. Характерно, что в этом описании, отличном от текста Максимовича, последняя упоминаемая дата — сентябрь 1789 г. Список же 1792 г. характеризует уже третий этап работы над топографическим описанием.

Составители публикации 1988 г. правильно подняли вопрос об источниках топографического описания, правда, почему-то ограничившись анализом подзаголовков списков 1791 и 1792 гг.¹⁵⁹ Однако Я. Федоров и предположил более полно составил источники. По его мнению, все источники подразделялись на 1) "разные хранившиеся в архиве летописи", 2) "примечания в панесинских; правление разные сведения", 3) "разные устные сказания тех жителей, кои опытом дознали своих жилищ начало своих предков" и 4) личные наблюдения автора¹⁶⁰. Говорить о знакомстве неизвестных авторов с научной литературой XVIII в., на мой взгляд, нужно осторожно. Правда, Л. К. Минерта, давший интересный обзор источников и литературы XVIII в. о первоначальном этапе становления городов Бурятии, утверждает, что для сочинения топографического описания Иркутского наместничества использовались источники "сочли возможным использовать описания населенных пунктов Иркутской области из книги, изданной в Москве", т. е. из словаря Ф. Паллуина 1773 г.¹⁶¹ Не исключая случая с описанием Селенгинска, заметим, что здесь в большей степени проявилась общность источников Паллуина и топографического описания — ответов на анкеты

1760-х гг., со многими из которых были знакомы губернские чиновники. Что же касается возможности использования словаря Максимовича, то, думаю, это надо решительно отвергнуть: параллели и некоторое текстовые тождества рассмотренных сочинений объясняются лишь тем, что имелись в этом словаре отложившиеся первые тексты топографических описаний, причем не только Иркутского, но и Тобольского наместничества. Возвращаясь к высказыванию Л. К. Минерта, можно задать следующий вопрос: если автор описания пользовался словарем Паллуина, то почему он использовался сведениями только о Селенгинске, Баргузинске, Кяхте, Троицко-Савске и не учел сведений о других сибирских городах и острогах?

Многое бы выяснилось, если бы мы знали, кто был автором описания уездных городов и поднаместнических острогов. Составители публикации 1988 г. предположили, что "эти обзоры также составлены из материалов, присланных уездными землемерами или другими лицами, кому поручали составлять описания"¹⁶². Не располагая точными сведениями об этом счет, можно высказать некоторые предположения. Вполне, составление описания, хотя бы в сугубо топографической части, не обошлось без тех уездных землемеров и геодезистов, которые проводили съемки рек и городов в наместничестве в 1770—1780-х гг. А. И. Лосев в "Описании Иркутской губернии" 1805 г. сообщал, что р. Баргузан в 1791 г. снимал уездный землемер сержант Е. Коживин; капитан И. Протопопов в 1784 г. проводил съемку р. Уды; поручик К. Тимошенко в 1786 г. — рек Хилек и Блудна¹⁶³. Сам же Лосев в 1785 и 1786 гг. сделал "описание реки Лены с перспективами, планами и профилями разных любопытных предместов" и представил его генерал-губернатору И. В. Якоби в 1787 г., затем для описания р. Ангары в "Гидравлических журналах" Департамента водных коммуникаций, а также снимал р. Селенгу. Во главе всей Комиссии, которая занималась измерением и описанием земель наместничества, стоял генерал-губернатор И. В. Якоби; в ее состав входили советники Верховного на-

дворного суда коллежский ассessor С. Марковский, ассessor В. Воеводский, К. Бейтон, советник Нижнего надворного суда Н. Байков, сельские заседатели Верхней расправы Н. Сербеншиков и И. Щипицын. Межевали земля и вели топографические работы уездные землемеры подпоручик И. Кожевников и прапорщик А. Беляев со своими помощниками — геодезистами сержантом В. Кожевниковым и унтер-офицером И. Вейтоном¹⁶¹. Лосев, однако, не сообщает, кто из них сочинил описание городов и уездов. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди перечисленных лишь много "исторических" фамилий людей, среди которых были активными участниками исторических событий в Восточной Сибири в конце XVIII в. Некоторые из этих фамилий носят корни в Сибири XIX в. Нельзя также исключать добровольных помощников среди жителей уездных городов. Одним из них, возможно, был некий подпоручик советник Власов, живший в конце XVIII в. в г. Дорониинске и сообщавший П. А. Савичу различные известия об этом крае¹⁶². О том, что эти уездные землемеры не ограничивались только топоъемской, свидетельствует пример Е. Кожевина, на основе записок которого его сын составил "Описание Жигаловского уезда".

Третий уезд, но наивно оставивший изданию 1988 г. (а по нашему — четвертый), связан с работами по описанию Якутской области и, в частности, с работой "Описание Якутской провинции", датированной 2 октября 1794 г.¹⁶³ В публикации 1988 г. было поспешно для "страшности" этого сочинения: оно составлено по программе, не совпадающей с программой описания других областей наместничества, и, кроме того, в заглавии этой рукописи стоит "провинция", а такой административный сдвиг к тому времени уже не было¹⁶⁴. Действительно, Якутская провинция существовала с 1775 по 1783 г., когда была преобразована в область¹⁶⁵.

Меня в этом описании интересует прежде всего "циркской" сюжет. В. Ф. Иванов, один из первых изучивший эту

рукопись, считал, что данное описание составилось по "рассказу топографического описания"¹⁶⁶. Но обратив внимание, что в описании "Города Якутска" присутствуют такие тексты, которые не требовались собственно по топографической анкете: "Дороги", "Мосты и перевозки", "Почтовые станции", "Военные коммуникации", но ставились по анкетам 1760-х гг.¹⁶⁷ Обращает на себя внимание также то, что описание дано только Якутску, все уездные остроги как показаны, так и описаны.

После указания на топографическое положение города следует историческая часть, заключающая в себе одну строчку: "Построен в 1639 году"¹⁶⁸. Составители публикации писали это за пропуском описку канцеляриста, ограничившись замечанием, что "здесь датировка неверная"¹⁶⁹. Однако, думается, что дело в данном случае не просто в описке. Наверное, что в предшествующей исторической литературе дата основания Якутска — 1632 г. — была уже твердо известна: первый раз она указана в сочинении И. Е. Финнера, а затем — в рукописном сочинении Ф. И. Лаватска¹⁷⁰. Более того, эта дата имела и отсылку Якутской канцелярии 1738 г. на анкету Миллера¹⁷¹. Но вышло так, что эти материалы составители рукописи 1794 г. не знали. Не знали даты основания города и авторы ответов на анкеты 1760-х гг.¹⁷² Однако 1639 год как год основания Якутска присутствует в "Географическом описании города Якутска с уездом" 1789 г., где сказано: "Город Якутск построен лето от Адыма в 7147-м году, а от Р. Х. в 1639-м году..."¹⁷³ Нельзя, конечно, исключать, что дату 1639 г. составители описания 1794 г. могли позаимствовать из "Занески, к сибирской истории служащих..." (1788 г.) и из "Краткого показания..." (1792 г.), но это маловероятно. Текст 1789 г. используется в описании 1794 г. и в рассказе о двух веревочных крепостях "в квадратном положении", хотя видно, что текст 1769 г. подвергся небольшой редакторской правке¹⁷⁴. Описание городских построек состоит из перечисления крепостного, казенного, общественного и общественного строений. Церковное строение не описано,

а только указано количество церквей, что опять же характерно для текста 1769 г.

Составители публикации 1988 г. не сомневаются в большой ценности тех статистических сведений, которые приводятся в описании. Заслуживает внимания упоминание о количестве дворов в Якутске; как и в тексте 1764 г., они различны по сословиям, общее их число, без якутских куп., равноется 332¹⁷². В современной литературе имеется некоторый разнобой в подсчете жилого строения в Якутске XVIII в. О. Н. Вилков, основываясь на работах П. А. Словцова и Ф. Г. Сафронова, приводит данные о том, что "в течение XVIII в. Якутск медленнo, но постепенно рaс—" в 1716 г. в городе было 300 обывательских домов, в 1737 г.— 348, в 1786 г.— 362...¹⁷³ Однако Ф. Г. Сафронов приводит другие цифры: в 1719 г.— 243 жилых двора, в 1737 г.— 249 и в 1794 г.— 332¹⁷⁴. Рукописные источники историко-топографического характера дают уже несколько другую картину — в 1738 г. "много в г. Якутску разного чина людей 248 дворов да 98 куп.", в 1764 г.— 300 дворов и в 1794 г.— 332 двора и 22 якутские юрты¹⁷⁵.

Интересная трансформация происходит с описанием ремесел якутских жителей. В ответе на анкету Академии наук от 15 июля 1764 г. якутские чиновники писали, что "ремесничества, кроме домашних работ, никаких промыслов не имеют, и купцы отчасти имеют торговлю, купечеством и промыслам местных и рыбных, а прочие по большей части питаются трудом своих"¹⁷⁶. Определенные параллели находят в текстах 1769 и 1794 гг. в отношении перечисленных ремесленных специальностей, но есть и различия. Авторы текста 1769 г., говоря о хозяйственных занятиях, обобщили без комментариев; авторы же текста 1794 г. не удержались отметить некоторые черты русских жителей Якутска¹⁸⁰.

Очень много параллелей, порой доходивших до текстуального сходства, между рукописями 1769 и 1794 гг. в отношении торговли, купечества и приезжающих "на барках" крестьян¹⁸¹, причем можно обнаружить сходство с описаниями

Исленкова и словаря Максимовича¹⁸². В прилoчу многие обороты, выражения, сюжеты о торговле и ярмарках в текстах 1769 и 1794 гг. имеют аналоги в тексте 1764 г.¹⁸³ В сугубо историко-вещном плане здесь, на мой взгляд, зависимость следующая: текст отстав 1764 г. был известен и использован авторами описания 1769 г., которые, в свою очередь, использовано как в тексте 1794 г., так и в словаре Максимовича с определенными редакторскими правками. Конечно, теоретически возможна ситуация, когда установивший торговый быт порождает у людей и устойчивые словесные ассоциации, приводя к неким штаммам. Но все же вероятнее знакомство авторов текста 1794 г. с описанием 1769 г. С "Топографическими известиями по г. Якутску..." 1764 г. составителя описания 1794 г. не были знакомы, иначе известно, почему они не включили в свой текст описания крепостных укреплений и обывательского строения в уездных городах, которые присутствуют в тексте 1764 г.

Вроде бы не вызывает сомнения и дата, представленная в конце рукописи, — 2 октября 1794 г., но, как правильно заметили авторы публикации 1988 г., она к этому времени была "закончена"¹⁸⁴. Сам же процесс создания представляется следующим образом. Отдельные части текста этого описания составлялись в разное время и по разным источникам. Текст о г. Якутске составлялся после 1781 г. — эта крайняя дата указана в записи о почтовых станциях. В самом же описании города показан лишь 1779 г.¹⁸⁵ До 1788 г. какой-то первоначальный текст описания Якутска был создан. Доказательством чего являются сохранившиеся следы его в словаре Максимовича. Но этот текст не имел еще точной даты основания города, в нем не было параграфов о питейной провозке, дорогах, мостах и перевозах, почтовых станциях и военных коммуникациях, которые, как ни странно, относятся к вопросам не столько топографической анкеты, сколько анкет 1780-х гг. Вставки были сделаны позже, при подготовке текста 1794 г. Особенно наглядно это видно по исторической части, где введена очень

короткая фраза: "построен в 1639 году". Это необычно для практиков топографического анкетирования, при котором требовался более подробный ответ, но привычно для ответов на анкету 1768-х гг.

Проблема авторства рукописи "Описание Якутской провинции" довольно сложна, недаром же В. Ф. Иванов, или В. Н. Иванов, на составлении публикации "Описание Иркутского наместничества 1792 г." прямо не связывал данную работу с какими-то конкретными фамилиями. Однако издание Г. Ф. Бикина в качестве авторов и редакторов "Описания..." назвал Ф. И. Ланггеса, Я. Федорова и других, причем во всех названных случаях речь шла об одной и той же рукописи из собрания ГПБ¹⁸⁶. Однако, на мой взгляд, достаточно носких и убедительных аргументов автор на этот счет не привел, поэтому вопрос об авторстве следует пока оставить открытым.

Если же говорить об описаниях окружающих островов Якутской провинции, то, вероятно, представленное в списке 1794 г. есть лишь самый первый вариант. Работы продолжались и после 1794 г., свидетельством чему является "Географическое описание о Жиганском уезде", составленное в 1804 г. уездным землемером Иваном Кожановым по запискам 1795—1799 гг. его отца Ефима Кожанова¹⁸⁷.

С помощью сотрудника Гизаристанского арканя Костромской области мышо обнаружено рукописное сочинение "Замечания о реке Уде и впадающих на ней уречениях под наименованием Уаской острог". На первом листе этой рукописи карандашом поставлена дата — 1802 г., но в тексте самой поздней датой является 1791 г. Во всяком случае, работа начала составляться не ранее 1796 г., ибо в ней упоминаются комиссарства, которые были созданы после реформы 1796 г.¹⁸⁸ Данное сочинение, как листок неизвестный автор, "понищено из дел архивных; отчасти и людьми опытных и всериями заслуживающими достаточно подтверждено"¹⁸⁹. Однако сам Уаской острог не получал никакого конкретного описания.

Завершая характеристику топографического описания Иркутского наместничества как исторического произведения и как процесса работ по его созданию, важно подчеркнуть существенный момент, особо заметный в сравнении с Тобольским наместничеством. Он заключается в том, что уровень проективной связи описания с предшествующими историко-географическими работами намного ниже, чем это было при составлении описания сопольского наместничества. Особенно это относится к исторической части описания города. Да и сама проблема города не отражена и не описана в той мере, в какой это сделано по городам Западной Сибири. В ходе работ по составлению топографического описания крайне слабо использовались историческая литература XVIII в., архивные материалы по большей части ограничивались архивом не ранее середины века. Основным источником знания — это летописи и устные рассказы, и в этом плане можно констатировать, что местное краеведческое знание не соединилось еще с литературой, не стало наукой даже "примитивного" характера. Возможно, это зависело от уровня культуры и профессиональной подготовки местного чиновничества Восточной Сибири. Да и в самом ходе работ по описанию наместничества, по слову всех присланных материалов очевидно не чувствуется широты знаний, редакторской работы. Это проявилось прежде всего в том, что сочинение Ф. И. Ланггеса оказалось совершенно за бортом внимания авторов и редакторов описания. "Описание Иркутского наместничества" имеет скорее прикладной, канцелярский характер, нежели характер сочинения.

Эта, а также и другие причины определили незначительное влияние сочинения 1792 г. на последующую литературу XIX в., которая по большей части не знала своего предшественника. Лишь отдельные сведения и факты, упомянутые в этом топографическом описании, перешли в литературу XIX в., в основном через словарь Л. М. Мас-

симовича и А. Щекатова, которые, в свою очередь, зафиксировали лишь первый этап создания топографического описания.

4. ОПИСАНИЕ ПЕРМСКОГО НАМИСТЕНЧЕСТВА И ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

История и современность ряда населенных пунктов, числявшихся в XVII в. в качестве сибирских городов и островов, а в XVIII в. переданных в ведомство других административных единиц, получили отражение в "Топографическом описании Пермского наместничества" 1789 г.¹⁹⁰ Это касается прежде Далматова, Камышлова, Шадринска, Ирбита и Верхотурья. В литературе XVIII в. история основания их была уже известна, но авторы описания смогли назвать точные даты основания лишь по трем городам: Камышлов — 1664 г., Шадринск — 1662 г. и Верхотурье — 1598 г. В отношении города Далматова, который первоначально возник как поселение монахов, авторы описания оговорились тем, что "сверить о времени первого заселения не по чему, а по объявлению старожитов заселили сначала и назывался Далматово имение, заведенное бывшим старцем Дмитрием, а в именности Далматов, а к тому месту склонились самопривольно крестьяне из других мест"¹⁹¹. В отношении же города Ирбита, бывшей слободы, канцелярские чиновники не располагали даже устными сведениями старожитов, ибо "заведение сей слободы именитыми жителями показат не знают". Поэтому канцелярия ответила трафаретно: "Первоначально заведена была означенная слобода пришедшими вольными людьми разного звания Российской империи разных городов и уездов и по заселении сей слободы пришедшие люди записаны в государственные верноподданые крестьяне..."¹⁹². В двух случаях используются архивные документы: по Шадринску — пактовая грамота из Тобольска 1662 г., по Верхотурью — грамота царя Федора Ивановича от 1598 г.¹⁹³ В целом источниковое обоснование на-

да история этих городов было более фундаментально, чем по другим городам наместничества. В большинстве случаев чиновники оговоривались, отвечая на вопрос в именности, тем, что сведений у них нет. В этом плане показатель ответ из старинного русского города Солыкамска, имевшего длинные и глубокие традиции писанной культуры. И. Берх, поставивший этот город в начале XIX в., назвал там замечательное собрание древних грамот и летописей, однако местные чиновники конца XVIII в. ответили: "за ведомости сведений не имеем" о начале города, никаких летописцев нет!¹⁹⁴. Наиболее полный и интересный ответ дан по Черашину, где были использованы не только документальные данные, устные рассказы жителей, но и синодальное поминовение предков!¹⁹⁵. Последний из источников не знаком ни одному топографическому описанию Сибири. В ответе по Верхотурью чиновники, говоря о том, что город был "сперва назван первооснованным из России разных званий людей", не забыли отметить, что "там потомки ведутся и поныне"¹⁹⁶.

Некоторые детали позволяют говорить о теоретических поисках авторов описания в отношении термина "город". Примечателен ответ по Шадринску: "В 1712 году по определению там (т. е. в Шадринской слободе. — Д. Р.) помещенца князя Василия Мошарского по урзу из Тобольска названо Шадринскую слободу именовать Архангельским Шадринским городом, но имя Архангельском давно пришло в забвение и сей городом назвать прилично было такое место, в коем одни крестьяне жительствовахи..."¹⁹⁷. Незнающий автор исключил, как видно, из формальных определений, не учитывая особенностей городской жизни в России, о которой писал А. Н. Радcliffe: "...в России долгов время, малое население некоторых губерний и худое благочестие представляет множество деревень в городах"¹⁹⁸. Но "ныне обстоятельство другое с того времени, как в 1738 г. три слободских дворян — Шадринской, Исетской и Окуневской из Тобольска приехали в Оренбург и учинили Исетская провинция, то под ведомством Исетской провинциальной канцелярии... прилично

было бы во многих дистриктах и указным породам, чего ради Шадринск вновь прозван городом...»¹⁹⁹. В этом объяснении появляется новый момент — провинция как хозяйственно освоенной территории освобожден статичности демографо-топографической городской среды. И это «обстоятельство» оказалось более важным, чем сословная принадлежность жителей. Авторы описания сумели подметить образование нового городского, «мещанского» общества на старых основах, как это случилось в Ирбите, где «по учредлению означенного города купечество и мещанство составлено из означенных государственных приписных крестьян, также из живущих в оном разных городов из мещан же и купеческих»²⁰⁰. По полноте сведений, умение видеть социальное прошлое авторов описания Пермского наместничества оказались на высоте В. Крестинина, который подметил такое же явление в истории Архангельска²⁰¹.

Поведя обстоятельно авторы описали современный для них день Ирбита и Верхотурья. Торговля Ирбита была представлена «российскими, немскими и китайскими шелковыми, шерстяными и полотняными цветными товарами, пушным чаевой рухлядой и разной посудой и частью... и молочным торгом, получившим во время ярмарки от приезжающего купечества». Второй по значению вид торговли шелком. Всего у купцов и мещан «вышесказанного товара прикупится суммой примерно на 20 тыс. рублей». Кроме того, «немалое количество жителей от постояе, лавок, анбаров и харчевен»²⁰². Обстоятельно рассказ о торговле и при ответе на вопрос 14 о армяках. Представлено и ирбитское ремесло — 12 видов, среди которых наибольшее развитие, по мнению авторов, имели кирпичное, сапожное и плотничное²⁰³. В целом авторы описания оказались на высоте требований XVIII в. и дали обстоятельное описание Ирбита и Ирбитской армяки, в чем-то даже превосходящие исследования XIX в.²⁰⁴ Данное описание имеет самостоятельный характер — прямых аналогов, говорящих о знакомстве авторов описания с работами Г. Ф. Миллера «Известия о сибирских торгах» (1755 г.), Х. А. Чеботарева «Гео-

графическое методическое описание Российской империи...» (1776 г.) и М. Д. Чулкова «Историческое описание Российской империи...» (1785 г.), не обнаруживается.

Более скромным выглядит торгово-промышленный облик Верхотурья. Согласно описанию все торговая деятельность верхотурских пороков сводится к перепродаже: «идут по другим округам, а особливо, что в городе Ирбите закупают для городских обывателей разные мелочные товары и харчевни припасы и продают в обширном торге изобилием... на крепостной стороне лавках; набивают в округ мягкую рухляды и переторговывают всего в городе на 20 тыс. рублей». Ремесла перечислено 10 видов, причем в сравнении с ирбитской номенклатурой перечислено двукратное число — живописание и изготовление отливной стальной посуды²⁰⁵.

Исторические достопримечательности указаны по Верхотурскому уезду — это реки Барыш и Татай, «в которые впадают на своих судах Ермак для сибирского казны»²⁰⁶. По описанию не сообщают ничего о каменном столбе в 128 верстах выше по Татаю от его устья, поставленном, по словам Г. В. Китаева, в память об одной из экспедиций Ермака²⁰⁷.

В целом научный характер «Топографического описания Пермского наместничества» выражен гораздо слабее, чем Тобольского. Будучи, безусловно, ценным источником по социально-экономической истории Сибири, оно тем не менее не стало источником сибирской историографии: в нем отсутствуют какие-либо концепции, схема истории основания сибирских городов, причины их возникновения и развития. Превалирует в нем данные носят в основном описательный характер и страдают отсутствием оценочных моментов. Описание таких сибирских городов, как Шадринск, Ирбит, Верхотурье, оказались неизвестны русской историко-географической науке конца XVIII—XIX в. — в словарях Л. М. Мокшанова, А. Щекатова, а также в работах Н. Эйгера, А. Хитрова²⁰⁸ не прикладываются значения данных описаний. Очень малое воздействие топографическое описание 1789 г. оказало

и на "Краткое историческое и топографическое описание городов Пермской губернии" 1802 г.²⁰⁹

История и современность сибирских островов, основанных в XVIII в., получили свое отражение в "Топографии Оренбургской губернии" П. И. Рычкова²¹⁰, этого "первого опыта регионального направления в топографии"²¹¹. Здесь приведены сведения об Исетском, Мехонском, Кривоторском, Мислевском, Баринском, Окуновском острогах и г. Шадринске. Одним из источников для автора служила "справка Исетской канцелярии", где записаны датируются основаниям населенных пунктов и современными характеристика. Все датировки приводились по старому стилю, что позволяет думать, что справку составляли на основе подлинных архивных документов. Введение в научный оборот датировок основания этих сибирских островов имело большое значение, ибо в "Описании Сибирского наместка" Г. Ф. Миллера они не приводились. Последующие исследователи получали искаженную, выверенную документами хронологическую схему освоения этой территории Западной Сибири. Описание Рычкова имеет конкретный характер, но в одном случае проследиваемся принцип, на основе которого он отличал города от сельского поселения. Рычков объясняет причину, почему Шадринская слобода стала называться "городом": "вследствии того, как в перенесенных книгах 1719 года, так и по бывшим разрядам, числится это место городом, а не острогом"²¹². Здесь мы встречаемся с ролью традиции, той самой, на которую ссылался житель небольшого городка Скопина в 1760-х гг., обосновавший свое право называться "горожанином"²¹³.

Описание П. И. Рычкова, наполненное цитатами и интересными сведениями по истории и хозяйственному развитию Юго-Западной Сибири, уже признаны в науке как ценнейший источник²¹⁴. Его "Топография..." сыграла также роль важного историографического источника в развитии русской историко-географической науки. Все словаря XVIII в., а также работы Х. А. Чеботарева в рассказе о поселении Исетского края почти полностью базировались на работе Рычкова. Он

был первым, кто ознакомил русскую и зарубежную науку с историей и экономикой этого уголка России: уже в 1771—1772 гг. "Топография Оренбургской губернии" были изданы на немецком языке в Галле, Родос и Ратс²¹⁵.

Говоря о произведении Рычкова, нельзя обойти молчаливом одну деталь, которая требует специального размышления. Дело в том, что такие массовые документы церковной статистики, как "ставленнические" дела Tobольской консистории XVIII в., называют в ряде случаев другие названия, чем те, которые показаны Рычковым в данных слободах и острогах, причем церковные документы в данных историка относятся примерно к одному и тому же времени²¹⁶. В ряде случаев это объясняется тем, что церкви имели для простота и получили свое название в работе Рычкова и в церковных документах по-разному.

Оценивая работу П. И. Рычкова в ряду наиболее топографических работ XVIII в., следует сказать, что, строго говоря, она относится к топографическим работам не 1780-х гг., а более раннего периода, которые П. М. Кабузан справедливо причисляет к "географическим и историческим описаниям, составленным по реформе 1775 г."²¹⁷. Со своей стороны обратим внимание, что и сам период, и предметы, и характер описания различных объектов очень существенно расходятся с авторским топографическим аспекты. Работа Рычкова напоминает более произвольные И. К. Кириллова "Цветущие состояния Всероссийского государства..."²¹⁸, чем топографические описания конца XVIII в. С этим связано и то, что в сравнении, например, с топографическим описанием Tobольского наместничества описанием сибирских островов в работе Рычкова имеет более констатирующий, чем объясняющий, характер: он приводит много цифр и фактов, говорящих о динамике развития так называемых "протогородских" поселений, но не дает объяснения этим процессам.

Заключившая данную главу, нельзя не сказать об "Описании Tobольского наместничества" А. Н. Радчица²¹⁹, которое было впервые издано и прокомментировано прекрасным зна-

таким сибирской рукописной исторической литературы А. И. Андреевым, а затем и А. Д. Шапиро²²⁰. Имея два обстоятельства и во многом точная характеристика данного произведения, показано его значение для науки, обращено внимание на то, что, "помимо печатных материалов, Радищев, несомненно, ознакомился в Tobольске и со многими рукописями, в том числе прежде всего с теми, которые давали сведения о современном состоянии Сибири", «в группе подобных материалов должно быть включено на первом месте "Топографическое описание Tobольского наместничества"». При этом «в плане построения радищевского "Описания..." чувствуется зависимость от "Топографического описания..."»²²¹. Безусловно, нельзя отрицать определенную "зависимость" произведения Радищева от топографического описания, но можно уточнить меру, объем, характер этой зависимости.

Радищев прибыл в Tobольск в декабре 1790 г. и пробыл там до 30 июля 1791 г., а само произведение написано в 1791 г.²²² Значит, Радищев был уже знаком со списком топографического описания 1790 г., которое, судя по словам составителя публикации 1982 г., должно было к этому времени быть полностью готовым. Ряд параллелей в текстах Радищева и списка 1790 г., общие сюжетные решения полностью подтверждают эту мысль; яркий пример тому — описание армации в Енисейске²²³. Но ряд обстоятельств заставляют задуматься о степени готовности текста 1790 г. в тот момент, когда Радищев мог с ним ознакомиться. Почему Радищев говорит только о армареях в Ирбите (который в то же относился к Пермскому наместничеству), Енисейске, Березове и Кахте, но молчит о армареях в самом Tobольске, Томске и Туруханске, о которых сообщает список 1790 г. А ведь, по словам современников, в Туруханске тогда был "не без значительный". Говоря о доходах казен в наместничестве, Радищев замечает: "мало что можно о нем упомянуть", ибо, "восматривая на все старания взоренной палаты для приведения сей казенной части в ясность, невозможно ей будет прежде двух лет распутать то, что сорок лет запутывать старались"²²⁴. И да-

лее все "израдовчисление сей губернии" он производит по данным третьей ревизии (1764 г.), хотя в списке топографического описания 1790 г. приводятся подробные данные об окладных и неокладных расходах уже на 1789 г.²²⁵ Обращает на себя внимание также разница в самом построении описания по пунктам описания о Петербургской губернии и Tobольском наместничестве: скорее по своей структуре поразило ближе к типу топографических описаний. Все это еще раз убеждает в том, что и после 3 февраля 1790 г. — даты, поставленной под описанием г. Туруханска и его уезда, — работа над топографическим описанием не закончилась и выжала необходимость указать Наместническому правлению от 30 августа, о чем свидетельствует автоложное описание Туруханска, рассмотренный выше. К декабрю 1790 г. данное состояние вряд ли выглядело таким, как оно представлено в публикации 1982 г.

Рассматривая топографические описания 1790 — начала 1790-х гг. как источники русской урбанистики, можно выделить ряд формальных и содержательных признаков, которые определяют их суть в исторической преемственности развития казен: 1) четкое научное определение местоположения города по отношению к микро- и макроландшафту с определением долготы и широты места, 2) строку и подробную формально-понятки "горы" как поселения, ограниченного в пространстве и в демографической структуре, 3) выделение исторической части описания как одного из основных компонентов структуры казен, 4) трактовку современного состояния города прежде всего как торгово-промышленного и аграрного центра своей округи, связанного системными связями с другими городскими центрами Сибири.

Заключительная аннота топографических описаний как историко-географических источников, нельзя не сказать и о том, что это прекрасные и малоизученные источники по истории русской литературы Сибири. Литературный стиль топографических описаний характеризуется высокой степенью научной объективности и точности, с одной стороны, и определен-

ним литературным нашествием — с другой. Наиболее заметно это проявляется в описании природы, обычно природы. Вот как, например, описывается белая ночь в Туруханске: "В городе с апреля по июль месяц ночи так светлы, что почти ничем от дня не разнятся, тогда солнце не заходит, но только в ночное время скрывает лучи свои не более как на два часа и бывает в то время видом красно, и можно смотреть ни нево глазами свободно"²²⁶. Многие сибирские территории первой половины XIX в., например Н. С. Щукин, были знакомы с топографическими описаниями конца XVIII в., и в этом плане вырисовывается интересная литературно-географическая проблема.

ГЛАВА IV

ГОРОДА СИБИРИ В РУССКИХ ЭНЦИКЛОПЕДИЯХ И СЛОВАРЯХ XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Первым по времени российским географическим словарем были миллеровская "Руководящая губерниям, провинциям, городам..." (1757 г.)¹, в которой перечислено 85 сибирских городов и островов. Формуляр описания прост: административно-территориальная принадлежность и расстояние до губернских и провинциальных городов. Вторым по времени издания был словарь Ф. Полунина (1773 г.)², сибирские статьи которого написаны Г. Ф. Миллером. Общий список городов и островов, приведенный в этом издании, состоял из 76 названий, причем датировки основаны даны 39 поселением. В словаре Полунин использовал формуляр описания двух типов: краткий и обширный. Для краткого описания были обязательны указания на административный статус поселения и его ведомственную принадлежность, местоположение по рекам, расстояние до ближайших городов и функциональность поселения. В состав

общирного формуляра включались сведения по истории, современному социально-экономическому развитию города и его достопримечательности. В основу обширного формуляра был положен вопросник дател 1760-х гг. Все городские поселения Сибири описаны по обширному формуляру; при описании островов и слобод совмещались два типа формуляра. Краткий формуляр использован в описании 32 городов, островов и слобод.

В словаре Л. М. Максимовича (1788—1789 гг.)³ общий список сибирских городов и островов расширился до 83 названий, причем был явно выражен интерес к населенным окрестностям Сибири. Датировки описания давались уже 42 поселением. По своему типу формуляр словаря Максимовича был такой же, что и в предыдущем издании. Лишь в двух случаях — по Запашевскому и Балаганскому островам — состав формуляра заметно расширился. Наблюдаются также разночтения в написании некоторых поселений. Так, Усть-Кутский острог в Киренском уезде упоминается как в длинной форме, так и в форме "Иркутский". В другом случае Максимович допустил ошибку, которая потом не раз повторялась в изданиях XIX в. Он совмещал в одно два разных поселения — Ишимский острог и устье р. Ишим и с. Ишим, бывшую Коркину слободу в среднем течении р. Ишим⁴.

В словаре В. Н. Татищева (1793 г.)⁵ названо всего 62 сибирских городов и островов, из них проатрировано только два — Верхотурье и Енисейск. Трудно обвинять Татищева в незнании Сибири, но, видимо, издатели словаря не вывели список городов и островов. Наряду с реально существовавшими островами, например Баргузинским и Ангарским, в список были включены еще и "Боргузинский" и "Якудирский", причем Баргузинский острог отнесен к Иркутскому уезду, а "Боргузин" — к Даурии; наряду с Албанином — "городом в Даурии, на левой стороне Амура" — приведен и "Арбузинский" острог в Даурии из р. Арбузи в Селенгинском дистрикте. В описаниях преобладает краткий формуляр. Длинное

этого словаря не получили распространения ни в XVIII, ни в XIX в.

Энциклопедический XVIII век завершился изданием семитомного словаря А. Шекстова (1801—1809 гг.)¹⁸, первый том которого издавался еще совместно с Л. М. Максимовичем. В этом словаре было перечислено 84 сибирских города и острога, основанных в XVII в. Промитировано из этого списка 46 поселений. Формуляр опечаток во многом повторил словарь Максимовича, но по ряду вопросов он был существенно расширен. Кроме того, в словаре Шекстова была исправлена ошибка Максимовича в отношении Ишимского острога и г. Ишима.

Определенную сложность пережила датировка городов и острогов Сибири в представленных энциклопедиях. Зная об участии Миллера в составлении и издании словаря Полункина, логично было бы предположить, что данный словарь повторяет датировки историка. Однако датировочная схема словаря Полункина оказалась более сложной. С датировками Миллера датировки словаря совпадают 23 раза, Фишера — 15; не совпадают с данными Миллера в четырех случаях, а с данными Фишера в шести. Новых датировок в сравнении с работами Миллера приведено 13, а Фишера — 23. Не совпадали датировки в отношении Енисейска, Кузнецка, Туруханска и Кетска. При этом если для Енисейска и Кузнецка характерно уменьшение возраста города на один год — 1618 и 1617 гг., то для Туруханска и Кетска, наоборот, сокращение — 1609 и 1608 гг. Год 1618-й как дата основания Енисейска присутствует в отчетах Енисейской канцелярии на анкету 1761 г.; 1617 г. как дата основания Кузнецка идет свое происхождение от устной традиции местных жителей; год основания Кетска — 1608-й — встречается в некоторых летописных произведениях. Все эти даты были подвергнуты критике Миллером в его "Истории Сибири". Они противоречили всей системе источниковедческих решений Миллера. Ряд датировок основания острогов, особенно поселений Оренбургской и Исетской провинций, были взяты у П. И. Рамкова. Даты ос-

нования Верхнеудинска, Киренска, Нижнеудинска, Усского, Умравинского и Уртанского острогов до этого вообще не встречались в литературе XVIII в. В целом можно говорить, что по своим датировочным решениям словарь Полункина близок к работам Миллера¹⁹.

Дальнейшее развитие проблема датировки получила в словаре Л. М. Максимовича. В общей сложности в этом словаре и словаре Ф. Полункина датировки совпадают в 33 случаях и лишь в четырех — для Верхнеудинска, Кузнецка, Мангиза и Солонгидска — расходятся. И происходит это в результате изменения источниковой базы. В то время, когда работал Максимович, появились новые источники, которые приобрели в его глазах большой авторитет, чем прежние документы и научные работы, — топографические описания Толбачевского и Иркутского наместничеств. Именно эти источники, как уже было показано выше, легли в основу описания и датировки Верхнеудинска, Иркутска, Нижнеудинска и Туруханска. Но нельзя сказать, что этими источниками Максимович пользовался критически, сопоставляя их с предыдущими и выявляя какие-то основные критерии. По Верхнеудинску рассказ об основании города достоверно полностью воспроизводится из топографического описания, при этом отбрасывается совершенно твердая дата — 1670 г., которая приводилась в словаре Полункина. Точно так же полностью повторена начальная история Иркутска. В отношении же Нижнеудинска произошло слияние двух разноречивых частей — из топографического описания и словаря Полункина. Наиболее ярко "эксцентризм" Максимовича проявился при описании Туруханска. Если в словаре Полункина четко выделялись друг от друга истории Мангиза и Туруханска (Мангизан основан в 1600 г., Туруханск как зимовье — в 1609 г., а город отстроился там в 1672 г.), причем без упоминания пороски и маганга, то в словаре Максимовича приходится только одну дату — 1601 г. как год основания Мангиза; когда же основано Туруханское зимовье, а затем город, Максимович не знает. Более того, он воскрешает уже отвергнутую в свое время

Мидлером и другими суровскими учеными версия о магазине, построенном якобы в тех местах для "приманивания" острогов, досконально воспроизведена публикацией 1788 г. и дополнена рассказом о самом городе сделаным из топографического описания. В описании Туруханства наиболее заметен разрыв с традицией словаря Полунина; сама же дата — 1601 г. принадлежит к системе датировок не Мидлера, а Финшера. Расхождение в определении даты Селенгинска произошло скорее всего из-за типографской ошибки. Дело в том, что в некоторых изданиях словаря Полунина вместо "1601" прочтительно "1656". Это именно опечатка, ибо источники у Ф. Полунина и Х. А. Чоботарова одни и те же, а у последнего как раз стоит дата 1601 г. Она была повторена и в словаре Максимовича.

Из датировок, принципиально новых в научной литературе XVIII в., впервые введенных в научный оборот именно Максимовичем, можно назвать дату основания Анадырского острога — 1649 г. Ни Мидлер, ни Финшер, ни другие исследователи XVIII в. в своих публикациях нигде прямо не называют эту дату — она приводилась лишь в рукописной записке Ф. И. Соймонова (1764 г.)⁸. Однако, по-видимому, эта дата была достаточно широко известна. Примечательно, что ее называет Ф. И. Лангас в своем сочинении, которое появилось за тысячи верст от столицы в одно время с изданием словаря Максимовича.

В "Лексиконе" В. И. Татищева приводилось лишь две даты основания сибирских городов: Енисейск — 1618 г. и Якутские — 1584 г.⁹ И если первая датировка восходит к запискам 1760-х гг. и словарю Полунина, то вторая не имеет аналогов в литературе ни XVIII, ни XIX в.

Линию словаря Максимовича продолжил словарь А. Щекатова: из 46 датировок 39 совпало с датировками предыдущего словаря. Помимо этого широко использовались сведения словаря Полунина и других научных изданий XVIII в. Из принципиально новых, впервые введенных в научный оборот датировок следует отметить две — Анадырского (1679 г.)

и Суерского (1762 г.) острогов. Но если датировка первого еще как-то соотносится с историческими данными, то в отношении второго совершенно ошибочна. Восток в трех словарях были приведены одинаковые датировки по 38 сибирским городам и острогам, возникшим в конце XVI—XVII в.; по пяти поселениям датировки были общими для словарей Максимовича и Щекатова; в одном случае (Туруханск) они одинаковы для словарей Полунина и Максимовича. Ни один из трех словарей не привел датировок основания 14 городов и островов (Алтайский, Байкальский, Баргузинский, Булунтский, Верхне-Сибирский, Верхне-Иртышский, Илимский, Иртышский, Оленекский, Тугурский, Усть-Кутский, Чечуйский, Якутский и Якутгорский), хотя даты их основания уже встречались в научных публикациях (большая часть в работе Финшера), не говоря уже о рукописных сочинениях.

Все исследователи, в том числе Л. В. Милов, детально анализировавший словарь Щекатова¹⁰, подчеркивают многослойный, многообразный характер источниковой базы всех этих словарей, их определенную взаимосвязь и преемственность. В связи с этим возникает вопрос о достоверности описаний сибирских городов, о степени соответствия сведений, приводимых в словарях, историческим данным. Не имея возможности проследить эту преемственность и соответствие по всему комплексу описаний, я остановлюсь лишь на том, что характеризует уровень социально-экономического развития города в любую эпоху: это данные об объектах хозяйственной, культурной и социальной торговли и ремесла. Как видно из табл. 5, все описания можно условно разделить на несколько групп. Первую группу составляют описания, в которых данные о числе домов восходят к сведениям Мидлера, полученным им во время сибирского путешествия 1734—1742 гг. Согласно данным Мидлера, в Енисейске в 1735 г. насчитывалось 704 обывательских дома¹¹; эта цифра показана во всех трех словарях, хотя уже во время издания словаря Полунина она не соответствовала действительности. В отношении Енисейской

оказались значительно завышены: в 1790 г. в городе было лишь 1436 домов, к 1797 г. — 1574, а в 1806 г. — 1556²¹. Само описание торговли в словарях Полунина и Максимовича идентично; в словаре же Щекатова оно дополнено некоторыми сюжетами из топографического описания 1790 г., в частности о ремесле. К этой же группе относятся и описания Березова и Норенска.

Третью группу составляют описания, общие для словарей Полунина и Максимовича, но расходящиеся с данными как Миллера, так и Щекатова. По материалам анкет Миллера Верхотурье, как пишет М. М. Громыко, "вырисовывается как небольшой городок с 431 двором"²². Однако в словаре Полунина появляется цифра 250 обывательских домов, повторенная затем у Максимовича²³. Это наводит на мысль, что показывала третья ревизия (1763 г.) — 340 домов²⁴. В словаре Щекатова повторена цифра топографического описания 1789 г., хотя она также не соответствовала действительности начала XIX в., когда в городе насчитывался 451 жилой дом²⁵. Повторяются и данные о числе населения по четвертой ревизии. Описание самой торговли в словарях заняло немного места. В словарях Полунина и Максимовича этому была посвящена, по сути дела, одна фраза о том, что "здесь осматривают все идущие в Сибирь и из оной возвращающиеся, и берет с них в казну пошлины десятая часть". Словарь же Щекатова констатирует, что "как в 1734 году... внутренние тамошние сборы отменены, то и здание тамошней в гостинного двора стало не нужным, и так осталось без употребления, почти все разрушалось"²⁶. К этой же группе описаний относятся и сведения по Туринску и Тюмени, причем, если данные Полунина и Максимовича по Туринску восходят к ревизии 1744 г., то данные Щекатова — к 1763 г. Несколько сложнее обстоит дело с данными по Тюмени. Л. В. Милов считает, что статья "Тюмень" в словаре Щекатова «содержит статистические данные по городу и уезду, взятые из "Дисциплинарных записок" И. Лепехина, т. е. хронологически по более ранним материалам (1771 г.)»²⁷. Это касается сведений о числе строений

и населения, но в описании тюменской торговли уже имеются некоторые аналогии с текстом топографического описания 1790 г.

Четвертая группа включает описания, общие для работ Миллера и Полунина, но отличающиеся от приведенных в словарях Максимовича и Щекатова. Л. В. Милов считает, что "описание г. Тобольска составлено по топографическому описанию Тобольского наместничества 1733—1734 гг."²⁸. У меня это вызывает сомнения, прежде всего в отношении числа обывательского строения и населения. Показанная в словаре Полунина цифра — 3012 обывательских домов — восходит к промерам Тобольской палатмейстерской канторы от 18 октября 1740 г. на анкету Миллера²⁹. Данные же словаря Максимовича относятся к временам после страшного пожара 1757 г., унесшего в своем пламени 817 жилых домов. Цифру Максимовича повторяет Щекатов, хотя в конце века обывательских домов было намного больше³⁰. Точно так же из словаря Максимовича к Щекатову переходит и данные о количестве населения — 16269 чел., хотя, как видно из исследований В. М. Кабузана и С. М. Трошского, они не относятся к четвертой ревизии³¹. Текстуальный анализ словарей Максимовича и Щекатова, а также анализа топографического описания 1785 г. позволяет говорить, что принятым источником для Щекатова было не топографическое описание, а именно словарь Максимовича. Влияние же топографического описания проявилось не прямо, а через словарь Максимовича, который к тому же много borrow из словаря Полунина.

Описание Щекатова интересно и другим обстоятельством: как и Максимович, он особо выделяет три группы тобольских жителей — "ссылочные или их потомки", купцы и ремесленники, которых "хотя здесь и много... однако же можно утверждать, чтобы они особенную и работу имели склонность..."³². В словаре Полунина такой характеристики тобольских ремесленников еще нет, но описание удивительно напоминает отрыв А. Н. Радншова о мастерах Тобольска³³. Слова Радншова из "Описания Тобольского наместничества", написанно-

но в 1791 г., не могли быть известны Максимовичу и Щекотову. Однако такая характеристика тобольских жителей давалась еще до Максимовича в работе французского аббата Шало "Путешествие в Сибирь..." (Париж, 1768), хорошо известной в России и даже послужившей причиной создания историко-публицистического произведения "Антипод (Противоположен)" (Сиб., 1776), вторая часть которого была посвящена разбору высказываний Шало о городе Тобольске, его жителях, русских нравах и т. д.³⁴ К этой же группе оценок относятся данные о Верхнеудинске, Таре и Якутске³⁵.

Поселенную группу, представленную в нашем ряду всего одним Иркутском, составляют описания, в которых данные словарей не повторяют друг друга. Согласно Мадлеру, в городе было 939 обывательских домов³⁶. Словарь Ползунина, возможно, округлил эту цифру — "близ тысячи", а Щекотов назвал уже 1308 домов³⁷. Однако данные Ползунина никак не могут быть отнесены ко времени третьей ревизии, ибо в 1769 г. в Иркутске было 1133 жилых дома³⁸. Сведения же словаря Щекотова, относившиеся некоторыми исследователями к 1791 г.³⁹, скорее всего принадлежат к более раннему времени, ибо в "Топографическом описании Иркутского наместничества" 1792 г. показано "принадлежащих частным лицам" девять каменных и 2004 деревянных дома⁴⁰. Расхожее название словарей и в отношении количества населения города: в словаре Ползунина называется 2864 купца, у Максимовича — уже 4772 жителя, а у Щекотова — "с лишком десять тысяч душ" обоего пола⁴¹. Судя по современным данным, в словаре Максимовича фигурирует число душ, помещенных в склад по ревизии 1744 г., а у Щекотова — по четвертой ревизии⁴². Различается и само описание торговли. В словаре Ползунина торговля деятельностью города охарактеризована двумя строками: "В разсуждении торгу с китайцами дашней город пред всеми сибирскими городами извлекшийший, и потому богатых мехами, купцами и мастеровых людей здесь много. Купцы торгуют в пространном, но деревянном гостинном дворе, построенном на берегу реки Ангары"⁴³. Такая характеристика

имеет прямую связь с работой Мадлера "Известия о торгах сибирских", где историк писал, что "того ради от часу в год умножаются в нем жители", "понеже там кроме купечества и рукодельным людям довольно есть пропитания..."⁴⁴. В словаре Максимовича "заключенность" жителей сводится только к "притому принадлежащих им на Кяхте знатных обменных торгов с китайцами, бухарцами и мугалами"⁴⁵. Словарь Щекотова воспроизводит уже многое из топографического описания 1792 г., уделяя значительное место развитию ремесла, дословно повторяя текст из "Топографического описания Иркутского наместничества"⁴⁶.

Таким образом, проанализировав описания торговли и ремесел, данные о числе обывательского населения и жителей в сибирских городах, можно констатировать, что в большинстве случаев рассмотренные словари не могут быть верными источниками по конкретной социально-экономической истории сибирского города, ибо их сведения отстояли от реальной действительности на 30 и даже 50 лет. Издатели и составители словарей не знали многих современных им данных и ориентировались на предшествующую литературу, очень часто пересказывая текст предшественника в свое издание. Полному источникам близ эти словари достаточно сложным, ее образуют не только статистические данные, но и широкий круг опубликованной и рукописной литературы. Отказывая словарям в значении источников по конкретной социально-экономической истории, следует признать их значение как историко-географических источников, ибо через них осуществлялась преемственность и развития исторической литературы XVIII в., именно они связывали научную традицию с рукописной литературой. Кроме того, словари являются оригинальным памятником русской культуры того времени, ибо через них русское общество в большей мере, чем через специальную научную литературу, ознакомилось с историей и современным бытом городов Сибири. И здесь определенный интерес представляют описания памятников истории, культуры и архитектуры в городах Сибири.

Восемнадцатый век в истории русской архитектуры был переломным временем. В этот период складываются и зримо проступают новые принципы планировки и застройки городов, внешний вид города становится все более "лифляндным" и архаично-торжественным, происходит смена стилей и направлений, рождается новый национальный стиль в архитектуре, появляются первые научные труды по русской архитектуре, широкое развитие в живописи получают "проекты" и "взгляды" российских городов⁴⁷. В 1770 г. напечатана серия гравюр с видами русских, в том числе сибирских, городов, исполненных художниками, прикомандированными к Маллеру во время сибирской экспедиции⁴⁸.

Все шире становится описание городских достопримечательностей Сибири. В словаре Подунина этот сюжет занимает еще немного места: упомянуто о смысле князя Монского в Березов, отмечено количество ступенек на лестнице между верхним и нижним городом в Тобольске, описаны беспорядочность застройки улиц и неблизкостроительство домов в Якутске. Все эти наблюдения, естественно, были взяты из записок путешественников, но не всегда повторяли их. Так, в отношении Иркутска словарь Подунина отмечал "изрядно построение" обязательские дома, хотя современники считали, что городские дома "были скромные, жилища без украшений..."⁴⁹. Главным объектом внимания в словаре Подунина было, безусловно, описание городских укреплений, рублевых и острожных. В словаре Максимовича эта тема получает дальнейшее развитие: по Тобольску рассказ о городе дополняется замечанием о хорошей планировке улиц, "прекрасном виде" города с реки — "отменно красивый город"⁵⁰. Для Туруханска описываются беспорядочность обязательского строения и улиц, устройство изб и оконных изю льда. Эти детали в словаре Максимовича позаимствованы не из топографического описания по списку 1790 г. и даже не из рукописи Н. М. Волгановича о Туруханске, а из "Географического описания города Мангазьи с его уездом", опубликованного в 1788 г. Вид города Якутска, "строение оного и внутреннее ук-

репление, которое по состоянию и недостатку художников можно почесть за отменное", приводятся со слов капитана Н. Исленкова.

Наиболее полно памятниковедческий аспект сибирского города отражен в словаре Щекатова, который не только повторил все характеристики предшествовавших словарей, но и для новых. Так, при описании Березова в качестве достопримечательности была отмечена часовня Александра Невского, внутри которой рос кедр, но о славном А. Москвитине, с чьим именем была связана эта часовня, не было уже ни строчки. В Енисейске замечено "предлиточное величествене городских церквей"; в Красноярке — колокол, присланный в город в 1680 г.; в Селенгинске сказано, что он "с реки... нисет вид прекрасный"; Тара — город "строением не куз"; в расказе о Тюмени упомянута пушка Ермака, сохранившаяся в городе. Все описания сибирских городов, характеристики городских достопримечательностей в словаре Щекатова воспроизводились репродукциями с гравюр и картин сибирских городов, сделанных во время сибирского путешествия Маллера. Поэтому словарь XVIII — начала XIX в. по праву могут рассматриваться как источники по истории русской культуры, собравшие в себя сведения о памятниках архитектуры и достопримечательностях сибирских городов.

Заключившая исследование русских историко-топографических словарей, следует остановиться на связи между их составлением и анкетированием в России второй половины XVIII в. Для большинства исследователей такая связь несомненна. Однако возникает вопрос, какие анкеты — Академии наук, Сухопутного шляхетского кадетского корпуса или топографические — положены в основу описания сибирских городов. Анализ формул описаний в словаре Подунина позволяет сделать вывод, что в основу был положен вопросник Академии наук. Об этом говорит тот факт, что во всех описаниях, за исключением двух случаев (по Иркутску и Якутску), дается история основания города, что не требовалось по ан-

зете Академии наук. Кроме того, в описании некоторых городов, например Туруханска и Якутска, в словаре Ползунина приводились сведения о северных сияниях и полярной ночи, что опять же не было характерно для вопросника анкеты Академии наук. По вопроснику академической анкеты требовалось дать сведения о том, "на какой реке или озере город построен и на которой стороне по кампасу или по реке вниз, на обеих берегах или на островах"? В словаре Ползунина дана более подробный ответ на этот вопрос, включающий сведения по вопросам 3 и 4 топографического описания: "на какой реке и на которой по течению стороне, и какая она, северная или левая" и "чем окружаста: горами, лесом или степью"? (см. приложение). Но это, по-видимому, объясняется не тем, что Ползунин что-то замечкавал на топографический анкету, а тем, что подобный вопрос уже был сформулирован Миллером в анкетах 1734—1742 гг. Новым вопросом в формуляре описания словаря Ползунина по отношению к предшествующим анкетам, в то же время как бы предвосхищавшим будущую анкету 1780-х гг., является вопрос о "достопримечательностях" и "замечательностях" городов. В целом описание сибирских городов в словаре Ползунина соответствуют ответам на вопросы 1—4, 11, 12, 18—21 и 24 анкеты Суховитового шихазетского кадетского корпуса. Однако не по всем сибирским городам выдержан этот полный формуляр описания (см. приложение). В основу же словаря Максимовича, а затем словаря Щекотова был положен уже формуляр топографической анкеты, хотя по отдельным описаниям сохранился порядок анкет 1740-х гг. Кроме того, в этих словарях появились описания, которые по своему формуляру трудно отнести к той или иной анкете.

Вопрос о преемственности описаний сибирских городов в трех названных словарях представляется на первый взгляд довольно простым. Для М. Волгарского и Н. П. Никитина словарь Максимовича и Щекотова — это второе и третье издания Ползунина²¹; С. С. Иллариов согласен с этим только насчет словаря Максимовича, а в отношении Щекотова считает, что произошедшее воспринят к Татищеву²²; Л. В. Милов, не

отрицая общей преемственности словаря Щекотова с предыдущими изданиями, все же подчеркивает его самостоятельный характер²³. Не говоря о всех статьях, я коснусь описаний городов Сибири — здесь возникает следующая картина. В словаре Максимовича текстуально полностью переносится из словаря Ползунина описание городов Верхотурья, Енисейска, Красноярска, Кузнецка, Норчинска, Селенгинска, Сургута, Троицка, Туринска и Тимени. С небольшими редакторскими правками по цифровому материалу перенесено описание Тары, по Березову редакторская правка коснулась достопримечательностей города. Полностью разрыв словаря Максимовича с его предшественником произошел в отношении Иркутска и Нижнеудинска, в словаре воспроизведен текст топографического описания этих городов. В отношении же Якутска, Киренска, Тобольска и Туруханска в описании Максимовича были уже совмещены тексты словаря Ползунина и топографического описания. Еще более расширена источниковая база в описании Якутска, куда вошло текстов Ползунина, топографического описания включены более ранние известия, восходящие к ответам на анкету 1760-х гг. Еще более сложной и разносторонней была источниковая база словаря Щекотова.

Следует признать самостоятельный характер описаний сибирских городов во всех трех словарях. Расширение источниковой базы за счет новых фактов и данных способствовало более полной и верной характеристике городов Сибири как социально-экономических центров. Поэтому и в теоретическом плане можно говорить об определенной самостоятельности изданий. Имеющаяся в словарях текстуальная и тематическая преемственность следует рассматривать не как механическое повторение одного и того же знания, а как более сложное явление. Любая энциклопедия дает "канонизированное" знание и в этом плане не может обойтись без тесной преемственности с предыдущим изданием. Кроме того, следует учитывать характер всей научной исторической литературы XVIII в., в которой из одной работы в другую "копировали" она и те же сюжеты и факты. Это общая черта XVIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На приведенном в книге материале хорошо видно, что историко-географический процесс как процесс появления и распространения исторических знаний, превращения их из отдельных известий в систему знаний, в науку сложен и неоднозначен. Историческое знание каждой эпохи представляет собой довольно сложное знание познаний современников, где каждый этап нуждается в четком определении, в изучении его взаимодействия с другими составляющими единого целого.

Можно сказать, что самый первый этап исторического знания образуют знания об историческом прошлом страны или края, которые имеют широкое "бытовое" хождение среди той части населения, которая не обладает особыми книжными познаниями. Именно сюда относятся устные народные предания и легенды. Высшей точкой развития этой формы знания, безусловно, являются рукописные летописи, повести и записки, которые составляются на местах и посвящаются истории края. Точны они или нетверны, тем не менее определенным образом влияют на формирование первоначального каркаса исторического знания как системы, как профессионального знания, как науки.

Второй этап исторического знания составляют те представления и знания, которые бытуют среди определенного слоя населения, мировоззрения и круг интересов которого базируются уже не только на традиционной культуре, но и на книжной. Историческое знание этого этапа может быть представлено в различных формах — научные труды, историко-географические описания, основанные на личных впечатлениях, а также преемствующих рукописных сочинениях. Дан-

ные литературные формы не обладают предметностью знания ни между собой, ни по отношению к прошлой традиции. Обычный метод работы ее создателей — выборка каких-то одних, определенных известий из общей суммы знания. Безусловно, это уже зарождающиеся системы знания как науки, но это еще не сама наука. Именно к этому этапу исторического знания можно отнести работы Х. А. Чоботарова, статьи в первых географических словарях, географические описания 1760—1790-х гг.

И наконец, третий, верхний этап историкографии составляют те научные публикации и рукописные труды, в которых не только излагается современное научное знание, но и дается анализ преемствующего знания, когда отношение к прошлому знанию выражается в форме интерпретации рационального зорки преемствующего знания. В XVIII в., когда уровень профессионального мастерства историка как ученого был еще недостаточно высок, творцами науки могли быть не только титулованные "историкографы", профессиональные литераторы, но и просто достаточно образованные и культурные люди. Поэтому можно с полным правом включить в эту группу не только Миллера, Финкера, Ричмонда, но и таких историков "непрофессионалов", как Ф. И. Лавинский, А. И. Лосев и др., а также многих неизвестных составителей и авторов различных топографических описаний Сибири. Без широкого круга научных работ историческое знание не превратилось бы в науку XVIII в. Поэтому для сибирской урбанистики XVIII вех — это не просто время, когда закладывались основы научной разработки истории, но и период интенсивного развития, когда не только накапливались и интерпретировались те или иные факты, но и вырабатывались методология и методика работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

введение

- ¹ Федор Д. Я. Очерки истории научения сибирскому городу конца XVI — первой половины XVIII в. — Новосибирск, 1962.
- ² О постройке города правды в России конца М. Шорбатов и Н. Шорбатов А. Рязанова. Факсимильное издание. — М., 1985. — С. 127.
- ³ Шаров Д. А. Научение русских феодальных городов в советской исторической науке 1917 — начала 1920-х годов // ИС. — М., 1970. — Т. 38. — С. 289—297.
- ⁴ Остроумов В. М. Очерки истории Сибири до начала XIX века. — Иркутск, 1929.
- ⁵ Шаров Д. А. Научение русских феодальных городов. — С. 281.
- ⁶ Лихачев Д. С. Кольцо Огюста // Огонек. — 1938. — № 34. — С. 17.
- ⁷ Давыдов С. В. Тайный арест // Ист. Иркутского гос. ученого музея. — Иркутск, 1937. — II (LXIV). — С. 167—177.
- ⁸ Савинков В. А. Исторический очерк Приамурского края. — Красноярск, 1926. — Ч. 1; Гуреев Д. П. Приамурье. — Верхнеудинск, 1922; Колесников Л. М. Русская колонизация Зауралья в XVIII—XVIII веках // Урал, каменный век. — Свердловск, 1926. — Вып. 3, к. 1, С. 1—19; Он же. Золотые Тугайские горы. (Историко-экономический очерк) // Материалы по истории Тугайского округа. — Талов, 1926. — Вып. 2. — С. 4—36; Сергеев Н. А. Красноярский край. — Красноярск, 1940; Тугайские горы. В. Тугайский край, Заиниженский округ с географическим очерком. — Красноярск, 1920.
- ⁹ Давыдов С. В. Иркутский острог. — Иркутск, 1929; Мамонтов Я. С. Иркутский острог. (Историко-археологический очерк) // Ист. Об-ва научения Восточно-Сибирского края. — Иркутск, 1936. — Т. 1 (LVI). — С. 6—25; Кудряков Ф. А. Ф. Календарь жизни до сибирского Иркутска (1652—1920). — Иркутск, 1940; Гуреев Д. Описание и географический очерк города Верхнеудинска // Жизнь Восточной. — Верхнеудинск, 1925. —

- № 9/12. — С. 116—117; Колесников Л. М. Очерк истории города Верхнеудинска. — Верхнеудинск, 1922; Мамонтов Я. С. Иркутский острог. — Иркутск, 1936; 1618—1918. — Екатеринбург, 1923; Давыдов С. В. Очерк по истории города Верхнеудинска. (X 275-летие города и окрестности 1925 г.). — Новосибирск, 1929; Мамонтов Я. С. Иркутский острог. (Историко-археологический очерк) — Иркутск, 1936; Я. Г. Город Верхнеудинска. (Материалы по истории города Верхнеудинского края) // Сб. материалов к научению Якутия. — Якутск, 1922. — Вып. 1. — С. 3—7; Третьяков Л. М. История города Красноярского. 1628—1928. — Красноярск, 1928; Колесников Л. М. Описание и история Красноярского // Сибирский пог. Красноярск... на 1929 год. — Красноярск, 1929. — С. 1—66; Савинков В. А. Красноярский бунт конца 17 века. Исторический очерк // Ист. домское дело. — Красноярск, 1919. — № 11/18. — С. 6—10; Савинков В. А. Крайний обитатель в Красноярском // Нов. Красноярского отд. РГО. — Красноярск, 1925. — Т. 3, вып. 1. — С. 31—50; Он же. Третьяков Л. М. История города Красноярского. — Т. 3, вып. 1. — С. 3—18; Савинков В. А. История. Географический очерк. — Новосибирск, 1929; в др.
- ¹⁰ Мамонтов Я. С. История Сибири. — М., Л., 1927—1941. — Т. 1—2.
- ¹¹ Колесников Л. М. Колонизация Восточного государства в Якутии XVIII в. — Л., 1936.
- ¹² Колесников Л. М. Кол. Тал. — Л., 1930; Давыдов С. В. Тугайский край как особый район в физико-географическом и историко-экономическом отношении. — Красноярск, 1925; Мамонтов Я. С. Давыдов С. В. Тугайский край как особый район // Физико-географический очерк. — Омск, 1943. — Кн. 3. — С. 116—120.
- ¹³ Давыдов С. В. Проблемы социально-экономической истории России XVI—XVIII вв. в трудах С. В. Давыдова (1882—1950). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1970. — С. 5.
- ¹⁴ Там же. — С. 16.
- ¹⁵ Рязанова А. Н. Сибирские земли в Западной Сибири XVII века. — Новосибирск, 1968. — С. 8.
- ¹⁶ Мамонтов Я. С. Историко-географический очерк истории и культуры в Сибири XVII в. // Историко-географический очерк Сибири конца XVI — начала XX в. — Новосибирск, 1964. — С. 124.
- ¹⁷ Давыдов С. В. Очерк по истории городов буржуазно-демократической России XVIII—XVIII вв. — Л., 1927.
- ¹⁸ Третьяков Л. М. Историко-географический очерк истории Якутии XVIII века // Колонизация Восточного края. — С. XVIII, XIX.
- ¹⁹ Кудряков Ф. А. Восстание крестьян, казаков и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. — Иркутск, 1939. — С. 5.
- ²⁰ Шаров Д. А. Очерк по истории колонизации Сибири в XVIII — начале XVIII века. — М., Л., 1946; Он же. Географический очерк сибирского земледелия в XVIII веке // ИС. — М., 1930. — Сб. 31. — С. 210—235; Он же. География земледелия в Сибири XVIII в. // ИС. — М., 1932. —

СБ 31. — С. 180—200; *Он же*. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). — М., 1956; *Он же*. Вопросы аграрной истории России. — М., 1974.

² Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начале XVIII в. (Исторический аспект). — М., 1964; Бартоло О. М. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. — М., 1967; Города феодальной России. — М., 1959; Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. — Новосибирск, 1965; Копылов А. И. Русские на Енисее в XVII в. — Новосибирск, 1963; Шеларовский В. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. — М., 1972.

³ См.: Александров В. А. Объяснение Ученого совета по истории-филологии и филологическим наукам Сибирского отделения АН СССР (состоявшегося 70-летие со дня рождения акад. АН СССР Виктора Ивановича Шеларовского). — Новосибирск, 1970.

⁴ Шеларовский В. А. Очерки по истории земледелия Сибири. — С. 37.

⁵ Шеларовский В. А. Вопросы аграрной истории России. — С. 84.

⁶ Шеларовский В. А. Очерки по истории земледелия Сибири. — С. 97.

⁷ Покровский Н. И. Землеустроительные дела в восточной Сибири в XVII веке // ИРСССР. — 1960. — № 2. — С. 166.

⁸ См.: Землеустроительные и хозяйственные реформы в СССР. История и хронологическое развитие. — М., 1987. — С. 414—418.

⁹ Иофе Л. Е. Города Урала. — М., 1981. — Ч. 1: Феодальный период; Давыдов В. А. Формирование провинциальной сети восточной Сибири. — Иркутск, 1958; *Он же*. Города восточной части Восточной Сибири. (Историко-географическое описание) // Тр. Вост.-Сиб. отд. СО АН СССР. — Иркутск, 1958. — Вып. 28.

¹⁰ Александров В. А. Русское народное хозяйство в Западной Сибири. — М., 1970; *Он же*. Русское народное хозяйство в Восточной Сибири. — М., 1973; Брунов А. В. История градостроительства и искусства. — М., 1953. — Т. 1; Гуреев А. М. Русское градостроительство до конца XVIII века. — Л., М., 1953; Шеларовский В. А. Очерки истории планировки и застройки русских городов. — М., 1964.

¹¹ Каралов В. В. Проекты «обнародования» земель, разработанные С. У. Ремесловым для Тобольска // АН. — М., 1960. — № 12. — С. 147—169; *Он же*. Постройки С. Ремеслова в Тобольске // Там же. — М., 1962. — № 14. — С. 104—126; *Он же*. Зарождение русского регулярного градостроительства: Строительство Тобольска с конца XVI до начала XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1965; Кочетков В. В. Очерк. — Омск, 1960; *Он же*. Строительство Томска в XVI—XVII вв. // Планировка Томского областного краеведческого музея. — 1963. — Вып. 1. — С. 83—108; *Он же*. Тобольск (как род и строительный город). — Томск, 1963; *Он же*. К вопросу о дате начала первого русского поселения в Сибири // КСИА. — М., 1968. —

вып. 113. — С. 67—73; *Он же*. Города Мангата // Строительство и архитектура. — Новосибирск, 1969. — № 1. — С. 42—50; *Он же*. Застройка деревенской местности конца XVIII века // Тр. Науч. института архитектуры им. Н. Е. Рермана. — Л., 1970. — Вып. 2. — С. 3—11; *Он же*. Первые русские города Сибири. — М., 1978.

¹² Каралов В. В. К проблеме изучения древнерусского города XVI—XVII вв. // Русский город. — М., 1984. — Вып. 3. — С. 14—15.

¹³ Брунов А. В. История градостроительного искусства. — С. 162; Гуреев А. М. Русское градостроительство. — С. 110; Шеларовский В. А. Очерки истории планировки. — С. 60.

¹⁴ Александров В. А. Организация строительного периода в Русском государстве в XVI—XVIII вв. // ВИА. — 1977. — № 7. — С. 50—60.

¹⁵ Балков О. Н. Сибирский город конца XVI — первой четверти XVIII в. в современной русской фотоскопической историографии // Историко-географический журнал Центр XVI — начала XX в. — Новосибирск, 1984. — С. 16.

¹⁶ Коробовский А. В. На рисунке о прошлом Вятки // Алтай. — 1964. — № 1. — С. 61—66; Мисютина А. В. Нерский округ // Сб. — 1963. — № 2. — С. 213—226; *Он же*. Восточные воеводы Вятского округа // Там же. — № 4. — С. 281—285; Прозоров А. Томск в XVII веке // Томск. — 1947. — № 2. — С. 134—171; Рогачев Н. Казанские уезды (Иркутский аспект) // Советские вестники (Иркутск). — 1962. — 15 июля; и др.

¹⁷ См.: Ретун Д. Я. «Наличие» и «посещение» городов и островов в Сибири. — // Историко-географическое и историографическое описание Сибири конца XVI — первой половины XIX в. — Новосибирск, 1987. — С. 259—267.

¹⁸ Вильямсов Р. С., Ретун Д. Я. Восстание историй. — Новосибирск, 1987. — С. 198.

¹⁹ Галактиков М. М. Древнерусские города. — М., 1956; *Он же*. Сражение на Муроме в XIV—XV вв. — М., 1957; Савинков А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — М., 1959.

²⁰ Сергеев В. И. Первые сибирские города, их возникновение, хозяйственное и культурное значение // ВИА. — М., 1960. — № 3 (21). — С. 113—124; *Он же*. Основание города Западной Сибири (по сведениям XVII века). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1962.

²¹ Сергеев В. И. Первые сибирские города. — С. 124.

²² Сергеев В. И. Основание городов. — С. 8—9.

²³ Бояршинов З. В. Планировка Томского уезда в первый плановый XVIII век // Тр. ТГУ. — Томск, 1950. — Т. 112. — С. 23—210; *Он же*. Об основании города Томска // Вопросы топографии Сибири. — Томск, 1953. — Сб. 3. — С. 21—46; *Он же*. Томск в XVII—XVIII вв. // Очерки истории города Томска 1604—1824. — Томск, 1954. — С. 1—26; *Он же*. Волости в Томске в XVII веке // ВИА. — 1956. — № 6. — С. 105—114; *Он же*. Основание рес-

ного города на Томе. — К. 372. Листы в. Точка // Точка — С. 325. Лист. Точка, 1979. — С. 11—20; Давыдович З. Я., Голышев Л. А. Первый домик и строительство русского города на берегу Томи // На история Сибири — Томск, 1979. — Вып. 1. — С. 202—206. в др.

¹⁰ Давыдович З. Я. Настоящие Томские усадьбы... — С. 116, 141, 147, 149.

¹¹ См.: Давыдович М. Ф. Город Томск в феодальную эпоху. — Томск, 1964. — С. 7—9.

¹² Давыдович З. Я. Помещики в Томске... — С. 110.

¹³ Мельник Л. М. Помещичьи люди... — С. 167.

¹⁴ Давыдович З. Я. Помещики в Томске. — С. 110.

¹⁵ Давыдович М. М. Томск, 1668—1649 гг. Восточная власть и земские меры. — Новосибирск, 1969. — С. 9.

¹⁶ Софроньев Ф. Г. Город Якутск в XVII — начале XIX вв. — Якутск, 1937.

¹⁷ Калес О. Н. На пути к социально-экономическому развитию Иркутского и Приамурского уездов в конце XVIII — начале XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1952; Она же. На историко-экономическом пути Иркутского уезда в XVII — начале XVIII вв. / Уч. зап. Иркутского гос. ун-та. — Иркутск, 1958. — Вып. XVII. С. 217—218; Она же. Торговля в Восточной Сибири в XVI — начале XVIII в. Она экономическая история Иркутского, Иркутского, Итатского // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961. — С. 187—194; Она же. Производственные Предприятия в Русском государстве // На историко-экономическом пути Иркутского уезда в XVII — начале XVIII в. К истории и развитию русского Сибири в XVII вв. // Тр. Иркутского гос. ун-та. Сер. ист.-физ.-мат. — Иркутск, 1954. — Т. II. — С. 179—148; Она же. О агроэкономическом развитии в XVII вв. в Восточной Сибири // Тр. Иркутского гос. ун-та. Сер. ист.-физ.-мат. — Иркутск, 1956. — Т. IV, вып. 3. — С. 145—148.

¹⁸ Калес О. Н. Торговля в Восточной Сибири... — С. 187.

¹⁹ Давыдович З. Я. Начальные годы. — М., 1952—1959. — Т. 1—4.

²⁰ Афанасьев В. А. Начальные годы в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // ИС. — М., 1957. — Т. 39. — С. 225—209; Она же. Месторасположение дворянства в Сибири в конце XVII вв. // АИ. 1964 год. — М., 1962. — С. 145—146; Филатов В. С. Восточная Сибирь 30—40-е годы XVII вв. в Томске // Уч. зап. Томского гос. ун-та. — 1954. — Т. 12. — С. 287—313; в др.

²¹ Громова М. М. Западная Сибирь... — С. 99.

²² Калес О. Н., Рудин Д. В. Производственные // Сибирские города XVII — начала XIX вв. — Новосибирск, 1961. — С. 3—40; Она же. Производственные // История городов Сибири: экономическое развитие (XVII — начало XX вв.). — Новосибирск, 1977. — С. 3—10.

²³ См.: Давыдович З. Я. Сибирская литература о сибирских помещиках: история, как историческое явление // Историко-экономическое развитие Сибири: сборник XVI — начала XX в. — Новосибирск, 1983. — С. 37—42.

²⁴ Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1963; Описание Иркутского наместничества 1792 года. — Новосибирск, 1948; Город у Красной Яры. Дворянство и помещики на историческом Красном Кресте — первый полстолетия XIX вв. — Красноярск, 1981—1986. — Кн. 1—2.

²⁵ Кроме того указанным являлись сибирские города еще: Горный Сибирь, Селенгинск, уртинский и культура городов Сибири и дальневосточных городов. — Новосибирск, 1974; Горный Сибирь. Сибирь феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978.

²⁶ Калес М. М., Давыдович О. Н., Софроньев Ф. Г. Якутск, Мангазейский морской порт. — М., 1960. — № 1; Она же. Якутск. Мангазейский культурно-исторический музей и мемориальный музей. — Якутск, 1981. — Ч. 2; Давыдович Л. Н., Голышев Л. Я., Давыдов Л. А. Якутский Якутск. Исторический памятник города. — М., 1977; Якутский музей. — Якутск, 1978; Сибирские К. Ф. Мельниковы Якутский музей // Развитие культуры. Примеры. — Новосибирск, 1978. — С. 218—222, в др.

²⁷ Калес О. Н., Калес О. Н., Давыдович О. Н. Исследования о русском помещичьем хозяйстве-Сибирском городе Мангазее // Историко-экономическое развитие Сибири... — С. 267.

²⁸ Рудин Д. В. Урбинский и история Сибири конца XVI — XVIII вв. Историко-экономический аспект проблемы // На ист.-физ.-мат. — М., 1979. — Вып. 3. — С. 44—48.

²⁹ Калес О. Н. К вопросу об экономическом статусе сибирского города с производственной функцией в XVII в. // На ист.-физ.-мат. Сер. обществов. наук. — 1975. — № 1, вып. 1. — С. 105—114; Она же. Социально-экономическое развитие в Тобольске в 30—40-е годы XVII в. // Вопросы истории Сибири: экономическое развитие. Историческое развитие 1649 г. — Новосибирск, 1973. — С. 72—94; Она же. Тобольск — центр дворянства Западной Сибири XVII в. // Русские помещики: помещики в Сибири. Помещик феодализма. — Новосибирск, 1973. — С. 184—189.

³⁰ Калес О. Н. Экономическое развитие сибирского города в XVII в. // Горный Сибирь. Сибирь феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978. — С. 94—103; Она же. О экономическом развитии сибирского города XVII вв. // Сибирские города XVII — начала XX вв. — Новосибирск, 1981. — С. 109—118.

³¹ Мельник Л. М. Служилые люди в Западной Сибири XVII вв. — Новосибирск, 1988; Она же. Торги и ярмарки служилых людей Западной Сибири в XVII в. // Производственные и торговые в России XVII—XVIII вв. — М., 1983. — С. 7—20; Давыдович Г. А. Роль служилых людей в торговле про-

милитарной армии Неранской во второй половине XVII — начале XVIII в. // *Городы Сибири. Статьи, посвященные к юбилеям*. — С. 76—82; Хрущевский Г. А. К истории заселения Неранского острова // *Восточный край Сибири доисторического периода*. — С. 153—174, и др.

41 Милославский Н. А. Первый русский перелет и города на территории нынешней Новосибирской области // *Города и деревни Сибири в доисторический период*. Кемеровские чтения 1984 г. — Новосибирск, 1984. — С. 32.

42 Гурьянов В. М., Мамонтов Н. А. Историкогеография Сибири доисторического периода. Томск XVI — начало XX вв. — Новосибирск, 1994. — С. 86.

43 Там же.

44 Милонов Л. В. О так называемых «городах» периода России XVIII в. // *ВИА*. — 1968. — № 6. — С. 24—64; Рыбаченский Н. Г. Основные факторы территориального развития в России второй половины XVIII в. // *Русский город*. — М., 1976. — Вып. 1. — С. 105—137; Киселевский В. Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии (XVI—XVIII вв.). — Минск, 1966, и др.

45 Бодаревский М. Е. Заселение России в конце XVII — начале XVIII вв. — М., 1977. — С. 127.

46 Гурьянов В. М., Мамонтов Н. А. Историкогеография Сибири доисторического периода. — С. 86—117.

47 Маркова В. Н. Спорные и малоизученные вопросы истории русского географического периода в отечественной советской историографии // *Географическое и развитие географии в России. Проблемы историографии*. — Л., 1983. — С. 163—186.

48 Милый город. Статистико-демографическое исследование небольшого города. — М., 1972; Лопов Г. М. Города на пути в будущее. — М., 1987; Петров Е. Н. Города в Сибири: проблемы, опыт, планы, решения. — М., 1980; Лопов Г. С. Проблемы городов. (Экономико-географическое исследование территории развития в СССР). — М., 1979.

49 Алферова Г. В. Организация государственной службы в Русской императорской армии XVIII—XVIII ввек. // *ВИА*. — 1977. — № 7. — С. 50—69; Кудрявцев М. П., Кудрявцева Т. Н. Заселение и колонизация древнерусского города // *ВИА*. — М., 1980. — Т. 28. — С. 3—12; Прохорова Т. С. О регулярности в русском градостроительстве XVIII—XVIII вв. // Там же. — С. 37—66; Варюкова Л. М. Этники в доисторическом городе. — Свердловск, 1988; Заварова С. В. Города в Сибири. — М., 1984; Гусельников Б. А., Дроздовичева З. Д. Восток и Россия. — М., 1980; Карякин В. В. Тобольск. — М., 1984; Огул К. Н. Строительное творчество Сибири. — Л., 1980; Овчинников А. А. Русский архитектурный колорит. — М., 1983, и др.

50 Рыбаченский М. Г. Очерки эволюции русского географического периода. Творчество, изобретательный и домысливающий быт. — М., 1973; Он же. Очерки эволюции культуры русского феодального периода. — М., 1984.

51 Дублянский А. А. Старожилы Сибири XVIII — начала XVIII в. — Новосибирск (в печати).

52 Чистякова Е. В. Города: развитие в России в первой половине XVIII века (30—40-е годы). — Воронеж, 1973. — С. 8—15, и др.

53 Дублянский А. М. Проблемы социально-экономической истории России XVIII—XVIII вв. в трудах С. П. Карякина...; Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893—1943). — М., 1987, и др.

54 Хрущевский Г. А. Заселенный край XVIII в. в доисторическом и советской литературе (Чит. Норматив) // *Историкогеография периода Сибири конца XVI — начала XX века*. — Новосибирск, 1984. — С. 70—85.

55 Власов О. М. Сибирский город конца XVI — первый четверти XVIII в. в сопоставлении русской советской историографии // *Сибирь в прошлом, настоящем и будущем*. — Новосибирск, 1981. — Вып. 1. — С. 39—42. Основные докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции 13—15 сентября 1981 г.; Он же. Сибирский город конца XVI — первый четверти XVIII в. в сопоставлении русской советской историографии // *Историкогеография периода Сибири конца XVI — начала XX века*. — С. 6—35.

56 Карякин В. В. К проблеме научения древнерусского периода XVI—XVIII вв. // *Русский город, историческое и материальное*. — М., 1984. — Вып. 7. — С. 4—39.

57 Маркова В. Н. Спорные и малоизученные вопросы истории русского географического периода в отечественной советской историографии // *Географическое и развитие географии в России. Проблемы историографии*. — Л., 1983. — С. 163—186.

58 Карякин В. В. К проблеме научения. — С. 39.

59 Там же. — С. 9.

60 Маркова В. Н. Спорные и малоизученные вопросы... — С. 183.

61 Там же. — С. 183.

ГЛАВА I

1 Алферова Г. А. Историческое значение и пути его познания. — Новосибирск, 1987; Колосовский Н. Д. Методы исторического исследования. — М., 1987; Фурсов В. В. Историческое и его метод. — М., 1983.

2 Пушторный Л. И. Классификация русских исторических источников по местной истории. — М., 1975. — С. 267, рис. 3.

3 Там же. — С. 265.

4 Печенина М. В. История истории. Некоторые методические вопросы истории исторической науки // *История и историки. Историография истории СССР*. — М., 1983. — С. 6—27.

5 Там же. — С. 10—11.

⁶ Афанасьев М. А. Русские исторические мысли в Западной Европе (XVII — первая четверть XVIII века). — М., 1976. — С. 8.

⁷ Шадрин Д. А. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 — начало 1930-х годов // ИС. — М., 1970. — Т. 86. — С. 270—297. *Опыт рос. Русский средневековый город в зарубежном историкогеографическом исследовании XIX в. — 1917 г.* // ИС. — М., 1982. — Т. 108. — С. 317—352.

⁸ Шадрин Д. А. Изучение русского феодального города... — С. 270.

⁹ Яковлев С. С. Русский город глазами иностранцев XVIII в. // Русский город. (Историко-металлографический сборник). — М., 1976. — Вып. 1. — С. 139—164.

¹⁰ Миллер Н. А. «Описание Томского и Кузнецкого городов и окрестностей Никольского или историко-этнографического источника // Сибирские историко-этнографические и географические материалы. — Новосибирск, 1980. — С. 73—80; Смирнов В. В. О других источниках краеведения Западной Сибири (40—60-е гг. XIX в.) // Развитие культуры культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 37—62, н. д.

¹¹ Миллер В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVIII—XVIII вв. — М., 1914. *Объем. Изучение источников по истории Якутии XVIII века.* — Новосибирск, 1979.

¹² Миллер В. Ф. Русские ученые о городах озерноостровов Азии (XVIII — начало XX в.). — Якутск, 1978.

¹³ Там же. — С. 12.

¹⁴ Я продолжалась, другой точки зрения. См.: Радун Д. Я. Райна Ф. Н. Зависимость от историко-этнографического источника // Историко-этнографическое изучение историко-этнографического опыта освоения Сибири. — Новосибирск, 1984. — Вып. 1. — С. 157—159.

¹⁵ Билибин Г. Ф. Зависимость русских Протоколов от архива в XVIII в. — Новосибирск, 1981. — С. 37.

¹⁶ Там же. — С. 28.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Зверев А. Я. Этнографические материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1987. — С. 16.

¹⁹ Радун Д. Я. О составе источников сибирского краеведения XVIII—XIX вв. (1750—1844 гг.) // Источники по истории русского областного земледелия периода феодализма. — Новосибирск, 1986. — С. 105—119.

²⁰ Никольский М. В. История истории... — С. 12.

²¹ См.: Андреев А. Н. Чернышевская летопись // ИС. — М., 1944. — Т. XIII. — С. 308—323.

²² См.: Голубовский Л. А. Енисейский — сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф. Н. Соймонова. — Москва, 1979. — С. 283, № 53.

²³ См.: Копель М. Ф. Томский Иванова Николая, историк-краевед дальневосточной Сибири, и его литературное наследие // Проблемы историко-этнографии. — М., 1963. — XI. — С. 198—199.

²⁴ См.: Дубинин Б. И. Труды о краеведении русских // История СССР. — 1958. — № 6. — С. 183—185.

²⁵ См.: Кибриков А. М. Неизданные материалы для изучения исторической географии России XVIII — начала XIX в. (на фоне централизованных государственных архивов и библиотек. Москва и Ленинград) // Проблемы историко-этнографии. — М., 1982. — Т. XI. — С. 178.

²⁶ См.: Салтыков Л. А. Русские Тобольского краеведения-этнографического музея-заповедника // Сибирская археология и источниковедение. — Новосибирск, 1979. — С. 114—115, № 24.

²⁷ См.: Билибин Г. Ф. Русские провинциальные источники Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в. «Формирование единого краеведческого движения». — Красноярск, 1985. — С. 276.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Салтыков Л. А. Русские Тобольского краеведения-этнографического музея-заповедника. — С. 115, № 26.

³⁰ Шереметьев М. М. История Рязанщины. — Т. 6. — С. 409.

³¹ Билибин В. М. Примечания к истории... — Т. 2. — С. 143—146.

³² Смирнов В. В. М. М. Шереметьев. — Сиб., 1986. — Т. 1. — С. 63—64.

³³ См.: Миллер В. Ф. Новые о Франца Лангуса // СЗ. — 1976. — № 5. — С. 47—50.

³⁴ См.: Радун Д. Я. О составе источников сибирского краеведения XVIII—XIX вв. (1750—1844 гг.) // Источники по истории русского областного земледелия периода феодализма. — Новосибирск, 1986. — С. 109.

³⁵ См.: Волков В. В. Сибирь XVIII века. — М., 1986. — С. 78, 91.

³⁶ ГАХО, ф. 655, кв. 2, л. 215.

³⁷ См.: Радун Д. Я. О составе источников сибирского краеведения XVIII — первой половины XIX в. Препринт. — Новосибирск, 1987. — С. 30.

³⁸ Описание Иркутского наместничества 1793 года. — Новосибирск, 1988. — С. 4.

³⁹ Радун Д. Я. О составе источников сибирского краеведения XVIII—XIX вв. ... — С. 112.

⁴⁰ Архив ЦО СССР, ф. 55, кв. 1, л. 49, л. 19.

⁴¹ Миллер В. Г. Г. Ф. Миллер как историк Сибири в свете русской провинциальной и советской историографии // Учен. зап. Кем-перского ун-та. Сер. Ист.-геогр. науки. — Красноярск, 1983. — Т. 4. — С. 45—51. (в изд. Историко-этнографическая Сибири (исторический период). — М., 1970. — С. 76—92, н. д.)

⁴² Миллер В. Ф. Историко-этнографическое изучение... — С. 76—78.

⁴³ ЦГАДА, ф. 199, порф. 412, ч. 1, д. 1—8, ч. 2, д. 1—15, н. д.

- 40 Рудин Д. Я. «Описание Верхотурской провинции» Г. Ф. Миллера как историко-географический источник XVIII в. // *Общественное сознание, идеология, литература феодального периода*. — Новосибирск, 1990. — С. 318—324.
- 41 Рудин Д. Я. О работе Г. Ф. Миллера над истинными источниками по истории Сибири XVIII в. // *Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири*. — Новосибирск, 1982. — С. 143—158.
- 42 Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 21, оп. 4, д. 28.
- 43 Миллер Г. Ф. История Академии наук // *Материалы для истории императорской Академии наук*. — СПб., 1800. — Т. 6. — С. 364—393.
- 44 Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 22—27.
- 45 ЦГАДА, ф. 199, портф. 526, к. 2, д. 4, 3.
- 46 Беломона Д. И. К вопросу об оценке историографических взглядов Г. Ф. Миллера // *История СССР*. — 1983. — № 4. — С. 154—166; См. же: Г. Ф. Миллер и публикации источников в первом историческом журнале Петербургской Академии наук // *Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи феодализма*. — Новосибирск, 1988. — С. 62—77.
- 47 Илларион С. С. Русский народ... — С. 153.
- 48 Там же.
- 49 Горюхов И. М., Мамонтов Н. А. Историография Сибири двенадцатого периода (век XVI — начало XIX в.). — Новосибирск, 1984. — С. 76.
- 50 Краткая история Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 18.
- 51 Минин В. Е. Источники и литература XVII—XVIII вв. о развитии земле-земельного права в России // *Источники и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX вв.* — Новосибирск, 1987. — С. 81—104.
- 52 Там же. — С. 86, 88.
- 53 Там же. — С. 94—95, 98—99.
- 54 Там же. — С. 87.
- 55 *Историография городов Сибири конца XVI — начала XIX в.* — Новосибирск, 1984; *Источники и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX вв.* — Новосибирск, 1987.
- 56 Златкин А. Х. Экспертные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1987; См. же: Экспертные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск, 1990.
- 57 Златкин А. Х. Описание уездов Сибири Г. Ф. Миллера как исторический источник // *Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма*. — Новосибирск, 1988. — С. 104.
- 58 Златкин А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // *Источники по истории Сибири двенадцатого периода*. — Новосибирск, 1988. — С. 39—101.

- 59 Златкин А. Х. Материалы Г. Ф. Миллера по истории Сибири в первой половине XVIII в. // *Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России*. — Новосибирск, 1987. — С. 140.
- 60 Златкин А. Х. Анастас Г. Ф. Миллера 1734—1742 гг. как источник по истории населения Сибири // *Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма*. — Новосибирск, 1988. — С. 78—91.
- 61 Калмыцкий Я. П., Златкин А. Х. Городской ландшафт Сибири и культурно-экономический уклад Г. Ф. Миллера // *Проблемы истории и культуры культурно-исторического ландшафта Сибири*. — Новосибирск, 1986. — С. 302.
- 62 Рудин Д. Я. Опыт обследования архивных источников XVIII в. // *Детские чтения: Археографический семинар за 1987—1988 годы*. — М., 1988. — Вып. 35. — С. 39—104.
- 63 Андреев А. Н. Топографические описания и карты Сибири императорского периода 1783—1794 гг. // *ИГ*. — М., 1950. — С. 203—212.
- 64 См., например: Рудомин Д. М. Сельское хозяйство Сибирского Зауралья на рубеже XVIII—XIX вв. — Новосибирск, 1976. — С. 30—34.
- 65 Андреев А. Н. Топографические описания... — С. 204, 205.
- 66 Там же. — С. 210.
- 67 ЦГАДА, ф. 1097, оп. 3, д. 138. См.: Горюхов И. С. Экономическая история северо-востока Сибири. — М., 1966. — С. 128.
- 68 Андреев А. Н. Топографические описания... — С. 211.
- 69 Там же.
- 70 ГЛБ, ОРК. Энцикл. собр., № 245, с. 1—2.
- 71 Рудомин Д. М. Топографические описания помещиц и губерний XVIII в. — материалы географического и этнографического изучения России // *ИГ*. — М., 1953. — С. 31. — С. 39—69.
- 72 Там же. — С. 68, 70.
- 73 Там же. — С. 65.
- 74 Там же. — С. 42.
- 75 Беломона Д. А. Обзор развития районирования России с конца XVIII в. по 1861 г. // *ИГ*. — С. 135—201; Мисюков А. М. К развитию географического изучения России // *ИГ*. — М., 1936. — С. 35—36; Макашкин Н. Н. Термины географического географов в России. Обзор материалов XVIII в. // *ИГ*. — С. 13. — С. 43—104; *Исторический географический XVIII—XX вв.* — М., 1937.
- 76 Тихомиров М. И. Источниковедение истории СССР. — М., 1962. — Вып. 1. — С. 441.
- 77 Кабулов В. М. Некоторые материалы для изучения исторической географии России XVIII — начала XIX в. (по фондам императорского географического кабинета в библиотеке Москвы в Ленинграде) // *Проблемы источниковедения*. — М., 1963. — Т. XI. — С. 153—195.
- 78 Там же. — С. 167.

8. *Васильев С. С. Русские историко-географические XVIII века.* — Л., 1971. — Ч. III. — С. 142—172.

81 Там же. — С. 159, 164.

82 *Историко-этнографическая история СССР/Нов. ред. И. Д. Коваленко.* — М., 1973. — С. 241—256.

83 Там же. — С. 244—246.

84 *Васильев С. С. Русский феодализм в историко-географическом и этнографическом аспектах XVIII в. Дис. ... канд. ист. наук.* — М., 1944. — С. 19.

85 *Шандор А. Д. Историко-географическая смена восточных провинций XVIII в.* — Л., 1982. С. 305.

86 *Васильев С. С. Азиатизм XVIII в. как источник гео-историко-географической информации // Тезисы и материалы историко-этнографического и археографического симпозиума.* — М., 1978. — С. 94.

87 *Васильев С. С. Русский город.* — С. 161, 164.

88 *Серебряков Ф. Г. Город Якутск в XVIII — начале XIX вв.* — Якутск, 1957; *Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII вв.* — Новосибирск, 1965; *Коваленко И. А. Крестовые Зауралья в XVIII—XIX вв.* — Челябинск, 1966. — 1968. — Ч. 1—2.

89 *Громыко М. М. Западная Сибирь.* — С. 13—14.

90 *Алексеев Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк.* — Новосибирск, 1975. — С. 26—29.

91 *Муромов Н. Г. Историко-география Сибири.*

92 *Никифоров В. Ф. Историко-этнографическое изучение.* — С. 143—153.

93 *Миллер В. Ф. Новое в Европе Лангаск.* — С. 47—50.

94 *Никифоров Н. М. Русский ученый и народы северо-востока Азии.* — С. 50—52.

95 *Васильев Г. Ф. Заселение русских Приамурских краев в XVIII в.* — С. 28.

96 *Васильев Г. Ф. Русские изгнанные населения.*

97 *Миллер В. А. Очерк по этнографическому Сибири XVIII — первой половины XIX в.* — Новосибирск, 1981. — С. 80—82.

98 *Громыко М. М., Миллер В. А. Историко-география Сибири эволюционного периода (концы XVI — начало XX в.).* — Новосибирск, 1984.

99 *Описание Тобольского наместничества.* — Новосибирск, 1982.

100 *Коваленко И. А. От составления // Описание Тобольского наместничества.* — С. 9—13.

101 Там же. — С. 10—12.

102 *Рубинштейн Н. А. Топографические описания.* — С. 53, 57—58.

103 *ПРИМОР. ф. ВУА, я. 18920, л. 1.*

104 *Коваленко И. А. Тобольского губернского музея. 1908 г.* — Тобольск, 1910. — Вып. XVIII. — С. 1.

105 *Коваленко И. А. От составления.* — С. 12.

106 *ГАИО, ф. 316, кн. 1, л. 48. См.: Коваленко И. А. Крестовые Зауралья.* — Ч. 1. — С. 132.

107 *Описание Иркутского наместничества. 1792 год/Сост. П. Н. Виноков, А. И. Коваленко, М. И. Малахова.* — Новосибирск, 1983.

108 *См.: Губонякина Н. В., Терехов Н. М. Этнографический // ВУЗ. — 3-я кн. — М., 1978. — Т. 30. — С. 206—208; Кауфман Н. М. Русские переселенцы.* — М., 1960.

109 *Историко-этнографическая история СССР.* — С. 241—257.

110 Там же. — С. 250.

111 Там же. — С. 251.

112 *Васильев С. С. Первый русский топографический словарь // Этнографическое.* — М., Л., 1927. — Т. XXIX, вып. III—IV. — С. 61—70.

113 *Литурский В. В. Очерк по истории статистики в СССР.* — М., 1955. — Т. 1. — С. 96—98.

114 *Никифоров В. П. Зарождение этнографического географического.* — С. 78.

115 *Миллер В. А. К истории издания «Географического словаря» А. Шенкеля // АИ. № 1908 год. — М., 1970. — С. 156—183.*

116 Там же. — С. 167.

117 *Васильев С. С. История создания и публикации первого русского топографического словаря // АИ. № 1937 год. — М., 1978. — С. 90—97.*

118 Там же. — С. 93.

119 Там же. — С. 93.

120 Там же. — С. 91.

121 *Губонякина Н. Н. Лексикон растений, исторический, географический, политический и прикладной // Татариус В. Н. Избр. произв. — Л., 1979. — С. 153—160.*

122 *Рыжков Н. Н. Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии.* — СПб., 1774—1777. — Т. 1—2.

123 *Валт С. Н. О составе издания // Татариус В. Н. Избр. произв. — С. 26—32; Васильев С. С. Русский город.* — С. 129, 159—161.

124 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-я кн. — Т. 9. — С. 60.*

ГЛАВА II

1 *Серебряков В. И. Первые сибирские города, их возникновение, экономическое и культурное значение // ВНИИ. — М., 1960. — № 3. — С. 113.*

2 *См.: Рубинштейн Н. А. К истории «наместничества» городов и островов в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. — Новосибирск, 1981. — С. 35—37.*

3 *Миллер В. Ф. История Сибири.* — М., Л., 1939. — Т. 1. — С. 159. Об истории Академии наук // Материалы для истории императорской Ака-

теории науки. — Сиб., 1890. — Т. 6. — С. 344 (на нем. яз.); *Бердз Н. Н. Археология Сибири // Жизнь Сибири. — Новосибирск, 1912. — № 8125. — С. 25.* *Петровский В. История империалистической Академии наук в Петрограде. — Сиб., 1896. — Т. 1. — С. 530.*

² Архив АН СССР ф. Ленинград, ф. 21, ин. 4, д. 8, ч. 1, л. 1—3 об., № 1; д. 11, ч. 1, л. 1—1 об., № 1.

³ *Петровский В. История. — С. 530.*

⁴ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 370, 383, 396.*

⁵ Архив АН СССР, ф. 21, ин. 4, д. 16, л. 125, № 1; *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 363—365. № 16: РНБ. — Сиб., 1875. — Т. 2. — С. 109—102. № 54: *Петровский В. История. — С. 530.**

⁶ *Маллер Г. Ф. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. — Новосибирск, 1975. — С. 119.*

⁷ *Андреев А. М. Привлечение к тексту «История Сибири». // Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 491.*

⁸ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 263.*

⁹ Архив АН СССР, ф. 21, ин. 2, д. 26, л. 109 об. — 103 об.

¹⁰ Там же, л. 252—253 об.

¹¹ Там же, ин. 4, д. 18, л. 226—228. № 1; л. 296 об. — 297 об., № 2. РНБ. — Т. 2. — № 51.

¹² *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 246—254; РНБ. — Т. 1. — С. 104—120, № 56.*

¹³ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 379.*

¹⁴ Там же. — С. 377.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 21, ин. 2, л. 48.

¹⁶ *Андреев А. М. Привлечение к тексту. — С. 497.*

¹⁷ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 266.* Высказывание этого документ был сделан Н. Н. Бушмелом. См. *Будомский В. М. К истории Сибири. Сургут, Нарва и Вена до 1643 г. — Нарва, 1893. — С. 2.*

¹⁸ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 286.*

¹⁹ Там же. — С. 270—279, 287, 292.

²⁰ *Маллер Г. Ф. История Академии наук. — С. 351.*

²¹ *Экземпляр А. Я. Антония Г. Ф. Маллера 1764—1767 гг. как источник по истории культуры Сибири // Исследования по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. — Новосибирск, 1968. — С. 80—81.*

²² Архив АН СССР, ф. 21, ин. 4, д. 15.

²³ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 301—303.*

²⁴ *Экземпляр А. Я. Антония Г. Ф. Маллера. — С. 89—91; *Петровский В. История. — С. 529.**

²⁵ *Экземпляр А. Я. Экспедиционные материалы Г. Ф. Маллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск, 1980. — С. 70.*

²⁶ Архив АН СССР, ф. 21, ин. 4, д. 16, л. 13—14, № 2; *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 431.*

²⁷ *ИРГАДА, ф. 199, картф. 526, ч. 2, д. 6, л. 4.*

²⁸ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 301—302.*

²⁹ *ИРГАДА, ф. 199, картф. 482, ч. 1, д. 16, л. 1, № 1; *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 305; *Андреев А. М. Привлечение к тексту. — С. 503; *Петровский В. История. — С. 529.****

³⁰ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 304.*

³¹ Там же. — С. 305, 308.

³² См.: *Резня Д. Я. Очерки истории культуры сибирских городов XVIII — первой половины XVIII вв. — Новосибирск, 1962. — С. 180—183.*

³³ *ИРГАДА, ф. 199, картф. 526, ч. 2, д. 4, л. 1—17; л. 8, л. 1—12; *Экземпляр А. Я. Антония Г. Ф. Маллера. — С. 83; *Общ. описание уездов Сибири Г. Ф. Маллера как исторический источник // Исследования по истории русского общественного сознания периода феодализма. — Новосибирск, 1966. — С. 97—104.***

³⁴ *ИРГАДА, ф. 199, картф. 526, ч. 2, д. 4, л. 5 об. — 6.*

³⁵ См.: *Бердз Н. М. Привлечение к тексту о разделение земель имений в Маллеров // Русские названия Древней Руси (на материалах Православного фонда) — М., 1972. — С. 379—385.*

³⁶ *ИРГАДА, ф. 199, картф. 526, ч. 2, д. 4, л. 7.*

³⁷ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 301.*

³⁸ *ИРГАДА, ф. 199, картф. 526, ч. 2, д. 4, л. 8, 9 об.*

³⁹ Там же, л. 8, л. 4 об.

⁴⁰ *Экземпляр А. Я. Антония Г. Ф. Маллера. — С. 83.*

⁴¹ *Будомский В. М. Маллер в губернскому вице-губернатору Берингер // 9044/Р. — М., 1866. — Кн. 3. — С. 189.*

⁴² *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 311; *Резня Д. Я. О работе Г. Ф. Маллера над источниками по истории народов Сибири XVII в. Древнерусские рукописные книги и их значение в Сибири. — Новосибирск, 1963. — С. 146—151.**

⁴³ Архив АН СССР, ф. 21, ин. 4, д. 21, л. 276—277, № 126; *ДАН. — Сиб., 1937. — Т. 6. — С. 173—176, № 30.*

⁴⁴ См.: *Резня Д. Я. Антония 1760-х годов как источник по истории народного движения Сибири конца XVII — начала XVIII в. // Сибирская этнография и этнолингвистика. — Новосибирск, 1970. — С. 64.*

⁴⁵ *Петровский В. История. — С. 529.*

⁴⁶ Архив АН СССР, ф. 21, ин. 4, л. 14, № 12; *ИРГАДА, ф. 199, картф. 482, ч. 1, д. 15, № 13, л. 9.*

⁴⁷ *Маллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — С. 309—312; М., Л., 1941. — Т. 2. — С. 25.*

- ³⁰² Там же.
- ³⁰³ Архив АН СССР, ф. 26, оп. 2, л. 26, л. 147 об. — 149.
- ³⁰⁴ Там же, л. 150 — 152 об., 153 об. — 156 об.
- ³⁰⁵ См.: Хавес Б. С. Проблемы торгаша. — М., 1975. — С. 60—64, 109—123.
- ³⁰⁶ ГЛБ, ОРК, Г. IV, № 4562.
- ³⁰⁷ Зарин А. X. Описание уезда Сибиря...
- ³⁰⁸ Радзи Д. Я. «Отцы Верхотурского архиепископа Г. Ф. Миллера как источники по историографии XVIII в. // Общественное сознание, литература, феодальный барьер. — Новосибирск, 1990. — С. 318—324.
- ³⁰⁹ Кондратьев А. А. Крестные Зорькины в XVII—XVIII веках. — Челябинск, 1966. — Ч. 1. — С. 17—18.
- ³¹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибиря. — Т. 1. — С. 301, Т. 2. — С. 11, 74.
- ³¹¹ Зарин А. X. Акимов Г. Ф. Миллера... — С. 81.
- ³¹² Там же. — С. 89—91; Радзи у Красноярск Яр... — С. 109—111, 117—129.
- ³¹³ Архив АН СССР, ф. 26, оп. 2, л. 26, л. 100 об. — 105 об., 140 об. — 143 об.
- ³¹⁴ Там же, л. 175—176 об.
- ³¹⁵ Там же, л. 175.
- ³¹⁶ Зарин А. X. Историко-географические очерки... — С. 74.
- ³¹⁷ Миллер Г. Ф. Известия о городах сибирских // Ежегодные сообщения, к печати и употреблению служащие. — Спб., 1755. — Сентябрь, декабрь. — С. 192—250, 323—337.
- ³¹⁸ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. — Новосибирск, 1965. — С. 50—57.
- ³¹⁹ Миллер Г. Ф. Известия о городах сибирских. — С. 198.
- ³²⁰ Там же. — С. 225.
- ³²¹ Миллер Г. Ф. Краткое известие о начале Новгорода и о приписанных к нему жителей городов... // Сообщения и повествования, к печати и употреблению служащие. — Спб., 1761. — Июль. — С. 38.
- ³²² Миллер Г. Ф. Известия о городах сибирских. — С. 214—219.
- ³²³ Миллер Г. Ф. Известия о городе Нарынском // Ежегодные сообщения, к печати и употреблению служащие. — Спб., 1766.
- ³²⁴ August Ludwig v. Schlözer und Rastbach. — Berlin, 1961. — S. 67.
- ³²⁵ Рудневский С. Д. С. Светлана Миллера в Свято-Троицком Сергиевом монастыре // Новые евангельские сведения. — Спб., 1789. — Ч. XII, ноябрь. — С. 40.
- ³²⁶ ГЛАДА, ф. 199, перф. 526, ч. 2, д. 2, л. 4, л. 6; д. 9, л. 18 об. — 19.
- ³²⁷ Вельяминов А. И. К вопросу об источниках историографических сведений Г. Ф. Миллера // История СССР. — 1983. — № 4. — С. 174—186; Очаков Г. Ф. Миллер и публикации источников в первом историческом журнале Императорской Академии наук // Источники по истории общественной мысли и культуры... — С. 62—77.

Императорской Академии наук // Источники по истории общественной мысли и культуры... — С. 62—77.

- ³²⁸ Горюнов А. М., Матвеев Н. А. Историография Сибиря допетровского периода конца XVI — начало XX вв. — Новосибирск, 1984. — С. 76.
- ³²⁹ Радзи Д. Я. Описание Верхотурского архиепископа Г. Ф. Миллера...
- ³³⁰ ГЛАДА, ф. 199, перф. 482, ч. 1, л. 6, л. 26—33 об.
- ³³¹ Там же, ч. 2, д. 2, л. 1—41 об.
- ³³² Зарин А. X. Акимов Г. Ф. Миллера... — С. 78—81.
- ³³³ Там же. — С. 91.
- ³³⁴ Архив АН СССР (в Ленинград), ф. 2, оп. 106, л. 61, 71, 87, 102 и др.; Город у Красноярск Яр... — С. 172—175.
- ³³⁵ Миданов В. Г. Г. Ф. Миллер как историк Сибиря в начале русской колонизационной и советской историографии // Учен. зап. Кемарского гос. ун-та. — Кемаро, 1983. — № 5. — С. 48.
- ³³⁶ Александров М. А. «Собрание российских и сибирских городов. Справочник XVIII в. // Собрания 1741. — Л., 1964. — Вып. 3. — С. 65—75; Вельяминов А. И. Отечественные города в справке Архиепископа Макария (Ленинград) // Фонд справочника как источник изучения архитектуры русских городов. — Л., 1978. — С. 103—121.
- ³³⁷ Миллер Г. Ф. Известия о городе Перовском Залесском... // Новые евангельские сведения. — Спб., 1789. — Кн. 4, ч. XII. — С. 4.
- ³³⁸ Иларион С. С. Русский город... — С. 141.
- ³³⁹ Там же. — С. 153.
- ³⁴⁰ Радзи Д. Я. Сибирский город в русской историографии XVIII — первой половины XIX в.; Дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1978. — С. 153.
- ³⁴¹ Писемский С. Я. Русская историография XVIII века. — Л., 1965. — Ч. II. — С. 214—215.
- ³⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Сов. — 2-е изд. — Т. 20. — С. 287.
- ³⁴³ Писемский Г. В. Набл. философские прощания. — М., 1958. — Т. 5. — С. 643.
- ³⁴⁴ Вильямс С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибиря // Миллер Г. Ф. История Сибиря. — Т. 1. — С. 19.
- ³⁴⁵ Радзи Д. Я. Сравнительная урбанистика и сибирские городские сведения XVIII — первой половины XIX в. // Источники-основания и историография городов Сибиря конца XVI — первой половины XIX века. — Новосибирск, 1987. — С. 242.
- ³⁴⁶ Колосовский А. В. Академик Г. Ф. Миллер и русская историография XVIII века // ИСССР. — 1989. — № 1. — С. 156.

- ¹ Миллеров С. С. Анакты XVIII в. как источник по историографии города // *Теория и практика источниковедения и картографии исторической истории*. — М., 1978. — С. 86—97.
- ² Миллеров С. С. К энциклопедико-географическому изучению города // *ВГ*. — М., 1984. — Сб. 38. — С. 12. См. же. Географическое учение о городе. — М., 1987. — С. 72—86; *Миллеров С. С., Лопин Г. М.* География и урбанизация // *ВГ*. — М., 1974. — Сб. 96. — С. 5—18.
- ³ Ефименко Т. К. К истории городского застроительства времени Екатерины II. Отт. отпеч. — Б. м., 6 в. — С. 291—295.
- ⁴ Миллер Г. География и город // *География городов*. — М., 1965. — С. 19.
- ⁵ Миллеров С. С. Анакты XVIII в. как источник. — С. 92.
- ⁶ Миллеров С. С. Спорные и малоизученные вопросы истории русского поднефтедобывающего права в современной советской историографии // *Ученые и развитие феодализма в России. Проблемы историографии*. — Л., 1983. — С. 185.
- ⁷ Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1982. — С. 243.
- ⁸ Семичев-Тян-Шанский В. П. Горы и деревья в Европейской России // *Зап. зап. РГО по отделению статистики*. — СПб., 1910. — Т. X, вып. 27. — С. 82.
- ⁹ *Городские Поклоны*. — СПб., 1785. — Ст. 29.
- ¹⁰ Миллеров С. С. Анакты XVIII в. как источник... С. 92.
- ¹¹ Рыбачинский В. Г. Основные факторы поднефтедобывающего в России второй половины XVIII в. // *Русский город. (Историко-этнографический обзор)*. — М., 1976. — С. 107—108.
- ¹² Кабанов В. М. Некоторые материалы для изучения исторической географии России XVIII — начала XIX в. (по фондам центральных государственных архивов и библиотеки Москвы и Ленинграда) // *Проблемы историко-географии*. — М., 1963. — Т. XI. — С. 148—169.
- ¹³ Власов Б. А. Обзор развития районирования России с конца XVIII в. до 1864 г. // *ВГ*. — М., 1950. — Сб. 17. — С. 139—201.
- ¹⁴ Колосников А. Д. От составителя // *Описание Тобольского наместничества*. — С. 12—13.
- ¹⁵ Андрусов А. И. Топографические описания и карты Сибирских наместничеств 1783—1784 гг. // *ВГ*. — М., 1950. — Сб. 17. — С. 205.
- ¹⁶ Перлов М. Ф. Краткие сведения Тобольского наместничества // *Исторический и географический описания на 1786 год*. — СПб., 1786. — С. 45—102. Отд. изд.: СПб., 1790. См. о нем: *Русский Географический словарь*. — М., 1966. — Т. 3. — С. 48—51.
- ¹⁷ ГАПО, ф. 518, оп. 1, д. 45. См.: *Клифимова А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. — Челябинск, 1966 — Ч. 1. — С. 112.

- ¹⁸ Колосников А. Д. От составителя. — С. 13.
- ¹⁹ Замыслова М. И., Мосолова С. А. О механизме армянского и раннего историческое. — Ташк., 1984. — С. 12.
- ²⁰ Архив ГИ СССР, ф. 53, оп. 1, д. 47, л. 14 об.
- ²¹ Описание Тобольского наместничества. — С. 37.
- ²² См.: Ретун Д. И. К истории малотамных пород и островов в Сибири // *Сибирские города XVII — начала XX вв.* — Новосибирск, 1981. — С. 42.
- ²³ Описание Тобольского наместничества. — С. 243.
- ²⁴ Волчанов Ф. Географический словарь Российского государства. — М., 1773. — С. 383.
- ²⁵ Захаров А. К. Описание города Тобольска Г. Ф. Миллера (1784 г.) // *Общественное сознание, экономика, литература феодального периода*. — Новосибирск, 1990. — С. 91.
- ²⁶ Архив ГИ СССР, ф. 53, оп. 1, д. 47, л. 77 об.; *Описание Тобольского наместничества*. — С. 139.
- ²⁷ Описание Тобольского наместничества. — С. 67, 161.
- ²⁸ Андрусов А. И. Предисловие // *Описание Тобольского наместничества*. — С. 5.
- ²⁹ *Сибирские восточники*. — Сб., 1907.
- ³⁰ См.: Миллер Д. Д. Письма о губерниях и провинциях города Академической наук своих изданий (1767—1769) // *Тр. Ин-та книги, документов, языка*. — М.; Л., 1936. — Т. 5. — С. 134—138.
- ³¹ Вилочка Г. Ф. Русское население население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в. — Красноярск, 1985. — С. 48—89.
- ³² Описание Тобольского наместничества. — С. 180.
- ³³ Архив АИ СССР (г. Ленинград), ф. 3, оп. 106, л. 71, л. 2.
- ³⁴ Описание Тобольского наместничества. — С. 200.
- ³⁵ Ретун Д. И. Анакты 1760-х годов как источник по истории городского застроительства Сибири конца XVII — начала XVIII в. // *Сибирская картография и историческое*. — Новосибирск, 1979. — С. 61.
- ³⁶ Захаров А. К. Экономические материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск, 1990. — С. 44.
- ³⁷ Описание Тобольского наместничества. — С. 152.
- ³⁸ Там же. — С. 230.
- ³⁹ Новые казенные описания. — Сб., 1738. — Ч. XXV. — С. 42—99.
- ⁴⁰ ГАГО, ф. 635, оп. 2, д. 212.
- ⁴¹ Филлер В. К. Сибирская история с точки зрения Сибири до введения гай земли ретейных архивов... — Сб., 1974. — С. 300; Чухина М. Д. Историческое описание российской колонии при всех портах и границах во древние времена до ныне существующей... — М., 1773. — Т. 3, кн. 1. — С. 32—34.

9 См.: Бессе М. Н., Овчинников О. В., Степанов М. Ф. Мангустский морской котик. — Л., 1980. — Ч. 1. — С. 83.

10 Описание Тобольского наместничества. — С. 207—208; Архив ГИ СССР, ф. 35, оп. 1, д. 47, л. 117 об.

11 Описание Тобольского наместничества. — С. 94.

12 Архив ГИ СССР, ф. 35, оп. 1, д. 47, л. 34 об.

13 ИРГАДА, ф. 199, портф. 482, ч. 1, д. 3, л. 271 об., № 189.

14 Описание Тобольского наместничества. — С. 191.

15 Ротун Д. Я. О составе историко-географического края Сибири — первой половины XIX в. Профиль. — Новосибирск, 1987. — С. 28.

16 Описание Тобольского наместничества. — С. 27, 38, 65, 129—149.

17 Города Сибири. — С. 1.

18 Сочинения князя М. М. Щербатова. — СПб., 1896. — С. 63.

19 Описание Тобольского наместничества. — С. 35.

20 Там же. — С. 136.

21 Материалы для истории составления атласа Российской империи, изданного князем Александром Шаур в 1748 году. Собраны по архиву князя Александра Шаура Карлом Саксом // Шаур, князь Александр Шаур. Приволжье в 18 году. — СПб., 1866. — Кн. 2. — С. 67.

22 Описание Тобольского наместничества. — С. 215.

23 Елисеев В. А. Архитектурная теория в России XVIII в. — М., 1975.

24 Виноградов П. В. Подлинники развития наместничества // Поместное владение: Теория, исторический процесс, практика. — М., 1986. — С. 127.

25 Описание Тобольского наместничества. — С. 229.

26 Там же. — С. 61.

27 Гриньковский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. — М., 1992. — С. 43.

28 Описание Тобольского наместничества. — С. 254.

29 Ротун Д. М. Торговля и ремесло в историко-географическом отношении Сибири конца XVIII в. // Торговля городами Сибири конца XVI — начала XIX в. — Новосибирск, 1987. — С. 50—67.

30 Там же. — С. 61.

31 Словарь Академии Российской. — СПб., 1790. — Ч. 2. — С. 391.

32 Сибирские сочинения, изобретенные по инициативе на развитие торговли. — СПб., 1789. — Ч. 3. — С. 206.

33 Календарь Тобольского губернского музея. 1908 г. — Тобольск, 1910. — Вып. XVIII. — С. 1—5.

34 Там же. — С. 1.

35 Там же. — С. 2, Описание Тобольского наместничества. — С. 151.

36 Ежегодник Тобольского губернского музея. — Вып. XVIII. — С. 2. Описание Тобольского наместничества. — С. 152.

37 Календарь Тобольского губернского музея. — Вып. XVIII. — С. 4.

38 Там же. — С. 4—5.

39 Описание города Туринска // Сводный архив. — СПб., 1828. — Ч. 35. — С. 208—219.

40 Архив АН СССР (г. Ленинград), ф. 3, оп. 10а, л. 184; оп. 10б, л. 95.

41 ГАКО, ф. 655, оп. 1, л. 213.

42 Выходя Г. Ф. Записки русского Писемского края в XVIII в. — Новосибирск, 1981. — С. 193, 195.

43 Выходя Г. Ф. Русские исторические записки. — С. 276.

44 Описание города Мангуста с его уездом // Новые описания поместий. — СПб., 1788. — Ч. XXV. — С. 53—60.

45 Там же. — С. 82—84.

46 Книга главности Польской Черты, изданная по повелению князя Александра Шаура в древности Российской империи. — М., 1846. — С. 284; Оболонский М. А. Сочинения о Мангусте // РИВ. — СПб., 1875. — Т. 2. — С. 1123—1125.

47 Новые описания поместий. — Ч. XXV. — С. 84—86.

48 ГАКО, ф. 655, оп. 2, л. 213, л. 1.

49 Там же.

50 Архив АН СССР (г. Ленинград), ф. 3, оп. 10а, л. 193, л. 6 об. — 7.

51 Описание Тобольского наместничества. — С. 129.

52 ГАКО, ф. 655, оп. 2, л. 213, л. 2.

53 Там же. — л. 6, Описание Тобольского наместничества. — С. 232.

54 Описание Тобольского наместничества. — С. 230.

55 ГАКО, ф. 655, оп. 2, л. 213, л. 6, 18.

56 Там же. — л. 6.

57 Описание города Мангуста с его уездом. — С. 87—88.

58 Виноградов П. В. Историческое значение в Туркестанском крае // Календарь восточных. — Казань, 1826. — Кн. 2/3. — С. 156—169, Кн. 4. — С. 357—371.

59 Новые описания поместий. — СПб., 1788. — Ч. XXVIII. — С. 70—83.

60 Там же. — С. 71.

61 Архив АН СССР (г. Ленинград), ф. 3, оп. 10а, л. 192.

62 Там же, оп. 10б, л. 61, л. 4 об.

63 Там же. — л. 2.

64 Новые описания поместий. — Ч. XXVIII. — С. 72.

65 Платонов Ф. Географический лексикон Российского государства. — М., 1713. — С. 92.

66 ИРГАДА, ф. 199, портф. 526, ч. 2, л. 8, л. 6.

67 Архив АН СССР (г. Ленинград), ф. 3, оп. 10б, л. 61, л. 7.

68 Новые описания поместий. — Ч. XXVIII. — С. 73.

69 Там же. — С. 72.

70 Архив АН СССР (г. Ленинград), ф. 3, оп. 10б, л. 61, л. 6—6 об.

10. Мелников А. Словарь географических Российского государства. — М., 1804. — Ч. 2. — С. 417—422.
11. Географические названия Иркутского наместничества, на разных языках, табличным, латинским и кириллическим произношением // Древняя Российская Восточная. — 2-е изд. — М., 1791. — Ч. XVIII. — С. 324—332.
12. Описание Иркутского наместничества 1792 года/Сост. Д. Н. Писков, А. Д. Корзинин, М. Н. Матвеева. — Новосибирск, 1982.
13. Там же. — С. 83.
14. Древняя Российская Восточная. — Ч. XVIII. — С. 283—286.
15. Ретов А. В. Очерки по истории иркутского сибирского горного казачества XVIII века. — Новосибирск, 1982. — С. 124—130.
16. Архив АН СССР в Ленинград. ф. 3, оп. 10а, л. 195, л. 2 об.
17. ГАЕО, ф. 635, оп. 2, л. 221, л. 4; ЦГАДА, ф. 183, л. 80, л. 1 об.
18. Описание Иркутского наместничества... — С. 64. См. Описание А. Д. Очерки по истории казачества бурятия (XVII—XVIII вв.). — Л., 1937. — С. 174—177.
19. ГАЕО, ф. 635, оп. 2, л. 221, л. 5—6.
20. Описание Иркутского наместничества... — С. 82—83.
21. См.: Арсеновский М. Я. Из истории изучения Восточной Сибири // Изв. Иркутского ин-та научного музея. — Иркутск, 1977. — Т. III/VIII. — С. 99—100.
22. ГАЕО, ОРК, Г. IV 21, л. 4362, л. 1 об.
23. Овсянников М. П. Отчет о командировке в гор. Карпинск для осмотра прииска. От Иркутска до Карпинска // Ир. Иркутский учин. правительств. — Иркутск, 1914. — Вып. 3. — С. 321.
24. Описание Иркутского наместничества... — С. 81.
25. Древняя Российская Восточная. — Ч. XVIII. — С. 326.
26. Милославский Л. К. Изучение и литература XVII—XVIII вв. о казачестве казань старостинского уезда Бурятия // Историческое и этнографическое изучение Сибири конца XVI — первой половины XIX века. — Новосибирск, 1987. — С. 96.
27. Ретов А. В. Географический лексикон... — С. 413.
28. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь Российской империи. — М., 1788. — Ч. 1. — С. 106.
29. Афан. Н. В. Очерки истории Улан-Удэ (XVII — начало XX вв.). — Улан-Удэ, 1977. — С. 24.
30. Милославский Л. К. Изучение и литература... — С. 97.
31. Ретов А. В. Географический лексикон. — С. 413. Описание Иркутского наместничества... — С. 94.
32. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — М., 1788. — Ч. 1. — С. 389.

33. С. Н. Крыловым в Сибири. Неопубликованные материалы. — М., Л., 1966. — С. 66.
34. ГАЕО, ф. 156, оп. 1, 1755 г., л. 350, л. 4.
35. Ретов А. В. Географический лексикон... — С. 38.
36. Описание Иркутского наместничества... — С. 95.
37. Там же. — С. 189—190.
38. Географический лексикон, к полному и полному географическому. — Сиб., 1757. — Т. 7. — С. 3—29, 99—130, 195—225, 291—324.
39. Архив АН СССР в Ленинград. ф. 3, оп. 10а, л. 197, оп. 106, л. 121.
40. Собрание сведений, полученных из путешествий на разные страны. — Сиб., 1790. — Ч. 4. — С. 317—318.
41. ГАЕО, ОРК, ф. 358 (ОРК), л. ОНУ—43, л. 1 об.
42. ГАЕО, ф. 1264, оп. 1, л. 300.
43. Описание Иркутского наместничества... — С. 123.
44. Там же. — С. 76. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 1. — С. 43—44.
45. Описание Иркутского наместничества... — С. 96. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 1. — С. 104.
46. Описание Иркутского наместничества... — С. 17. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 1. — С. 149.
47. Описание Иркутского наместничества... — С. 15. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — М., 1788. — Ч. 2. — С. 12.
48. Ретов А. В. Географический лексикон... — С. 112—113. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 2. — С. 104. Описание Иркутского наместничества... — С. 48.
49. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 1. — С. 340. Описание Иркутского наместничества... — С. 99—100.
50. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — М., 1788. — Ч. 3. — С. 85—86. Описание Иркутского наместничества... — С. 100.
51. Ретов А. В. Географический лексикон... — С. 335—336.
52. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 3. — С. 104.
53. Милославский Л. К. Изучение и литература... — С. 94.
54. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 1. — С. 147. Описание Иркутского наместничества... — С. 82.
55. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 1. — С. 38—39. Описание Иркутского наместничества... — С. 75—76.
56. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 2. — С. 90. Описание Иркутского наместничества... — С. 49, 70.
57. Матвеева Л. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 2. — С. 289. Описание Иркутского наместничества... — С. 94—95.

- 114 Макарян Л. М. Понимание и развитие географической культуры... — Ч. 2. — С. 241; Описание Иркутского наместничества... — С. 108—109.
- 115 Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 7, оп. 10а, д. 197, лл. 106, д. 121.
- 116 ДРГА, ф. 1399, карт. ф. 226, ч. 2, д. 2, л. 3—4 об.
- 117 Описание Иркутского наместничества... — С. 7—9.
- 118 Там же. — С. 20.
- 119 Там же. — С. 26.
- 120 Мандры Л. Е. Искусство и литература... — С. 96—97.
- 121 Описание Иркутского наместничества... — С. 21.
- 122 ДРГА АН УССР, ф. 1, д. 1030, л. 93—95.
- 123 Там же, лл. 11, 32, 27, 92.
- 124 Савваев В. А. Исторические очерки Сибири. — Сиб., 1886. — Кн. 2. — С. 40.
- 125 Описание Иркутского наместничества... — С. 145—171.
- 126 Там же. — С. 10.
- 127 Сафонов Ф. Г. Путешествие на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. — М., 1978. — С. 32—35.
- 128 Вильям В. Ф. Историко-географическое изучение Якутии XVIII—XVIII вв. — М., 1974. — С. 145—149.
- 129 Ср.: Описание Иркутского наместничества... — С. 196—197; Никитин Н. В. Зарисовки географической России. Обзор материалов XVIII в. // ВП. — М., 1930. — Сб. 17. — С. 34—35.
- 130 Описание Иркутского наместничества... — С. 156.
- 131 Там же. — С. 172.
- 132 Файер Н. Е. Сибирский историк... — С. 358; ДРГА, ф. 1264, оп. 1, д. 300, л. 50.
- 133 Вино Н. Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII в. // Изв. ВСОГО. — Якутск, 1894. — Т. XXV, № 4/5. — С. 82.
- 134 Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 3, оп. 10а, д. 199, л. 2.
- 135 ДРГА, ф. 1399, оп. 1, д. 405, л. 311/2.
- 136 Описание Иркутского наместничества... — С. 154; ДРГА, ф. 1399, оп. 1, д. 405, л. 1—3 об.
- 137 Подчеркнуто по данным: Описание Иркутского наместничества... — С. 157.
- 138 Вильям В. М. История Якутии и Оленка в XVIII в. // Парламент Сибири. Очерки, управление и культура народов Сибири в дореволюционный период. — Новосибирск, 1974. — С. 304.
- 139 Сафонов Ф. Г. Путешествие на северо-востоке Азии... — С. 182—184.
- 140 Вино Н. Историко-географические материалы... — С. 83; ДРГА, ф. 1399, оп. 1, д. 405, л. 4; Описание Иркутского наместничества... — С. 157.

- 141 Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 3, оп. 10а, д. 199, л. 1 об.; Описание Иркутского наместничества... — С. 159—159.
- 142 Описание Иркутского наместничества... — С. 157.
- 143 ДРГА, ф. 1399, оп. 1, д. 405, л. 4 об.; Описание Иркутского наместничества... — С. 159—160.
- 144 Вильям В. Описание Якутска. — Ч. 23. — С. 9; Макарян Л. М. Новый и старый географический словарь... — Ч. 2. — С. 204, 207.
- 145 Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 3, оп. 10а, д. 199, л. 5.
- 146 Описание Иркутского наместничества... — С. 10.
- 147 Там же. — С. 155, 162.
- 148 Вильям В. Путешествие на северо-востоке Азии... — С. 176, оп. 2.
- 149 Описание Иркутского наместничества... — С. 200—202; См.: Вильям В. Ф. Историко-географическое изучение Якутии... — С. 150—153.
- 150 ДРГА, ф. 655, оп. 2, д. 240, л. 20 об., 22 об. — 23. См.: Сафонов Ф. Г. Путешествие на северо-востоке Азии... — С. 35.
- 151 ДРГА, ф. 655, оп. 2, д. 240, л. 21.
- 152 ДРГА, ф. ВУА, д. 18920. Описание Подчиненного уезда оренбургской и влд. Кондратьевых А. А. Крестовые Зауралья... — Ч. 1. — С. 142—148.
- 153 ДРГА, ф. ВУА, д. 18920, л. 99 об.
- 154 Там же, л. 118.
- 155 Там же, л. 112 об., 131 об.
- 156 Там же, л. 79 об. — 80.
- 157 Там же, л. 84 об.
- 158 Там же, л. 132.
- 159 Там же, л. 112 об.; Кондратьевых А. А. Крестовые Зауралья... — С. 143.
- 160 Работкин А. И. Описание Таймыского наместничества // Работкин А. И. Избр. собр. соч. — М.; Л., 1952. — Т. 1. — С. 184.
- 161 ДРГА, ф. ВУА, д. 18920, л. 112 об.; Кондратьевых А. А. Крестовые Зауралья... — С. 143.
- 162 ДРГА, ф. ВУА, д. 18920, л. 118.
- 163 Крестовые В. Крестовые истории о верде Архангельск. Сиб., 1902. — С. 4—5.
- 164 ДРГА, ф. ВУА, д. 18920, л. 119 об.
- 165 Там же.
- 166 См.: Вильям В. М., Работкин А. И. История изучения Ирибей // Сибирские земли XVII — начала XX века. — Новосибирск, 1941. — С. 31—34.
- 167 ДРГА, ф. ВУА, д. 18920, л. 113 об. — 114.
- 168 Там же, л. 121.
- 169 Катанов Г. Е. Западно-сибирские степные наместники и их роль в обследовании и развитии русскими Сибири и Средней Азии. — Сиб., 1909. — Вып. 1. — С. 28.

303 Давыд Н. Некоторые сведения об укреплении Иркутской армии и оранжереи в ней вертеке // Иркутский сборник. — М., 1880. — Т. 2. — С. 1—17; Хитров А. К истории Иркут и Иркутской армии. — Иркутск, 1872.

304 ГАРО, ф. 653, кн. 2, л. 236, в. 32—34.

305 Рынков П. М. Топография Оренбургской губернии. Ч. 1—2 // Исторические описания и порисовки, к пользе и усовершенствованию служения. — Сиб. 1762. — Т. 15—16. Отд. изд.: Сиб. 1762. В типографии казенной. Оренбургские своды в двух П. Н. Рынкова, Э. А. Захарова, С. С. Никитина. — М., 1949. — С. 41—204.

306 Игнатьев С. С. Русский город. — С. 136—139.

307 Оренбургские своды. — С. 173—174.

308 Игнатьев С. С. Русский город. — С. 141.

309 История русской колонизаторской мысли. — М., 1935 — Т. 1, ч. 1. — С. 481—489; Мельков Ф. И. П. Н. Рынков. — М., 1923; Тихонов Ю. М. Русские крестьяне колонизаторы Южного Урала. — М., 1984. — С. 11.

310 История русской колонизаторской мысли. — С. 483.

311 См.: Руден Д. Я. О состоянии русских городов Забайкальской Сибири в XVIII в. // Памятник быта и хозяйства восточной Сибири. — Новосибирск, 1990. — С. 94—112.

312 Кайбыл А. М. Некоторые очерки. — С. 167.

313 Кайбыл А. М. Изучение состояния Восточной Сибири. — М., 1834. — Кн. 1—2. Пермь: М., 1977.

314 Радлов А. М. Кавказ собранья описаний. — М., Л., 1922. — Т. 3. — С. 133—142.

315 Андреев А. И. Неизвестный труд А. Н. Радлова о Сибири // Советская география. — М., Л., 1946. — Т. VI—VII. — С. 224—231; Радлов А. И. Комментари к «Описанию Тобольского наместничества» // Радлов А. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 393—394.

316 Радлов А. И. Комментари. — С. 394.

317 Там же. — С. 392.

318 Радлов А. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 139; Описание Тобольского наместничества. — С. 217.

319 Радлов А. И. Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 141.

320 Описание Тобольского наместничества. — С. 35.

321 Там же. — С. 232.

ГЛАВА IV

1 Мельков Г. Ф. Россия губернии, провинции, города, крепости и другие административные места, в Российской империи находившиеся // Исторические описания, к пользе и усовершенствованию служения. — Сиб., 1757. — Пермь — февраль. — С. 3—49, 99—123, 185—223.

2 Подруч Ф. Географический словарь Российского государства, или Сибири, означивший по алфавиту порядок рек, озер, моря, горы, города, крепости, значные монастыри, остроги, значные заводы, разные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи. — М., 1772.

3 Мельников Д. М. Новый и полный географический словарь Российского государства, или лексикон, означивший алфавитом географические, топографические, гидрографические, филологические, исторические, политические, хронологические, генеалогические и геральдические наименования, области и уезды, города, крепости, родины, форсисы, остроги, значные заводы, заводы, заводы, селы, волости, уезды, слободы, деревни и монастыри и прочее. — М., 1788—1789. — Ч. 1—6.

4 Мельников Д. М. Новый и полный географический словарь. — М., 1788. — Ч. 2. — С. 100.

5 Толмачев И. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. — Сиб., 1793. — Ч. 1—3. Переиздан Толмачев И. Н. Иероглифы христианства. — Л., 1979. — С. 153—360.

6 Шенников А. Словарь географический Российского государства, означивший алфавитом порядком географический, топографический, гидрографический, филологический, исторический, политический, хронологический, генеалогический и геральдический все губернии, города и на уезде, крепости, форсисы, родины, слободы, сибирские остроги, значные заводы, порученные заводы. — М., 1804—1809. — Ч. 1—7.

7 См.: Руден Д. Я. О составе истинном сибирского наместничества XVIII — первой половины XIX в. Иркутск. — Новосибирск, 1987.

8 Радлов А. И. Кавказские — сибирский обзорники. Жизнь и труды Ф. Н. Соболева. — Москва, 1979. — С. 243, № 53.

9 Толмачев И. Н. Иероглифы христианства. — С. 309—310, 394.

10 Мельков Г. Ф. К истории создания «Географического словаря А. Шенникова» // АЕ за 1964 год. — М., 1970. — С. 166—183; Игнатьев С. С. История создания и публикации первого русского географического словаря // АЕ за 1977 год. — М., 1978. — С. 90—97; и др.

11 Город у Краснояр. Кра. Документы и материалы по истории Красноярского края XVIII—XVIII вв. — Красноярск, 1981. — С. 119.

12 Архив АН СССР в Ленинград. ф. 3, кн. 1, л. 61, а. 2.

13 Радлов Г. Ф. Заселение русскими Приамурского края в XVIII в. — Новосибирск, 1981. — С. 227; Словарь Л. А. Историческое обозрение Сибири. — Сиб., 1856. — Кн. 1. — С. 79.

14 Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1982. — С. 212; ДНБ АН УССР, № 1—1989, л. 62.

15 Радлов Г. Ф. Заселение русскими. — С. 326; Радлов Г. М. К истории Енисейской, Илимской и Кураганской в XVIII в. // История городов Сибири доисторического периода XVIII — начало XIX в. — Новосибирск, 1977. — С. 197; Афанасьев Н. М., Троицкий С. М. Численность и состав по-

реального населения Сибири в 40—80-е годы XVIII в. // Описание Сибири в эпоху феодализма (XVIII—XIX вв.). — Новосибирск, 1968. — С. 168.

10 Шенников А. Словарь географический... — М., 1804. — Ч. 2. — С. 319.

11 См.: Рязань Д. Я. Словари XVIII — начала XIX в. как источники по истории и торговле городов Сибири // Описание городов сибирских городов эпохи феодализма. — Новосибирск, 1966. — С. 142—158.

12 Лавин А. Л. Историко-географическое описание... — С. 73.

13 Подруча Ф. Географический лексикон... — С. 384.

14 Домская путешествия подполковника Фелица // Новые сибирские чтения: путешествия по России. — Сиб., 1924. — Т. 4. — С. 538.

15 Описание Тибетского наместничества. — С. 182, ЦМА АН УССР. ГО. 1—1080, л. 89; Домский Н. Ф. Город Тибета в феодализм Азии. — Томск, 1984. — С. 32.

16 Грохотко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. — Новосибирск, 1966. — С. 51.

17 Подруча Ф. Географический лексикон... — С. 54.

18 Словарь Н. А. Историческое описание... — С. 46; Галайкин Н. М. Сибирь в Императорской комиссии... — М., 1869. — С. 22.

19 Шенников А. Словарь географический... — Ч. 1. — С. 584; ЦГМА, ф. ВУА, л. 18920, л. 153.

20 Подруча Ф. Географический лексикон... — С. 54; Мисюков А. М. Новый и полный географический словарь... — М., 1788. — Ч. 1. — С. 150.

21 Шенников А. Словарь географический... — Ч. 1. — С. 584.

22 Малов Д. К. История создания... — С. 178.

23 Там же. — С. 177.

24 Рязань Д. Я. Новые находки... — С. 318—319.

25 Описание Тибетского наместничества. — С. 243.

26 Кобузов В. М., Троицкий С. М. Численность и состав... — С. 172—173.

27 Шенников А. Словарь географический... — М., 1803. — Ч. 5. — С. 241.

28 Рязань Д. Я. Письм. сиб. яз. — М., Л., 1952. — Т. 3. — С. 142.

29 Описанием вост. Императорской комиссии, назначенной Импер. Корт. — М., 1869. — Кн. 4. — С. 347—415.

30 См.: Рязань Д. Я. Словари XVIII — начала XIX в. ... — С. 142—157.

31 Описание Иркутской Ю. в. края XVIII в. // Первое описание Иркутска. — Сиб., 6. т. — С. 14.

32 Подруча Ф. Географический лексикон... — С. 103; Шенников А. Словарь географический... — Ч. 2. — С. 800.

33 Малов Д. К. История города Иркутска в XVIII в. // Изв. СО АН СССР. Сер. общества наук. — 1973. — № 1, кн. 1. — С. 80.

34 Кудрявцев Ф. А., Вейдман В. А. Иркутск. Обзор по истории города. — Иркутск, 1971. — С. 47.

35 Описание Иркутского наместничества... — С. 68.

36 Подруча Ф. Географический лексикон... — С. 103; Мисюков А. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 2. — С. 80; Шенников А. Словарь географический... — Ч. 2. — С. 80.

37 Кобузов В. М., Троицкий С. М. Численность и состав... — С. 172—173.

38 Подруча Ф. Географический лексикон... — С. 108.

39 Малов Д. К. История и город сибирских // Восточное население, в 1800-е и 1810-е годы. — Сиб., 1755. — Сентябрь. — С. 281.

40 Мисюков А. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 2. — С. 91.

41 Шенников А. Словарь географический... — Ч. 2. — С. 802; Описание Иркутского наместничества... — С. 251.

42 См.: Карамзин Е. А. Русская архитектура второй половины XIX в. — М., 1979. — С. 80; Есенин Н. А. Архитектура палат в России XVIII в. — М., 1925. — С. 107; Карамзин В. В. Русский город эпохи барокко (культурный и эстетический аспект) // Русский город. (Исследования и материалы. — М., 1983. — Вып. 4. — С. 127—163; Фролов-Давыдов А. А. Русский пейзаж XVIII — начала XIX века. — М., 1953. — С. 127—163; Осип В. И. Строительные сооружения Сибири. — Л., 1980. — С. 28—36.

43 Алексеев М. А. Собрание раскопок и сибирских городов. Серия гравюр XVIII века // Сводные 1774. — М., 1984. — Вып. 4. — С. 68—76; Рязань Д. Я. Отечественные города в гравюре (книга Москвы и Ленинграда) // Формы гравюр как источник изучения архитектуры русских городов. — Л., 1978. — С. 101—131.

44 Подруча Ф. Географический лексикон... — С. 107; Галайкин Н. М. Сибирь в Императорской комиссии... — С. 25.

45 Мисюков А. М. Новый и полный географический словарь... — Ч. 2. — С. 271.

46 Кобузов В. М. Первый русский географический словарь // Землеведение. — М., Л., 1927. — Т. XXIX, кн. III/IV. — С. 62—63; Мисюков А. М. Зарождение географического словаря в России. Обзор материалов XVIII в. // ИГ. — М., 1950. — Сб. 17. — С. 74—79.

47 Восток С. С. История создания и публикации... — С. 97.

48 Малов Д. К. История создания... — С. 167, 182.

1000 5000

[illegible][illegible]

АБ	— Археологический ежегодник
АН	— Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией
АН	— Архитектурное наследство
ВГ	— Вопросы географии
ВИ	— Вопросы истории
ВИМК	— Вестник истории мировой культуры
ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГАКО	— Государственный архив Кемеровской области
ГАПО	— Государственный архив Пермской области
ГО СССР	— Географическое общество СССР
ГПБ, ОРХ	— Государственная публичная библиотечная им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел редкой книги
ГРМ	— Государственный Русский музей
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией
ИЗ	— Исторические записки
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
РИБ	— Русская историческая библиотека
РГО	— Русское Географическое общество
СА	— Советская археология
ТФ ГАО	— Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов РСФСР
ЦГВИА, ф. ВУА	— Центральный государственный военно-исторический архив, ф. Военно-учебный архив
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив
ЦНБ АН УССР	— Центральная научная библиотека АН УССР
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Источники и историография	26
Глава II. Г. Ф. Миллер как историк городов Сибири	70
Глава III. Топографические и историко-географические описания городов и островов Сибири	99
Глава IV. Города Сибири в русских энциклопедиях и словарях XVIII — начала XIX в.	152
Заключение	168
Примечания	170
Приложения	202
Список старопечатных	208

Научное издание

Редактор Дмитрий Яковлевич

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СИБИРСКОГО ГОРОДА. XVIII век

Редактор издательства Т. Е. Мельникова

Технический редактор Л. П. Минина

Корректоры Л. Л. Михайлова, Е. К. Чернова

СЗ № 6228

Дано в набор 12.04.88. Подписано в печать 10.01.88. Формат ТУСУР 1/32. Бумага типографская № 2. Установленная структура. Оборотная печать. Усл. печ. л. 5,1. Мл. протт. 85. Уч.-изд. л. 12. Тираж 200 экз. Заказ № 131. Цена 3 р. 95 к.

Ордин Тургенева Крестову Издательство «Наука», Новосибирск, 630099
Новосибирск, 98 ул. Советская, 18

4-я типография издательства «Наука», 630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.